2021
N 1 (55)

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА
LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE
YURIDICHESKAYA NAUKA I PRAVOOKHRANITEL'NAYA PRAKTIKA

16+

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально

Scientific and Practical Journal. Established by Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ | **EDITORIAL BOARD**

Председатель | **Chairman**

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
кандидат технических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы Российской Федерации,
Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

IOGOLEVICH V.A.,
Candidate of Technical Sciences, associate professor, honoured worker of higher education of the Russian Federation, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

Главный редактор | **Chief Editor**

ВАНЮШИН Я.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

VANUSHIN Ya.L.,
Candidate of Legal Sciences, associate professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

Ответственный редактор | **Executive Editor**

ЧЕРНОВА С.С.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России

CHERNOVA S.S.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии: | **Members of the editorial board:**

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

БЕЗРУКОВ А.В.,
доктор юридических наук, доцент,
Академия управления МВД России

BEZRUKOV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, associate professor,
Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

ГАНАИМ Х.,
LLD, профессор,
Хайфский университет,
Израиль

GHANAYIM Kh.,
LLD, professor, University of Haifa
(Israel)

ГЕРАСИМЕНКО Ю.В., доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Омская академия МВД России	GERASIMENKO Yu.V., Doctor of Legal Sciences, Professor, honoured lawyer of the Russian Federation, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ГРИШКО А.Я., доктор юридических наук, профессор, Нижегородская академия МВД России	GRISHKO A.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ГУЧОК А.Е., доктор юридических наук, доцент, Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь	GUCHOK A.E., Doctor of Legal Sciences, associate professor, The Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus (Belarus)
ЗИГМУНТ О.А., PhD, Университет Фехта (Германия)	SIEGMUNT O.A., PhD, Vechta University (Germany)
ИЛЬЯШЕНКО А.Н., доктор юридических наук, профессор, Кубанский государственный университет	IL'YASHENKO A.N., Doctor of Legal Sciences, professor, Kuban State University
КЛЕАНДРОВ М.И., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, член-корреспондент РАН, заслуженный юрист Российской Федерации, Институт государства и права Российской академии наук	KLEANDROV M.I., Doctor of Legal Sciences, professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, honoured lawyer of the Russian Federation, honoured worker of science of the Russian Federation, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences
КОЗАЧЕНКО И.Я., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Уральский государственный юридический университет	KOZACHENKO I.Ya., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Ural State Law University
ЛАВРОВ В.П., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Академия управления МВД России	LAVROV V.P., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Academy of Management of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
ЛИПИНСКИЙ Д.А., доктор юридических наук, профессор, Тольяттинский государственный университет	LIPINSKIY D.A., Doctor of Legal Sciences, professor, Togliatti State University
ЛУНЕЕВ В.В., доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Институт государства и права Российской академии наук	LUNEEV V.V., Doctor of Legal Sciences, professor, honoured worker of science of the Russian Federation, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

МАЙОРОВ В.И.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

MAYOROV V.I.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Поволжский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)
в г. Саратове

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
honoured worker of science
of the Russian Federation,
Volga Region Institute (branch) of the All-Russian
State University of Justice (Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of Russia) in Saratov

СЕРГЕЕВ А.Б.,
доктор юридических наук, профессор,
Челябинский государственный университет

SERGEEV A.B.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Chelyabinsk State University

СУМАЧЕВ А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SUMACHEV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский юридический
институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
St. Petersburg Law Institute (Branch)
of the University of Prosecutor's Office
of the Russian Federation

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation

Включен в Перечень российских рецензируемых научных журналов и изданий (2015)

Included in the list of the Russian reviewed scientific journals (2015)

Партнеры:
Международная ассоциация содействия правосудию;
Российская криминологическая ассоциация

Partners:
International Union of Assistance to Justice;
Russian Association for Criminology

Адрес редакции, издателя и типографии:
625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

Address of the Editorial Board, Publisher and Printing House: Amurskaya str. 75, Tyumen, Tyumen region, 625049, Russia.

http://www.naukatipk.ru; +7 3452 598 484; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России»: 81271

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ N ФС77-79556 от 07.12.2020 г.
Редактор Е.В. Карнаухова.
Технический редактор Е.К. Булатова.
Перевод на английский язык: М.И. Лыскова.
Подписано в печать 23.03.2021. Дата выхода в свет 29.03.2021
Формат 60x84/8. Усл. п. л. 15,3. Уч.-изд. л. 14,5.
Тираж 300 экз. Заказ N 011. Цена свободная.
© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2021.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

ТРОФИМОВ В.В. О телеономии и типизации правовых норм с позиции социально-психологического контекста регулируемых общественных отношений (теоретико-методологический аспект) **6**

БЛАЖЕВИЧ Н.В., БЛАЖЕВИЧ И.Н. Права и свободы человека в юридическом и этическом аспектах **16**

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

УСТИНОВ А.А. Обоснованность подозрения в причастности к совершенному преступлению при избрании судом меры пресечения **27**

Раздел 3. Уголовный закон

СИЗОВА В.Н. Эволюция российского уголовного законодательства в период с 1917 по 1924 год **34**

Раздел 4. Уголовно-процессуальное обозрение

ИВАНОВ В.И. Уголовно-процессуальное доказывание – ретроспективный путь познания от чувственного восприятия сущего к достоверному знанию прошлого **42**

ДРОБЫШЕВА Е.Н. Судья-докладчик в суде надзорной инстанции: вопросы правового статуса и пределы участия в принятии решений Президиумом Верховного Суда Российской Федерации **52**

Раздел 5. Совершенствование правоохранительной практики

ШАТИЛОВИЧ С.Н., МОРОЗОВ В.И. Вопросы правовой регламентации применения сотрудниками охранно-конвойных подразделений полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны в случае причинения нападавшему лицу вреда здоровью либо смерти **60**

CONTENTS

Section 1. Methodology of law enforcement activities

TROFIMOV V.V. On the teleonomy and typification of legal norms from the perspective of the socio-psychological context of the regulated social relations (theoretical and methodological aspect) **6**

BLAZHEVICH N.V., BLAZHEVICH I.N. Legal and ethical issues of human rights and freedoms **16**

Section 2. Human rights protection

USTINOV A.A. Reasonable suspicion of involvement in the crime committed when choosing the measure of restraint by court **27**

Section 3. Criminal Law

SIZOVA V.N. The evolution of Russian criminal legislation in the period from 1917 to 1924 **34**

Section 4. Criminal procedural review

IVANOV V.I. Proving in criminal procedure as the retrospective way of cognition from sensory perception of existence to reliable knowledge of the past **42**

DROBYSHEVA E.N. Rapporteur judge in the superior court: the issues concerning legal status and limits of participation in decision making by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation **52**

Section 5. Improving law enforcement practice

SHATILOVICH S.N., MOROZOV V.I. Issues of legal regulation of the use of physical force, special equipment and firearms by the officers of guard and escort police units in the state of necessary defense in case of causing harm to attacker' health or attacker's death **60**

Раздел 6. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

ВЕРХОТУРОВА С.В., СОБОЛЕВСКАЯ С.И. О роли специалиста в уголовном процессе **71**

Раздел 7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

ПОГОРЕЛЬСКИЙ А.А. Содержание, значение и дифференциация уголовно-процессуальной формы **82**

ШУМАКОВ С.А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба и денежным возмещением **90**

Раздел 8. Обзоры, рецензии, критика

МАЙОРОВ В.И., ИВАНОВА С.И. Отзыв на диссертацию О.В. Ковальчук «Противодействие административным правонарушениям в сфере дорожного движения: административно-деликтологический аспект (по материалам Дальневосточного федерального округа)» **97**

ЧЕРНОВА С.С. Анализ научно-практического журнала «Юридическая наука и правоохранительная практика» **102**

Раздел 9. Спецтема: Противодействие преступности в новых геополитических реалиях

ГАВРИЛОВ Б.Я. Уголовно-процессуальное законодательство: современное состояние и меры по совершенствованию **115**

АНОХИН Ю.В., КИСЕЛЁВА М.А. Криминалистическая характеристика незаконных поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания **125**

Section 6. Criminalistic provision of law enforcement activities

VERKHOTUROVA S.V., SOBOLEVSKAYA S.I. On the role of the specialist in criminal proceedings **71**

Section 7. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

POGORELSKY A.A. Content, meaning and differentiation of criminal procedure form **82**

SHUMAKOV S.A. Exemption from criminal liability due to the compensation for damage and monetary compensation **90**

Section 8. Reviews, critiques

MAYOROV V.I., IVANOVA S.I. Review of O.V. Kovalchuk's thesis "Countering administrative offences in the field of road traffic: administrative and tort aspect (based on the materials of the Far East Federal District)" **97**

CHERNOVA S.S. Analysis of scientific and practical journal "Legal Science and Law Enforcement Practice" **102**

Section 9. Special topic: Combating crime in new geopolitical realities

GAVRILOV B.Ya. Criminal procedure legislation: current state and measures for improvement **115**

ANOKHIN Yu.V., KISELEVA M.A. Criminalistic characteristics of illegal search and (or) seizure of archaeological objects from the cultural layers of archaeological sites **125**

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

ТРОФИМОВ В.В.,
доктор юридических наук, доцент,
iptgutv@mail.ru
Научно-исследовательский институт
государственно-правовых исследований;
Кафедра теории и истории
государства и права;
Тамбовский государственный университет
имени Г.Р. Державина,
392036, г. Тамбов,
ул. Интернациональная, 33

TROFIMOV V.V.,
Doctor of Legal Sciences, associate professor,
iptgutv@mail.ru
Research Institute of
State and Legal Studies;
Chair of theory and history of state and law;
Tambov State University
named after G.R. Derzhavin,
Internatsionalnaya St. 33,
Tambov, 392036,
Russian Federation

О ТЕЛЕОНОМИИ И ТИПИЗАЦИИ ПРАВОВЫХ НОРМ С ПОЗИЦИИ СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА РЕГУЛИРУЕМЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ (ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)*

Аннотация. В статье ставится проблема типизации правовых норм с позиции социально-психологического контекста регулируемых общественных отношений. Проводится критическая рефлексия устоявшегося в науке понимания феномена общественных отношений, рассматриваемых в отечественной теории права в качестве предмета правового регулирования. Указывается на необходимость актуализации глубинного межличностного ряда общественных отношений, которые непосредственно выступают и должны выступать предметом правового опосредования. Констатируется телеономичность правовых норм, предполагающая по общему смыслу категории причинную обусловленность тех целей, которые предусматриваются правовыми нормами. Устанавливается, что характер межличностных связей (положительно-солидарный либо негативно-конфликтный) объективно детерминирует целевую направленность юридических норм, призванных либо способствовать отношениям сотрудничества, либо препятствовать конфликтным отношениям в обществе. Эта же логика определяет рубрикацию (типологию) закрепляемого в правовых нормах юридического инструментария (от активных стимулов до жестких ограничений в виде запретов).

Ключевые слова: право; общество; теория и методология права; правовые нормы; телеономия; типизация; логика социально-правового развития; социальная философия; социальная психология; общественные отношения; межличностные отношения; интеракция; конфликт; сотрудничество; стимулы; ограничения.

Для цитирования: Трофимов В.В. О телеономии и типизации правовых норм с позиции социально-психологического контекста регулируемых общественных отношений (теоретико-методологический аспект) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 1 (55). С. 6-15.

ON THE TELEONOMY AND TYPIFICATION OF LEGAL NORMS FROM THE PERSPECTIVE OF THE SOCIO-PSYCHOLOGICAL CONTEXT OF THE REGULATED SOCIAL RELATIONS (THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECT)**

Annotation. The problem of typification of legal norms from the standpoint of the socio-psychological context of the regulated social relations is analyzed in the article. A critical reflection of the established scientific understanding of the phenomenon of social relations, which are considered

* Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), научный проект N 19-011-00726.

** The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR), research project No. 19-011-00726.

as a subject of legal regulation in the domestic theory of law, is carried out. The author points out the need to update the deep interpersonal series of social relations, which actually are and should be the subject of legal mediation. The teleonomic character of legal norms is stated by the author. According to the general meaning of the category, it implies the causal conditionality of the goals that are provided by legal norms. It is also stated that the nature of interpersonal relations (positive (involving solidarity) or negative (involving conflict)) objectively determines the target orientation of legal norms which are enforced either to promote cooperative relations or to prevent conflict relations in society. The same logic determines the categorization (typology) of the legal tools fixed in the legal norms (from active incentives to strict restrictions in the form of prohibitions).

Keywords: law; society; theory and methodology of law; legal norms; teleonomy; typification; logic of social and legal development; social philosophy; social psychology; social relations; interpersonal relations; interaction; conflict; cooperation; motivation; restrictions.

For citation: Trofimov V.V. On the teleonomy and typification of legal norms from the perspective of the socio-psychological context of the regulated social relations (theoretical and methodological aspect) // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 1 (55). P. 6-15.

Введение. В отечественной юриспруденции право в объективном смысле традиционно рассматривается как регулятор общественных отношений [1, с. 59; 2, с. 142; 3, с. 41-42], которые, согласно теории исторического материализма (общесоциологической теории марксизма), получившей довольно прочное и доминирующее (по сравнению со всеми иными социально-философскими теориями и концепциями) положение в советской науке права, определяются как «многообразные связи, возникающие между социальными группами, классами, нациями, а также внутри них в процессе их экономической, социальной, политической, культурной жизни и деятельности» [4, с. 244]. Именно общественные отношения выступают в качестве объекта (предмета) правового регулирования, а значит, ими объективно задается общий характер и целевая логика действия соответствующего механизма влияния права на общественную жизнь. Поэтому во многом от понимания того, что есть общественные отношения, может зависеть и то, какие средства (прежде всего, правовые средства) для их регламентации будут созданы и какие правовые нормы по своему характеру, содержанию и, соответственно, целевым установкам будут приняты. При этом, как представляется, чем четче и адекватнее будет понимание предмета правовой регламентации (социальных отношений), тем более истинным будет суждение, заключенное в правовой норме. В.К. Бабаев верно отмечает, что для того чтобы быть истинной, «норма права должна: во-первых, правильно отражать состояние общественных отношений, служащих предметом правового регулирования, во-вторых, давать им правильную юридическую оценку» [5, с. 35].

В статье предлагается подход к анализу нормативного массива через призму социально-психологического контекста, в котором право зарождается и где оно получает свою «прописку», проходя фильтры социализации, адаптации к реальным социальным условиям. Формируется понимание того, что целевая логика правовых норм (то есть то, для чего они предназначены по своей природе) изначально определяется социально-психологической природой общественных отношений, и от того, какова эта природа (конфликтная или солидарная, конфликтуют между собой участники социальных взаимодействий или сотрудничают), зависит и то, какие правовые нормы будут привлекаться для воздействия на соответствующие социальные отношения. Юридической науке и правовой (в том числе правоохранительной) практике важно видеть этот глубинный слой социальных отношений, понимать, что не в абстрактных ролевых общественных связях содержится «данность права» [6, с. 9-14], а на уровне межличностных контактов участников социальных отношений, этим социально-психологическим контекстом и детерминируется логика правового целеполагания. О том, какие познавательные акценты следует расставлять на пути к такому пониманию природы права, и пойдет речь в предлагаемой вниманию читателя статье.

Основная часть исследования. Раскрывая природу права и его элементар-

ного состава в виде первичных элементов — правовых норм, следует, на наш взгляд, прежде всего учитывать, что содержание и, соответственно, целевая направленность (отвечает на вопрос о том, с какой целью они вводятся в действие) правовых норм как истинных суждений диктуются во многом характером тех общественных отношений, которые эти нормы призваны регулировать, социальная ориентация юридических норм детерминируется спецификой социального контекста, на который будет направлено правовое регулирование. Такова, по сути, телеономия* (целевая детерминация) права как регулятора общественных отношений. Соответственно, если стоит задача подбора тех нормативно-правовых регуляторов, которые будут максимально адекватны регулируемым отношениям (выражая связанное с ними «сущее» и вместе с тем ориентируя их на необходимое «должное»), то знание и понимание характера регулируемого социального контекста становится принципиальным. А.И. Экимов, рассуждая в этой научной плоскости, справедливо констатирует, что «право — это не любые нормы, устанавливаемые государством, а только те, которые отвечают определенным требованиям» [10, с. 15]. Лишь на этой основе можно будет выстраивать разумную политику правового регулирования, привлекая для решения определенных задач объективно распределенный юридический инструментарий (дифференцированный согласно логике собственно социального контекста), когда одна часть юридических средств способна решать один тип задач, а другая — иной тип задач, достигая итоговых целей этой общей социально-правовой инженерии (направление в теории права, которое было когда-то актуализировано Р. Паундом и сегодня могло бы удачно совместиться с присущим современной как зарубежной (главным образом, американской), так и отечественной юриспруденции правовым инструментализмом [11]).

Однако, как отмечено выше, помимо правильного отражения состояния общественных отношений, нужно изначальное правильное и глубокое понимание того, что представляют собой общественные отношения, иначе может оказаться, что то же правотворческое познание будет «схватывать» предмет правового регулирования лишь поверхностно, не достигая сути проблемы и даже не вдаваясь «в детали» подвергаемого регулированию социального пространства, которые также могут быть важны. В другой своей работе В.К. Бабаев справедливо замечает: «Исследование логики права предполагает изучение различных аспектов правотворчества и правоприменения, в частности, вопроса о логико-юридическом развитии правовых норм. В литературе он ставится главным образом в связи с возникающей необходимостью конкретизации правовых норм» [12, с. 7]. И далее ученый отмечает: «Юридические нормы имеют слишком общий характер и для своего применения нуждаются в более конкретных нормах, их опосредующих. Лишь тогда они способны выполнить свою регулирующую роль» [12, с. 7]. При этом автор, являясь последовательным сторонником логического метода в праве, не доводит идею этого метода до крайности, как это пытались делать представители юридической догматики, отрицавшие в принципе необходимость исследования социальной природы права [13], а напротив, продолжает утверждать, что источник развития права в конечном счете лежит не внутри правовой системы, а вовне — в регулируемых правом общественных отношениях, которые обусловливают его возникновение, определяют сущность и содержание [12, с. 12]. Но при этом нужно понимать, что представляет собой это самое пресловутое социальное пространство в виде того, что мы называем термином «общественные отношения».

* Для справки: согласно философским словарям, телеономия — это целенаправленность без финализма, то есть без конечной цели; цель в этом случае мыслится как следствие действующих причин (например, в дарвинизме — как следствие эволюции видов и естественного отбора) [7, с. 614]; сам же термин «телеономия» впервые был введен в научный оборот в конце 50-х годов XX столетия К. С. Питтендраем [8, p. 394], который телеономичным называет направленный механический процесс, поскольку его цель во многом определяется той объективной данностью, из которой он проистекает (однако при этом есть и некое обратное отношение, при котором цель также имеет свое влияние на процесс) [9].

В изложенном выше доктринальном понимании общественных отношений (а именно в такой трактовке понятие общественных отношений преимущественно фигурировало в отечественной гуманитарной науке) заключены, прежде всего, макросоциальные связи, в которых личностный и специфически-социальный контексты практически теряются на фоне больших социальных сил (главным образом, классов), а если и проявляются, то только в качестве элементов макросоциальных систем и процессов. В историко-материалистической доктрине позиционировалось, что отдельные личности участвуют в общественных отношениях как члены (представители) тех или иных социальных общностей и групп, при этом именно общественные отношения определяют существенные стороны личных отношений как отношений конкретных индивидов (связанных непосредственными контактами, где бывают значимы психологические, нравственные, культурные особенности людей, их симпатии и антипатии и др. личностные факторы), но не наоборот [14]. Не удивительно, что при таком подходе человеческое, личностное, если и подразумевалось, то оставалось в тени макросоциальных величин (макросоциальных субъектов (классов, больших социальных групп), их интересов и пр.). Ф. Энгельс по этому поводу прямо указывает, что «отношение фабриканта к рабочему — не человеческое, а чисто экономическое» [15, с. 497]. Межличностные отношения в социально-гуманитарном знании, может быть, и предполагались, но место фундаментального (основополагающего) начала социальной жизни им, конечно, не отводилось. Соответственно, подобная социально-философская программа находила свое зеркальное отражение в ряде социально-гуманитарных наук, в том числе в науке правовой.

Отсюда во многом известные определения права как регулятора общественных отношений, что отнюдь не предмет для отрицания, если уметь видеть в этих самых общественных отношениях «предельно-конечное» в виде межличностных отношений, которые, собственно, и придают всему социальному изначальную энергию и наполняют абстрактные социальные формы жизненным содержанием. Если же не замечать искомый ряд межличностных отношений (при посредстве права — отношений между людьми как субъектами права или между различными социальными общностями как теми же субъектами права, которые в основе создаются именно людьми), то таким образом позиционируемый предмет правового регулирования будет детерминировать формирование излишне абстрактных юридических норм с нечетко выражаемыми интересами и нечетко определяемыми целями, что, по всей видимости, будет снижать эффект правового регулирования и к тому же ставить под сомнение саму нормативную систему права. Как верно отмечал в свое время Г.Т. Чернобель, «только та официальная система норм может быть названа правом, которая создана прогрессивными классами и определяет меру человеческого поведения в соответствии с потребностями и закономерностями общественного развития, обеспечивает действительную свободу трудящихся, каждой конкретной личности» [16, с. 54].

Безусловно, речь не идет о необходимости какой-либо кардинальной ревизии сложившегося толкования предмета правового регулирования. Вместе с тем не будет лишним более подробно разобраться с этим вопросом, так как от этого зависит истинность правотворческого познания как такового, способного фиксировать на идейном уровне и затем создавать действующие юридические конструкции. При том понимании, которое имеет юридическая наука (имела ранее и продолжает иметь сегодня), право изначально становится нацеленным на регулирование неких массовидных отношений в обществе, а значит, отношений обезличенных (на этот факт особенно обращается внимание в психологической науке [17; 18]), неперсонифицированных, а потому не ориентированных на конкретный жизненный контекст, что может быть и «заслугой» объективного права, но вполне возможно, что это его «просчет». (Известно на этот счет мнение В.А. Белова, который пишет: «Изучение разнообразных конкретных жизненных отношений не может быть задачей юриспруденции. Так, вряд ли правильно требовать от юриста изучения экономических, или, скажем, финансовых отношений с участием определенной ор-

ганизации — это задача, соответственно, экономистов и финансистов. А юристу для изучения остаются юридические нормы и результаты воздействия юридических норм на конкретные жизненные отношения». [19, с. 531]).

«Просчет» выражается в том, что такое понимание общественных отношений «заставляет» законодателя, создающего право, ставить во главу угла «абстрактность» — «максимальную обобщенность» в присущих ему регулятивных моделях, применимых к общественным отношениям, и потому право как форма для тех же самых общественных отношений нередко оказывается несоразмерным с теми конкретными жизненными вопросами, которые с его помощью приходится решать, а поскольку оно бывает слишком «обобщено» (рассчитано на множество подобных случаев, но не на какой-либо в отдельности), то часто разрешить конкретный случай с его помощью становится очень затруднительно. «За ответом» приходится обращаться к «применителям» права, однако они нередко отказываются брать на себя смелость решать в отсутствие четких нормативно-правовых предписаний закона такие вопросы или решают по стандартизированным методикам, не пытаясь проникнуть вглубь проблемы, по причине чего конкретные человеческие юридически значимые интересы остаются нереализованными (неудовлетворенными), а это, как мы понимаем, не вполне хорошо, так как здесь право не выполняет свое социальное предназначение.

Возьмем, например, Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2020), в рамках которого было дано немало разъяснений, касающихся неверного понимания судами норм материального либо процессуального права по причине отсутствия необходимой степени конкретизации нормативных положений применительно к описанию юридических фактов, характеристик субъектов правовых отношений, субъективных прав и юридических обязанностей, и пр.*

В частности, ориентируясь на некий шаблонный вариант решений и не видя в законодательных формулировках ясных «маяков» для правильного разрешения юридического дела, суд первой инстанции был намерен требовать возврата получателем излишне выплаченных ему в качестве мер социальной поддержки денежных средств в силу положений п. 1 ст. 1102 и подп. 3 ст. 1109 ГК РФ. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в определении N 15-КГ19-3 признала выводы судов основанными на неправильном применении норм материального права, указав следующее:

«В соответствии с п. 1 ст. 1102 ГК РФ лицо, которое без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобрело или сберегло имущество (приобретатель) за счет другого лица (потерпевшего), обязано возвратить последнему неосновательно приобретенное или сбереженное имущество (неосновательное обогащение), за исключением случаев, предусмотренных ст. 1109 данного кодекса.

По смыслу положений подп. 3 ст. 1109 ГК РФ не считаются неосновательным обогащением и не подлежат возврату денежные суммы, предоставленные гражданину в качестве средств к существованию, в частности заработная плата, приравненные к ней платежи, пенсии, пособия, стипендии, возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, и т.п., то есть суммы, которые предназначены для удовлетворения его необходимых потребностей, и возвращение этих сумм поставило бы гражданина в трудное материальное положение. Закон устанавливает исключения из этого правила, а именно: излишне выплаченные суммы должны быть получателем возвращены, если их выплата явилась результатом недобросовестности с его стороны или счетной ошибки.

При этом добросовестность гражданина (получателя спорных денежных средств) презюмируется, следовательно, бремя доказывания недобросовестности гражданина, получившего названные в данной норме виды выплат, лежит на стороне, требующей возврата излишне выплаченных денежных сумм»**.

* Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2020): утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 нояб. 2020 г. // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://www.vsrf.ru

** См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2020).

Одновременно в судебном определении высшей судебной инстанции отмечается, что эти нормы ГК РФ о неосновательном обогащении и недопустимости возврата определенных денежных сумм могут применяться и за пределами гражданско-правовой сферы, в частности в рамках правоотношений, связанных с получением отдельными категориями граждан Российской Федерации выплат, предусмотренных социальным законодательством*.

Однако здесь возникает вопрос о том, «виноват» ли правоприменитель, что не увидел в законодательной формулировке точного указания на презумпцию добросовестности получателя мер социальной поддержки (с автоматическим переносом бремени доказывания на другую сторону социально-правового взаимодействия), или закон должным образом не конкретизировал эту социально-психологическую характеристику субъекта права, при этом не пояснив в дополнительном плане, что на действие социального права распространяются по аналогии нормы гражданско-правового регулирования. Ответ, думается, лежит на поверхности.

Схожие примеры представлены и по многим другим отраслевым аспектам системы правового регулирования, где за «общими» формулировками не ясна конкретная модель взаимодействия участников социально-правовых отношений (субъектов права и законных интересов), причем эта «правовая неотрефлексированность» может тянуться годами действия законодательных актов и остается только догадываться, сколько субъектов права испытали на себе тягости «неправильных» или «недостаточных» правовых решений судебных инстанций именно по причине изначальной «обобщенности», на первый взгляд, конкретных правовых норм (не следует смешивать с так называемыми нормативными обобщениями как результатами сознательного правотворческого решения, направленного на стремление выразить некие общие смыслы правового регулирования, дать общие ориентиры для юридической деятельности (присутствие которых в праве, по нашему мнению, также должно быть уместным и объективно дозированным) [20, с. 69]).

Целеполагание, которое присутствует в каждой юридической норме, при таком подходе, когда на уровне сознания правотворца сама целевая область в виде социальных связей, которые нужно регулировать, размыта, также становится очень приблизительным, примерным, а потому та цель, которая заключена в норме, не совпадает с той реальной целью, которая диктуется самой жизнью и той конкретной ситуацией, которую необходимо разрешить посредством права. Отсюда известное отчуждение права от социума, неверие людей в силу права и прочие проблемы правового развития, которые, как это ни парадоксально, начинаются на уровне понимания общественной природы правовых институтов.

То, насколько должны быть конкретизированы нормы с точки зрения решаемых ими задач, вопрос непростой, более глубокое его рассмотрение оставим, пожалуй, за рамками настоящего научно-полемического материала. Вместе с тем обратим внимание на то, что объективному праву следует ориентироваться не просто на абстрактные (обезличенные) общественные отношения, а на те общественные отношения, внутри которых существует базовый (предельно-конечный) ряд межличностных отношений, — отношений между реальными человеческими субъектами, у которых по отношению друг к другу есть различные симпатии и антипатии, в результате которых такие индивиды начинают либо сотрудничать, либо конфликтовать между собой, в связи с чем задача права может сводиться к тому, чтобы либо помочь наладить солидарное взаимодействие (пролонгировать социально-правовое сотрудничество), либо воспрепятствовать тому, чтобы возникающие между людьми конфликты усиливались (свести к минимуму социальные разлады).

Такой вывод объясняется как минимум тем, что ключ ко всем социальным процессам находится не только в экономическом субстрате общества и строящихся вокруг него производственных общественных отношениях, объективность которых автоматически распределяет социальные роли участникам (людям, которые в эти

* См.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 3 (2020).

отношения вступают) и делает их частью больших социальных групп, взаимодействие между которыми и внутри которых становится предметом правового воздействия. Как представляется, природа социума все же намного глубже — зарождается на уровне того межличностного ряда общественных отношений, который строится самими людьми (в силу их физических и интеллектуальных возможностей), между которыми происходят самые разнообразные процессы и устанавливаются различные состояния (от солидарных до конфликтных). Именно эти процессы и состояния и выступают главным целевым объектом права, предметом правового регулирования. А значит, чтобы устроить систему качественного праворегулирования, необходимо понять, какие основные процессы и состояния происходят в области межличностных отношений.

Акцент должен делаться на взаимодействии (интеракции) индивидов. Именно в этом случае появится возможность понять и теоретически описать весь спектр составляющих социальной природы права, не ограничиваясь лишь объяснениями при помощи категории общественных отношений, которые при всей их универсальности носят обезличенный характер, а значит, нивелируют специфически-социальные особенности жизненных ситуаций [21]. Почему кто-то говорит, что юристам не следует их изучать (изучать конкретные жизненные отношения)? Ведь это то же самое, что сказать — биологам не нужно изучать молекулярный состав биологических организмов, физикам не нужно изучать строение атома (и т.п.), а лишь наблюдать, как биологические и физические явления развиваются внешне. Думается, изучать микроуровень во всех сферах юриспруденции не только возможно, но крайне необходимо. И первые, и вторые, и третьи группы ученых — это те, кто и изучают соответствующие явления окружающего мира, и одновременно создают инструменты, технологии (биологические, физические, а также юридические), которые обеспечивают социальное существование. При этом понятно, что для того чтобы создать подобные технологии и сделать их качественными, необходимо знать природу тех явлений, для которых эти технологии создаются.

Юристам, которые призваны следить (во всех смыслах и отношениях) за здоровьем общества, такие «молекулярные» знания об обществе как объекте правового контроля просто необходимы. Данные глубинные социальные знания прежде всего позволят установить, что основными сторонами социальных коммуникаций (коммуникаций между социальными субъектами) являются, с одной стороны, социальное сотрудничество, с другой — социальный конфликт. А если это так, то целевая логика нормативного инструментария права будет в основе логикой социальной, и даже глубже — социально-психологической, учитывающей, что отношения между людьми развиваются не нейтральным образом (между носителями определенных социальных ролей, выражающих положение социальных субъектов в социальном пространстве), а в эмоционально окрашенных средах в рамках непосредственных межличностных контактов конкретных социальных субъектов (продавец — покупатель, врач — пациент, чиновник — гражданин и т.п.), наделенных соответствующими социально-психологическими характеристиками (добросовестность — недобросовестность, миролюбивость — агрессивность, способность к эмпатии — равнодушие и пр.). Как справедливо замечает Г.В. Мальцев, «почти все... эмоции... обладают праворелевантностью, т.е. имеют юридическое значение» [22, с. 161]. И это невозможно не учитывать при правовых построениях: то, что исходит от социума, должно получить грамотное отражение в действующем позитивном праве [23; 24; 25].

Для удобства анализа соотношения интеракции и правовых нормативов основные социальные процессы (состояния) можно свести в две большие группы: 1) конъюнктивные (сближение, объединение, солидарность) и 2) дизъюнктивные (разъединение, фрустрация, конфликт). Соответственно, функциональная связь, опосредующая действия общающихся субъектов, может иметь положительную или отрицательную направленность, что в конечном счете сказывается на результате взаимодействия — установленной линии взаимного поведения, служащей прообразом нормативной модели, а затем трансформирующейся и в саму нормативно-правовую модель, которая вы-

ражает конкретное объективным образом сложившееся «правило», способствующее установлению и развитию, в частности, сотрудничества между социальными субъектами (например, лицензионный авторский договор, по которому правообладатель передает лицензиату в рамках достигнутого соглашения определенные правовые возможности использования авторского произведения) либо предупреждению и преодолению социального конфликта (например, иск (иски) к суду о признании авторского права и применении ряда обеспечительных мер, если имеет место конфликт между лицами, спорящими о своем праве авторства на произведение).

Соответственно, можно говорить о допустимости классификации (типизации) правовых норм по критерию целевой направленности на избирательную по характеру социальную ситуацию (ситуацию с элементом солидарности или ситуацию с элементом конфликта): солидарно-ориентированные (по общему правилу это управомочивающие нормы; диспозитивные нормы) и конфликтно-ориентированные правовые нормы (как правило, это обязывающие и запрещающие нормы; императивные нормы). Солидарно-ориентированные правовые нормы преследуют цель поддержания и развития отношений сотрудничества между социальными субъектами. Конфликтно-ориентированные нормы права имеют задачей погашение, минимизацию конфликтов в социальной системе. Причем каждая из названных групп правовых норм имеет в арсенале целый набор юридических инструментов, получающих свое расположение (размещение) в форме соответствующей нормативной правовой модели. В одном случае (при нормах солидарного права) – это позитивные юридические средства (дозволения, различные правовые стимулы, юридические соглашения и пр.). В другом случае (при конфликтных нормах) – это негативные юридические инструменты (предупреждения (превенции), запреты, обязанности, конкретные правовые ограничения в виде наказаний и пр.). При этом и один тип правовых инструментов и другой, присущие им цели и задачи детерминируются социальным (социально-психологическим) контекстом, их целевая направленность (на развитие сотрудничества и на погашение конфликтов), так называемая телеономичность, обусловливается особенностями той социальной среды, на которую они бывают рассчитаны.

Заключение. Во-первых, проведенный анализ, как представляется, со всей очевидностью демонстрирует, что требуется переосмысление ряда базовых оснований юридической теории в части трактовки социального контекста как предмета правового регулирования. Социальная обусловленность права намного глубже, чем это принято по общему правилу воспринимать и на уровне традиционной общей теории права, и на уровне отраслевых юридических теорий. Искомая глубина социальной природы права находится в социально-психологическом поле взаимодействующих (конфликтующих либо сотрудничающих) индивидов. Во-вторых, целью правовых регуляторов (норм права) становится, таким образом, разрешение соответствующих блоков социальных проблем – устранение конфликтов или обеспечение социального сотрудничества. В этом заключается телеономия (объективная причинность целеполагания) правовых норм. В соответствии с социально-психологической обусловленностью права и происходит внутренняя дифференциация всего массива правовых норм (хотя порой это может быть не вполне видно невооруженным глазом, но по своей социально-психологической природе практически все правовые нормы так и градируются). В-третьих, подобная социальная логика правового целеполагания должна практиковаться максимально последовательно и методично (начиная от уровня правотворчества и продолжая всеми иными стадиями действия права). Знание и понимание этой логики позволит определять верные правовые цели, получающие закрепление в нормативных правовых моделях, и эти цели будут наилучшим образом совпадать с теми жизненными целями, которые преследуют участники социальных коммуникаций, обеспечивая свое жизненное существование. Таким образом, право будет в полной мере выполнять свое социальное предназначение, а процессы созидания и применения права действительно могут выступать процессами правовой инженерии социального пространства.

Список литературы

1. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. 381 с.
2. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М.: Юристъ, 1997. 672 с.
3. Комаров С.А. Общая теория государства и права. М.: Юрайт, 1998. 416 с.
4. Большая советская энциклопедия / гл. ред. А.М. Прохоров: в 30 т. Т. 18. М.: Сов. энциклопедия, 1974. 631 с.
5. Бабаев В.К. Норма права как истинное суждение // Правоведение. 1976. N 2. С. 30-37.
6. Нашиц А. Правотворчество. Теория и законодательная техника / пер. с рум. И. Фодор; под ред. Д.А. Керимова и А.В. Мицкевича; послесл. Д.А. Керимова. М.: Прогресс, 1974. 256 с.
7. Конт-Спонвиль А. Философский словарь / пер. с фр. Е.В. Головиной. М.: Этерна: Палимсест, 2012. 750 с.
8. Pittendrigh C. S. Adaption, Natural Selection and Behevior // Behevior and Evolution / ed. A. Roe and George Gaylord Simpson. New Haven: Yale University Press, 1958. Pp. 390-416.
9. Аль-Ани Н.М. О целевой причине или о том, может ли «будущее» влиять на «настоящее» // Научно-технический вестник Санкт-Петербургского государственного университета информационных технологий, механики и оптики. 2006. N 24. С. 3-8.
10. Экимов А.И. Интересы и право в социалистическом обществе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 134 с.
11. Тревиньо А.Х. Актуальность классиков для современной социологии права: американский контекст // Правоведение. 2013. N 5. С. 26-47.
12. Бабаев В.К. Логико-юридическое развитие правовых норм // Правоведение. 1978. N 2. С. 7-12.
13. Корнилов Ф.Д. Юридический догматизм и диалектический материализм: (Критический набросок). Саратов, 1925. 82 с.
14. Исторический материализм / под общ. ред. Ф.В. Константинова. М.: Госполитиздат, 1950. 748 с.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 2. М.: Изд-во полит. лит., 1955. 652 с.
16. О понимании советского права: «круглый стол» «Советского государства и права» // Советское государство и право. 1979. N 8. С. 48-77.
17. Андреева Г.М. Социальная психология: учебник для высших учебных заведений. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аспект-Пресс, 2009. 363 с.
18. Селезнева Е.В. Место управленческих отношений в системе общественных и психологических отношений // Развитие профессионализма. 2016. N 2. С. 53-54.
19. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть: учебник. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 637 с.
20. Малюгин С.В. Нормативные обобщения в системе права: понятие, основные поисковые параметры, разновидности и функциональное значение // Правовая парадигма. 2019. Т. 18. N 4. С. 67-74.
21. Трофимов В.В. Взаимодействие индивидов как правообразовательный процесс: общетеоретический аспект: монография / под ред. Н.А. Придворова. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. 148 с.
22. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. 800 с.
23. Трофимов В.В. Социально-психологическая природа правовых норм (к проблеме модернизации подходов в отечественном правопонимании) // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2001. N 1 (21). С. 50-53.
24. Трофимов В.В. Конфликт и сотрудничество как объективная основа правообразовательного процесса // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2010. N 2. С. 5-13.
25. Трофимов В.В. Правообразование в современном обществе: актуальные аспекты теории и методологии // Российский юридический журнал. 2010. N 5. С. 50-57.

References

1. Ioffe O.S., Shargorodskiy M.D. Questions of the theory of law. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1961. 381 p. (In Russ.).
2. Theory of state and law. Course of lectures. Moscow, Yurist" Publ., 1997. 672 p. (In Russ.).
3. Komarov S.A. General theory of state and law. Moscow, Yurayt Publ., 1998. 416 p. (In Russ.).
4. Great Soviet Encyclopedia. In 30 volumes. Vol. 18. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1974. 631 p. (In Russ.).
5. Babaev V.K. The norm of law as a true judgement. Jurisprudence, 1976, no. 2, pp. 30-37 (In Russ.).
6. Nashits A. Law making. Theory and Legislative Technique. Moscow, Progress Publ., 1974. 256 p. (In Russ.).
7. Comte Sponville A. Philosophical Dictionary. Moscow, Eterna: Palimsest Publ, 2012. 750 p. (In Russ.).
8. Pittendrigh C. S. Adaption, Natural Selection and Behavior. Behavior and Evolution / ed. A. Roeand George Gaylord Simpson. New Haven: Yale University Press, 1958. Pp. 390-416.
9. Al'-Ani N.M. On the target reason or on whether the "future" can influence the "present". Scientific and Technical Bulletin of the St. Petersburg State University of Information Technologies, Mechanics and Optics, 2006, no. 24, pp. 3-8. (In Russ.).

10. Ekimov A.I. Interests and law in a socialist society. Leningrad, Leningrad State University Publishing House, 1984. 134 p. (In Russ.).

11. Trevin'o A.H. The relevance of the classics for modern sociology of law: the American context. Jurisprudence, 2013, no. 5, pp. 26-47. (In Russ.).

12. Babaev V.K. Logical and legal development of legal norms. Jurisprudence, 1978, no. 2, pp. 7-12. (In Russ.).

13. Kornilov F.D. Legal dogmatism and dialectical materialism: (Critical sketch). Saratov, 1925. 82 p. (In Russ.).

14. Historical materialism. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1950. 748 p. (In Russ.).

15. Marks K., Engel's F. Works. Vol. 2. Moscow, Political Literature Publishing House, 1955. 652 p. (In Russ.).

16. On the understanding of Soviet law: "Round table""Soviet state and law". Soviet state and law, 1979, no. 8, pp. 48-77. (In Russ.).

17. Andreeva G.M. Social Psychology. Textbook for higher educational institutions. Moscow, Aspect-Press Publ., 2009. 363 p. (In Russ.).

18. Selezneva E.V. The place of managerial relations in the system of social and psychological relations. Development of professionalism. 2016, no. 2, pp. 53-54. (In Russ.).

19. Belov V.A. Civil law. A common part. Moscow, Tsentr YurInfoR Publ., 2002. 637 p. (In Russ.).

20. Malyugin S.V. Normative generalizations in the legal system: concept, basic search parameters, varieties and functional meaning. Legal paradigm, 2019, vol. 18, no. 4, pp. 67-74. (In Russ.).

21. Trofimov V.V. Interaction of individuals as a legal process: general theoretical aspect. Tambov, Publishing House of Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2002. 148 p. (In Russ.).

22. Mal'tsev G.V. Social foundations of law. Moscow, Norma Publ., 2007. 800 p. (In Russ.).

23. Trofimov V.V. Socio-psychological nature of legal norms (to the problem of modernization of approaches in domestic legal thinking). Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities, 2001, no. 1 (21), pp. 50-53. (In Russ.).

24. Trofimov V.V. Conflict and cooperation as an objective basis of the legal process. Electronic supplement to the "Russian legal journal". 2010, no. 2, pp. 5-13. (In Russ.).

25. Trofimov V.V. Legal education in modern society: topical aspects of theory and methodology. Russian legal journal, 2010, no. 5, pp. 50-57. (In Russ.).

БЛАЖЕВИЧ Н.В.,
доктор философских наук, профессор,
bin7704@rambler.ru
Кафедра философии, иностранных языков
и гуманитарной подготовки
сотрудников органов внутренних дел;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

BLAZHEVICH N.V.,
Doctor of Philosophical Sciences, professor,
bin7704@rambler.ru
Chair of philosophy, foreign languages
and humanitarian training
of law enforcement officers;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
Russian Federation

БЛАЖЕВИЧ И.Н.,
bin7704@rambler.ru
Кафедра уголовно-правовых дисциплин;
Филиал Института деловой карьеры
в Тюменской области,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

BLAZHEVICH I.N.,
bin7704@rambler.ru
Chair of criminal law disciplines;
Branch of the Institute of Business Career
in the Tyumen Region;
Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
Russian Federation

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА В ЮРИДИЧЕСКОМ И ЭТИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

Аннотация. В статье раскрывается связь юридического и этического в толковании и детерминации прав и свобод человека; осуществляется систематизация условий, обеспечивающих права и свободы человека; в системе детерминант выделяются ядро и периферия; в качестве основополагающих выступают правовые и нравственные детерминанты, которые позволяют человеку свободно самореализовываться. При этом авторами проводится дистинкция понятий «права человека» и «свободы человека», а также уточняется само понятие человеческой свободы посредством интеграции гносеологического, онтологического, этического и юридического аспектов; обосновывается, что позитивное право, стремящееся выразить общечеловеческие нравственные принципы и нравственный закон, становится носителем и гарантом подлинной свободы человека.

Ключевые слова: позитивное право; права человека; свобода человека; детерминанта свободы; нравственный закон; духовная ценность; нравственная оценка; самореализация человека.

Для цитирования: Блажевич Н.В., Блажевич И.Н. Права и свободы человека в юридическом и этическом аспектах // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 1 (55). С. 16-26.

LEGAL AND ETHICAL ISSUES OF HUMAN RIGHTS AND FREEDOMS

Annotation. The article reveals the relationship between legal and ethical aspects in the interpretation and determination of human rights and freedoms. The systematization of conditions that ensure human rights and freedoms is carried out. The core and the periphery are distinguished in the system of determinants. It is emphasized that legal and moral determinants that contribute to the free self-realization of a person are the fundamental ones. The authors of the article make a distinction between the concepts of "human rights" and "human freedom". The concept of human freedom is clarified through the integration of epistemological, ontological, ethical and legal aspects. It is substantiated that positive law, which seeks to express universal moral principles and moral law, becomes the bearer and guarantor of true human freedom.

Keywords: positive law; human rights; human freedom; determinant of freedom; moral law; spiritual value; moral evaluation; self-realization of a person.

For citation: Blazhevich N.V., Blazhevich I.N. Legal and ethical issues of human rights and freedoms // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 1 (55). P. 16-26.

Практическое юридическое решение вопросов обеспечения прав и свобод человека впервые было представлено во французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года. В ней указывалось, что свобода человека состоит в возможности делать все, что не наносит вреда другому человеку, а осуществление прав каждого человека ограничивалось лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества возможность пользоваться теми же правами*. Практические вопросы обеспечения прав и свобод человека сразу же находят отражение в теоретических изысканиях. Начало теоретического юридического решения проблемы обеспечения прав и свобод человека связано с возникновением идеи правового государства. Известно, что идея правового государства впервые была сформулирована и обоснована в философии права И. Кантом. Это неслучайно, так как И. Кант видел в событиях французской революции 1789 года стремление осуществить новые идеалы права и гражданского порядка [см. подробнее: 1, с. 91].

Следует отметить, что проблема прав и свобод человека имеет особую актуальность для современной России в связи с поставленными задачами строительства социального государства, которое призвано создать условия для реализации прав и свобод всего российского общества. В частности, этот процесс начинается, да и должен начинаться, с совершенствования Конституции Российской Федерации, в которой сформулированы основные права и свободы человека и гражданина России. В статье 7 Конституции Российской Федерации говорится об общественном порядке в России: «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Разумеется, вопросы защиты свободного развития человека возникли не сейчас, не во времена французской революции 1789 года, не со стремлением построить правовое и социальное государство, а относятся к природе самого человека и сопровождают его историческое существование. Человек по происхождению является свободным существом. Вопрос в том, как создать человеку условия для проявления его сущности и гарантировать ему свободу. Человечество в процессе эволюции само находит ответы на эти вопросы. Вслед за формированием нравственных традиций и моральных норм в истории человечества складываются позитивное право и государственность, которые укрепляют гарантии человеческой свободы. Согласно теории общественного договора государство создается, чтобы обеспечить свободу гражданину, оградить его произвол от произвола других членов общества. Естественно, позитивное право и государственность должны развиваться, обеспечивая каждому человеку смысл его существования, — свободное развитие. В этом смысле убедительно утверждение Е.И. Кобзеевой о том, что деятельность любого органа государственной власти должна быть подчинена достижению единой цели — обеспечению прав и свобод человека. Обеспечение прав и свобод человека является его прямой и важнейшей конституционной обязанностью и заключается в создании экономических, организационных, правовых и иных условий для реализации прав и свобод человека. Более того, следует подчеркнуть, что выполнение органом государственной власти и всех других функций должно создавать необходимые условия для реализации прав и свобод человека [2, с. 69].

Обеспечение прав и свобод человека зависит от многих условий. Как отмечается в юридической литературе, следует учитывать историческое развитие государства, его географическое положение, климатические условия, развитие экономики, общественный и политический строй, национальные, религиозные, культурные традиции и, наконец, нравственную и правовую культуру населения [3]. Очевидно, что детерминация прав и свобод человека имеет системный характер. Кроме внутренних детерминант, образующих систему условий, вызывающих данное следствие, выделяются внешние детерминанты.

К внешним условиям обеспечения прав и свобод человека относятся геогра-

* Декларация прав человека и гражданина 1789 г. // Международные акты о правах человека: сб. документов. М.: НОРМА-ИНФРА, 1998. С. 32-36.

фическое положение, климатические условия и развитие экономики страны, в которой человек проживает. Среди внешних условий нетрудно установить субординацию. В этой иерархии ближайший контекст свободы человека создает развитие экономики, так как ею производятся основные материальные блага (жилище, продукты питания и т.д.), обеспечивающие существование человека. Развитие экономики расширяет объектную свободу человека. Однако свобода имеет субъектную сторону, которая является доминирующей стороной у человека как духовного существа. По этой причине материальная жизнь создает лишь внешние условия для свободы человека, а условия духовной жизни человека являются внутренними детерминантами свободы человека (например, человек выбирает жилище, продукты питания и т.д., исходя из духовных представлений).

Систему внутренних детерминант прав и свобод человека образуют связи и отношения элементов политической, правовой и нравственной культуры человека. От состояния политического и государственного управления, правовых и нравственных традиций зависит то, насколько свободно поведение человека, в какой степени он проявляет свою волю. Принятые человеком политические (государственные), правовые и нравственные ценности входят в состав причины совершенного человеком свободного действия. В любой развитой системе устанавливается субординация элементов, формируется ядро, а что-то уходит на периферию. Ядро представляют системообразующие элементы, а периферию — производные элементы [см подробнее: 4, с. 166-170]).

Так, в системе внутренних детерминант прав и свобод человека политические ценности относятся к периферии, так как меньше влияют на принятие конкретного решения, чем правовые и нравственные ценности человека. В конечном счете свободное действие человека — это проявление его нравов. Соответственно, сила правовых ценностей возрастает, если они адекватны нравственным ценностям человека. Аналогичное изменение происходит и с политическими, государственными ценностями. Они увеличивают свою значимость, когда для данного человека становятся нравственными и законными. И. Кант проблему человеческой свободы связывает с формированием правового государства, поскольку именно оно формирует механизм реализации человеческой свободы.

Учение о праве и государстве И. Кантом выводится из этической теории свободы человека. Согласно И. Канту, свобода определяет смысл моральной независимости и автономии человека, его способность и право самому устанавливать правила должного и следовать им без внешнего принуждения и давления. Человеку присуща свобода, его поступки являются актом свободной воли, независимой от внешних необходимостей. Один и тот же поступок, рассмотренный в различных отношениях (с позиции сущего или должного, эмпирического или трансцендентального), одновременно может быть охарактеризован в двух планах: как явление, подчиненное законам каузальности, и как акт свободной воли человека. Свободная воля одновременно является и моральным законодателем, и добровольным исполнителем моральных правил — максим разума. Мыслитель подчеркивал, что в свободном моральном поступке человек подчинен «только своему собственному и тем не менее всеобщему законодательству». Эта мысль отчетливо выражена в категорическом императиве. Категорический императив, согласно И. Канту, в отношении права велит: «Поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной с всеобщим законом» [подробнее см.: 1, с. 95].

На основе категорического императива И. Кант дает определение праву как «совокупности условий, при которых произвол одного лица совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы». Право подразумевает свободу индивидов и связанную с этой свободой возможность произвола, столкновения и коллизию различных, произвольных его действий и т.д. Право и есть общее для всех правило согласования произвольных, коллизионных действий свободных лиц. Смысл и назначение права в том, чтобы ввести свободу и произвол всех индивидов (как властвующих, так и подвластных)

в разумные и общезначимые рамки. Право касается лишь действий и обозначает только внешние границы общедопустимого поведения.

Кантовское правопонимание опирается на идею моральной автономии человека, его абсолютной самоценности, его способности самому дать себе закон, знать свой долг и осуществить его. Сама возможность свободы и общего для всех закона коренится в этой моральной автономии человека. Регулятивная сила идеи разума в некотором отношении тождественна силе договора. Действительно, разделяя некоторую идею и действуя в направлении реализации ее требований, люди действуют так же, как если бы они специально договорились о том же самом. Существенная разница здесь в том, что веления идеи разума безусловны, тогда как договор по своему существу условен, может быть изменен, расторгнут и т.д. Трактовка общественного договора в духе регулятивной идеи разума раскрывается И. Кантом в теории правового государства. По его словам, правовое «государство — это объединение множества людей, подчиненных правовым законам». Благо государства состоит в высшей степени согласованности государственного устройства с правовыми принципами и нравственным законом. Реализация требований категорического императива в сфере государственности предстает у Канта как правовая организация государства с разделением властей (законодательной, исполнительной и судебной) [1, с. 96].

Очевидно, что И. Кант идеализирует регулятивную силу разума в обеспечении свободы человека, но с ним можно согласиться в том, что правовые и нравственные ценности являются доминирующими в реализации прав и свобод человека, обусловливают проявления воли человека. В системе правовых и нравственных ценностей человека также устанавливается субординация и координация. Упорядоченность правовых и нравственных ценностей позволяет им эффективно выполнять регулятивную функцию в поведении человека. Правовые и нравственные ценности являются — как и все ценности вообще — ориентирами, с которыми человек соотносит свою жизнь в целом и конкретные действия. Человек всегда не только имеет некоторый набор ценностных установок, но и выстраивает определенную иерархию ценностей, предполагающую доминирование одних ценностей и подчиненное положение других.

Нравственно зрелый человек обязан не просто различать, что «хорошо», а что «плохо», но и адекватно осознавать, что из «хорошего» первостепенно значимо, а что второстепенно, чем «хорошим» можно и нужно пожертвовать ради верности более высоким ценностям, а что является теми ценностями, которые обеспечивают сам высший смысл его жизни и деятельности. Также важно адекватно сознавать, что из «плохого» является совершенно недопустимым, а что может быть «меньшим злом» для предотвращения «большего зла». Поэтому в иерархии правовых и нравственных ценностей человека также выделяются ядро и периферия. Например, в ядро духовных ценностей такой социальной общности, как нация, включаются основные национальные нравственные и правовые традиции, идеалы, принципы и качества народа*.

Если в этических размышлениях права человека представляются как проявление его субъектной свободы, то в юридических текстах стремятся объективировать эту субъектную свободу. При этом у юристов есть языковая традиция употреблять для объективирования субъектной свободы человека одновременно два термина: «права человека» и «свободы человека». В связи с этим возникает необходимость провести дистинкцию этих понятий, установить их сходство и различие. Любые понятия, как учит логика, сравниваются по объему и содержанию. Объем понятия — это то, что понятие как мысль воспроизводит, что является предметом мысли, а со-

---

* Системный анализ духовных ценностей был ранее предпринят одним из авторов статьи. См.: Блажевич Н.В. Иерархия нравственных ценностей как основа социальной безопасности // Социальная безопасность в евразийском пространстве: материалы всероссийского круглого стола с международным участием (15 декабря 2017 г.) / под ред. И.А. Грошевой. Тюмень: Филиал Моск. ин-та государственного управления и права в Тюменской области, 2018. С. 19-22.

держание понятия составляют признаки предмета мысли*.

Объемы понятий «права человека» и «свободы человека» воспроизводят правовые отношения. В отличие от других правовых понятий они используются в конституционных нормах, регулирующих основные правовые отношения. Кстати, в ст. 18 Конституции Российской Федерации даже устанавливается предназначение этих понятий, когда указывается, что права и свободы человека «определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

Как показывает анализ текста Конституции Российской Федерации, по объему и содержанию эти понятия близки, они нормируют исходные условия субъектной свободы в материальной и духовной жизни человека. Но есть различие в традиции использования этих терминов законодателем. Так, термин «права человека» чаще всего используется для выражения конституционных возможностей человека, которые регулируют его субъектную свободу в материальной жизни (например, ст. 20 — право на жизнь, ст. 41 — право на охрану здоровья и медицинскую помощь, ст. 40 — право на жилище, ст. 22 — право на свободу и личную неприкосновенность, ст. 23 — право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени, ст. 21 — право на охрану человеческого достоинства, ст. 37 — право выбирать род деятельности и профессию и т.д.). Термин «свобода человека» избирается для отражения конституционных возможностей человека, связанных с регулированием его субъектной свободы в духовной жизни (например, ст. 28 — свобода совести, свобода вероисповедания, ст. 29 — свобода мысли и слова, ст. 44 — свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания). Чаще всего в конституционных нормах используется термин «права человека», и даже в статьях, которые относятся к духовной жизни, то есть, по сути, понятийные границы у этих терминов тождественны, а различают их только языковые традиции.

Нельзя согласиться с различением этих терминов, которое предлагает установить Л.Д. Воеводин, когда заявляет, что понятие «права человека» свидетельствует о возможности получения каких-то социальных благ, а понятие «свобода человека» фиксирует его возможность избежать воздействия со стороны государственной власти [5, с. 123]. Во-первых, данное утверждение противоречит ст.ст. 17, 18, 45 и 46 Конституции Российской Федерации, в которых подчеркивается, что защита прав и свобод человека гарантируется государством, поэтому уйти от воздействия государственной власти сложно. Во-вторых, эти понятия обозначают конституционные нормы, отражающие непосредственный договор общества с государством, которое обязуется использовать власть для обеспечения свободы человека. В-третьих, все правовые нормы, в том числе конституционные, устанавливают границы применимости воли человека, его субъектной свободы. Конечно, конституционные нормы, регулирующие духовную жизнь, имеют огромное предметное пространство для проявления воли, свободы человека по сравнению с конституционными нормами, относящимися к материальной жизни. Однако и в этих нормах содержатся ограничения и запреты. Например, каждому гарантируется свобода мысли и слова, но «запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства», при этом подчеркивается, что гарантирует выполнение этих требований государственная власть (ст. 29).

Следует отметить, что если бы в Конституции Российской Федерации было проведено четкое различение терминов «права человека» и «свободы человека», даны их строгие дефиниции, то вторая глава Конституции, посвященная правам и свободам человека, от этого только бы выиграла. В истории права, как показывает приведенный нами пример с французской Декларацией прав человека и гражданина 1789 года, такой опыт имеется. Но ради

* Эти утверждения о понятии подробно разъясняются одним из авторов статьи. См.: Блажевич Н.В. Логика для следователей: учебник. 2-е изд. Тюмень: Тюм. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. С. 53-54.

объективности следует отметить, что соотносительное употребление терминов «права человека» и «свободы человека» является неявным выражением продуктивной идеи, высказанной отечественными юристами (Б.Н. Чичериным, Е.Н. Трубецким, П.И. Новгородцевым, И.А. Покровским, С.С. Алексеевым и др.), что целью права является объективированная человеческая свобода.

Безусловно, эти понятия имеют общее в содержании. Их предметы характеризуются универсальностью, естественностью и неотчуждаемостью. В свое время выдающийся отечественный юрист XIX века И.А. Покровский, анализируя свойства правовых норм, на первое место ставил такие, как определенность и прочность. Он подчеркивал, что определенность и прочность есть «две стороны одной естественной и "неотъемлемой" потребности индивида иметь свое ясное и определенное место в жизни целого социального организма» [6, с. 106]. Определенность и прочность должны быть неотъемлемыми свойствами конституционных норм. В связи с этим неслучайно внесение поправок в Конституцию Российской Федерации было направлено на уточнение правовых норм, отражающих общие интересы россиян, служило объективированию их свободы.

Главное свойство конституционных прав и свобод человека с точки зрения этики состоит в том, что они являются объективированной идеей свободы народа. На это свойство правовых норм обращал внимание выдающийся отечественный философ и юрист XIX века Е.Н. Трубецкой, подчеркивая, что «если «свобода отдельного лица не ограничена никакими правилами, никакими предписаниями, там нет вообще никакого права: существенным признаком права является правило или норма, ограничивающая свободу» [7, с. 291]. Эту мысль развивает современный отечественный юрист С.С. Алексеев, доказывая, что именно праву, а не какому-либо иному социальному институту «дано быть умерителем» свободы человека, ее гарантированным носителем, определителем ее границ, способом переключения в творческую, созидательную активность [8, с. 140].

Эта идея для человечества не нова, уже древние цивилизации находят способы обеспечения свободы человека, устанавливая для этого социальные нормы. Известно, что первые нормы человеческих отношений предлагаются самой древней религией – иудаизмом.

Важно заметить, что в «Десяти Заповедях» Торы (XIII в. до н. э.) содержатся такие социальные нормы, которые в дальнейшем воспроизводятся в буддизме, конфуцианстве, христианстве, исламе и не теряют актуальности сегодня. К ним можно отнести следующие нравственные требования, высеченные на камне: «Почитай отца и мать», «Ты не должен убивать», «Ты не должен распутничать», «Ты не должен красть», «Ты не должен давать ложного свидетельства на ближнего своего», «Не желай дома ближнего твоего, ни жены его, ничего, что у ближнего твоего» [9, с. 55]. Разумеется, среди социальных норм, обеспечивающих свободу и безопасность человеческих отношений, существует иерархия, на вершине которой находятся общечеловеческие моральные принципы и нравственный закон*. Следует отметить, что исходные общечеловеческие моральные принципы и нравственный закон четко формулируются в древнекитайской цивилизации Конфуцием, который приходит к выводу, что человек должен руководствоваться двумя принципами: принципом гуманности и принципом «золотой середины» (справедливости). По Конфуцию, «гуманность – это истинный небесный закон, и когда он утрачен, тогда нет ни порядка, ни гармонии». На основе этих принципов он сформулировал нравственный закон, который является основным правилом свободного поведения человека: «Не делай другим того, чего не желаешь себе» [10, с. 94, 96]. Нравственный закон выражает идею социальной справедливости и лежит в основе всех справедливых социальных норм. Видимо, неслучайно во всех социальных утопиях нравственный закон избирается как основной закон отношений между людьми. Нравственный закон звучит в толковании свободы и права в Декларации прав человека и гражданина 1789 года.

---

* Блажевич Н.В. Иерархия нравственных ценностей как основа социальной безопасности. С. 19-22.

Обеспечивая свободу человека, формируя общественный порядок, социальные нормы в то же время ограничивают поведение человека и его отношения с другими людьми. Например, анализируя право, отечественный философ и юрист В.С. Нерсесянц замечает, что правовые нормы как регулятор общественных отношений содержат различные ограничительные требования к участникам этих отношений [11, с. 46]. Но, к сожалению, не все социальные нормы справедливы, адекватно отражают общественный интерес, а значит, некоторые из них лишают тех или иных людей свободы. Справедливость социальных норм, в частности правовых, выверяется нравственным законом. Все социальные нормы возникают в связи с вопросами свободы человека. Они ее ограничивают. Разумеется, правовые нормы благодаря особому механизму их возникновения и реализации выделяются среди социальных норм. Они устанавливают реальные границы свободы человека и обращают его активность в созидание общественного блага. При этом конституционные нормы призваны быть справедливыми, отражать интересы большинства. Например, в современной России они принимаются всенародным голосованием.

Как доказывает наука, становление и развитие человека обусловлены его стремлением выйти за пределы природного бытия. Человек создает вторую природу, ищет в жизни полноты и совершенства, которое не могут ему дать первая и вторая природа. Материальное бытие ограничивает стремление человека к свободе, и он создает идеальное, духовное бытие. У человека, который уже познал материальную свободу, как замечает А. Мень, «появляются высшие сверхприродные интересы и влечения. В этом — залог его бесконечного развития» [9, с. 18-19]. Духовное бытие открывает новые возможности для человека и служит его свободе. Духовное бытие создает предпосылки для совершенствования и его материальной свободы. Например, Л.Н. Толстой эту мысль в своем дневнике записал так: «Для человека дороже всего быть свободным, жить по своей, а не по чужой воле. Для того, чтобы жить так, человеку надо жить для души. А чтобы жить для души, надо подавлять похоти тела» [12, с. 311].

Действительно, всякий человек имеет причастность к духовному бытию, духовной культуре, имеет духовные способности и потребности, но человек может игнорировать свой собственный дух (индивидуальное надсознательное). Сознание человека в таком случае обращено к телу, начинает жить телесными потребностями, желаниями и удовольствиями. Сознание в таком случае направлено на совершенствование материальных удовольствий, оказывается в плену животного существования и нравственного кризиса. О такой перспективе уже предупреждал человечество основатель эвдемонизма Эпикур. «Когда мы говорим, что удовольствие есть конечная цель, — пояснял Эпикур, — то мы разумеем не удовольствие распутников и не удовольствие, заключающееся в чувственном наслаждении, как думают некоторые, не знающие, не соглашающиеся или неправильно понимающие, но мы разумеем свободу от телесных страданий и душевных тревог» [цит. по: 1, с. 35-36]. Материальная жизнь человека, оторванная от духа, становится в этом случае ущербной, и никакие попытки обрести полноту ее не способны увенчаться успехом. Человек по своей природе может быть назван духовным существом. Конечно, не в том смысле, что дух есть единственная настоящая реальность человека, а в том смысле, что духом определяется его бытие в целом. Человек есть духовное существо в том смысле, что его жизнь всегда соотнесена с законами духовного бытия, с высокой нравственностью, — хочет ли этого человек или нет.

Человек — самое свободное существо в мире, он действует не автоматически, не под влиянием только инстинктов и только внешних обстоятельств, человек имеет волю, может совершать сознательный выбор и несет ответственность. Человек, по выражению В.И. Вернадского, создает ноосферу. Настоящая свобода не требует отмены внешних ограничений и внутреннего самоконтроля. Свобода человека как раз предполагает для своей реализации наличие этих внешне ограничивающих условий и реализуется она именно через внутренний самоконтроль. Свобода человека в настоящем смысле этого слова подразумевает как раз способность определя-

ющим образом влиять на мир и на свою собственную жизнь. Свобода неотделима от действия человека и ответственности за него, и обеспечена она отсутствием жесткой детерминации между совокупностью условий, составляющих определенную ситуацию, и экзистенциальным выбором человека в этой ситуации.

Философии известны различные попытки найти ответ на вопрос о том, что же такое свобода. Эти попытки осуществляются в четырех направлениях: онтологическом, гносеологическом, этическом и юридическом. При этом подходы многократно пересекаются и интегрируются. Исторически первый подход – гносеологический. Он начал формироваться в античной философии, в которой свобода человека связывается со знанием истины. В начале Нового времени философы связывают решение всех проблем человека с просвещением. В этот период появилось знаменитое определение свободы. «Свобода есть познанная необходимость», – пишет Б. Спиноза в своей «Этике» [цит. по: 1, с. 74].

Действительно, свобода человека состоит в единстве разума и воли. Освобождению от влияния неразумных желаний, аффектов помогает ясное познание, которое обеспечивает прежде всего разум человека. Свобода и необходимость – явления не противоположные, а обусловливающие друг друга. Свобода характеризует субъективную сторону действия человека: его намерение, выбор цели и средств ее достижения, а необходимость – объективную сторону, объект действия, объективные условия, без которых достижение результата невозможно. Для того чтобы цель была достигнута, человеку необходимо знать объект и объективные условия ее достижения. В этом аспекте истинное познание объекта и ситуации, в которой приходится действовать человеку, делает его свободным, позволяет правильно совершить выбор цели и средств ее достижения. Свобода человека – это характеристика его эффективного действия, выполненного по собственной воле. Истинное знание становится основой такого эффективного действия. Безусловно, гносеологический подход, раскрывая необходимые условия достижения реальной свободы, лишь приближает к познанию ее онтологии.

Попыток представить онтологию, сущность свободы человека значительно больше. К ним относится распространенное восприятие свободы как независимости. Кстати, в таком значении толкует этот термин Л.Д. Воеводин [5]. Действительно, свобода является характеристикой активности человека, его поведения, его действия. Свобода выражается в возможности человека совершить самому по своей воле то или иное действие. Независимость, самостоятельность – это свойства свободного действия. Однако, как и любое качество, они относительны. Можно найти отношения, в которых свобода независима и в которых обнаруживается ее зависимость. Например, человек независим от многих вещей и событий, которые не входят в его жизненное пространство. Прямая и обратная зависимость – это виды связи. Но есть и другие виды связей, которые имеют иные характеристики. Существует связь состояний.

Например, состояние погоды может оказывать ощутимое влияние на активность человека, его ощущение свободы. Согласно законам диалектики абсолютно независимым и самостоятельным быть нельзя, как и абсолютно свободным человеком. Можно согласиться с А.Л. Анисиным в том, что «зависимость, несамостоятельность не противоречат свободе в определенном отношении, более того, именно наличие этой связи человека с вещами и событиями обеспечивает возможность свободного действия человека (его собственного, по его воле) по отношению к этим вещам и событиям» [4, с. 420]. Ведь в субъектной и объектной свободе человека есть необходимое, от которого он зависит. Если человек учитывает это необходимое по собственной воле, то он свободен.

Свойства независимости, самостоятельности свободы позволяют утверждать, что она есть проявление творческой активности человека, а всякое творчество является единством продуктивного и репродуктивного. Поэтому степень свободы определяется мерой продуктивного в действии человека. Как показывает анализ антропогенеза, человек формируется как творческое существо. Он не только быстро адаптируется в среде, но и преобразует ее по своей воле, создает культурную среду

и сам превращается в культурное существо. Человек изначально формировался как культурное существо, становился свободным существом. Только свободный человек мог создавать культуру, а культура является необходимым условием его свободы. Если действие человека является культурным или приводит к приращению культуры, то оно относится к свободным действиям. Человек не свободен, если не вписывается в существующую культуру и не создает новых артефактов. Разрушение культуры ведет к снижению степени свободы человека.

Если рассматривать внутреннюю структуру действия человека, то свободу можно определить как состояние и процесс выбора. Такой подход к онтологии свободы развивает философия экзистенциализма, введя понятия пограничной ситуации, альтернативы и свободного выбора, что позволяет внести элементы новизны в толкование свободы. Следует отметить, что экзистенциальный подход к свободе имеет основания. Действительно, человек в процессе эволюции сформировался как существо, выбирающее ту или иную альтернативу выхода из проблемной ситуации. Перефразируя слова одного из основателей философии экзистенциализма Ж.-П. Сартра, можно утверждать, что «человек генетически обречен на свободу» (если свободу трактовать как выбор).

Но выбор человек совершает не только в пограничной ситуации, когда альтернативами становятся жизнь или смерть. В любой ситуации человек выбирает, поскольку в любой ситуации существуют по крайней мере две противоречащие друг другу альтернативы, например оставаться в этой ситуации или выйти из нее. Мир противоречив. Противоречия есть и в самой ситуации (внутреннее противоречие), а также существует внешнее противоречие, когда данная ситуация не согласуется с другими. Важно видеть суть ситуации, ее проблемы. Выбирающий человек углубляет, наполняет свою свободу, если сам по своей воле снимает противоречие. И наоборот, человек ограничивает свою свободу, когда отказывается от поиска решения, согласования противоположных сторон. Ситуаций без выбора альтернатив для выхода не существует. Другое дело, когда человек отказывается от выбора или от предлагаемых альтернатив, не желая искать новые, то субъективная свобода выбора остается, но объективной свободы нет.

Для философии экзистенциализма важно, что человек выбирает. Она погружает человека в пограничную ситуацию. Такая ситуация действительно заставляет человека задуматься о смысле жизни, о субъективной и объективной свободе. Но и в пограничной ситуации человек может отказаться от субъективного выбора, например, будучи фаталистом, довериться судьбе или случаю (как в «русской рулетке»). Можно согласиться с А.Л. Анисиным в том, что мысль «у человека свобода выбора есть всегда» — очень глубокая, но недостаточная для раскрытия сути свободы [4, с. 420; 13, с. 46-47]. Действительно, концепция экзистенциализма полной сути и подлинной свободы не раскрывает, не учитывает, что человек — познающее и моральное существо. Так, выбор по своей воле совершает преступник. Реализует ли он свою свободу? Подобное определяется как негативная свобода. А негативная свобода не является подлинной свободой. Подлинная свобода всегда порождает добро. Поэтому важен этический анализ действия человека.

Понимание подлинной свободы, ее сути возникает при интеграции гносеологического и онтологического аспектов с этическим аспектом. В таком случае деятельности и поведению человека дается нравственная оценка. Нравственная оценка действия человека является объективной, если соответствует познанию необходимого, всего состава этого действия. Подлинное свободное действие человеком совершается тогда, когда его намерение, цель, выбор средств, результат действия и его последствия являются добрыми. Нравственные качества человека являются основанием, а также и следствием его свободы. Совестливый, честный, имеющий достоинство человек поступает в соответствии со своей волей, свободно. Он принимает на себя ответственность за свое действие и его последствия. Отказ от ответственности за свое действие и его последствия означает отказ быть честным и иметь достоинство, отказ быть нравственно свободным человеком [14, с. 11]. Види-

мо, необходимо субъектную свободу объективировать, установить легальные социальные нормы.

Наконец, понимание подлинной реальной свободы, ее ясное принятие возникает при интеграции гносеологического, онтологического и этического аспектов с юридическим аспектом. В таком случае деятельности и поведению человека дается синергийная нравственная и правовая оценка. Нравственная оценка действия человека согласуется с законом и становится не только объективной, но и легальной, что соответствует истинному познанию необходимого, всего состава этого действия (необходимого с субъективной и объективной точки зрения).

В таком случае, как сказал бы С.С. Алексеев, осуществляется «исконное предназначение права — быть общеобязательным критерием правомерного поведения и в этом отношении оптимальной формой гарантированного выражения и одновременно определения и сохранения границ свободы людей, причем в таком порядке, когда происходит согласование свободы данных лиц со свободой всех "других"» [15, с. 61]. Так, статья 31 Конституции Российской Федерации дает право гражданам Российской Федерации проводить мирно митинги, демонстрации, шествия и пикетирование. Однако не является проявлением свободы проведение шествия во время эпидемии, на автодорожной магистрали, обеспечивающей движение всего автотранспорта населенного пункта. Подобное желание участников шествия не согласуется с нравственным законом и правовыми нормами (устанавливающими порядок проведения такого мероприятия), а также противоречит доводам разума. Безумство может ограничить только разумное позитивное право.

В мировой художественной литературе, а в русской литературе наиболее выразительно, образ свободы представляется воздушным пространством или мировым океаном, которые человек стремится покорить: летать, как птица (гордый Буревестник Максима Горького), плавать, как дельфин (человек-амфибия Александра Беляева). Чтобы осуществить свою мечту о свободе, человек, как птица и дельфин, ищет точки опоры. Для осуществления мечты о полетах и плавании в океане человек благодаря разуму находит успешное техническое решение, более того, начинает покорять космос.

А вот мечты о подлинной свободе в социальном пространстве пока остаются виртуальными. Безусловно, в социальном пространстве у подлинной свободы человека тоже есть опоры. Человек свою свободу в обществе в мифологемах, религиогемах, социальных утопиях связывает с нравственным законом. Но для технического воплощения этой мечты в реальность одного нравственного закона недостаточно. Необходимо еще адекватное позитивное право и государственная власть. Истинная свобода человека раскрывается в его духовно-нравственной, правовой и политической культуре, которые опираются на нравственный закон. Чем больше вписываются политическая и правовая культура в подлинное нравственное бытие человека, тем полнее они позволяют ему реализовать свою свободу.

Резюмируя сказанное о праве и свободе человека, можно отметить следующее:

1) позитивное право, особенно на уровне конституционных норм, стремящееся выразить общечеловеческие нравственные принципы и нравственный закон, становится носителем и гарантом свободы человека;

2) соотносительное употребление терминов «права человека» и «свободы человека» для выражения конституционных норм является неявным выражением продуктивной идеи о том, что целью позитивного права должно быть объективирование человеческой свободы;

3) употребление словосочетания «права и свободы человека» и в других отраслях права (как в базовых отраслях — гражданском, уголовном праве, так и в комплексных отраслях права, например в предпринимательском или экологическом праве) должно развивать объективирование человеческой свободы, давать человеку новые возможности проявлять добрую волю;

4) подлинная реальная свобода человека выражается в его правоспособности совершать по собственной воле добрые дела, не причиняя вреда другим людям;

5) обеспечение прав и свобод человека должно носить системный характер; при этом необходимо учитывать роль ядра и периферии в этой системе детерминант;

6) основополагающими условиями обеспечения прав и свобод человека выступают общечеловеческие политические, правовые и нравственные ценности, которые в единстве формируют духовное пространство, позволяющее человеку свободно самореализоваться;

7) основополагающие условия обеспечения прав и свобод человека должны быть упорядочены. При этом необходимо установить следующий порядок: политические ценности отнести к периферии, в центре расположить нравственные ценности, а между ними – правовые ценности (сила правовых ценностей возрастает, если они адекватны нравственным ценностям человека; политические ценности увеличивают свою значимость, когда для человека становятся нравственными и законными).

Список литературы

1. Блажевич Н.В., Блажевич Т.А. Историческая экспозиция философии: курс лекций. Тюмень: Тюм. юрид. ин-т МВД России, 2002. 148 с.

2. Кобзеева Е.И. К вопросу об обеспечении прав и свобод человека и гражданина // Национальная ассоциация ученых (НАУ). 2017. N 5 (33). С. 68-70.

3. Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю. Права человека: эволюция развития. Исторические предпосылки концепции прав человека // Адвокат. 2006. N 6. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

4. Блажевич Н.В., Анисин А.Л. История и философия науки для юридических специальностей: учебник. Тюмень: Тюм. ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2016. 496 с.

5. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России: учеб. пособие. М., 1997. 298 [1] с.

6. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 353 с.

7. Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. СПб., 2001. 540 [2] с.

8. Алексеев С.С. Тайна права: его понимание, назначение, социальная ценность. М., 2001. 161 с.

9. Мень А. История религии: в 2 кн. Кн. 1: В поисках Пути, Истины и Жизни. М.: ФОРУМ-ИНФРА-М, 1999. 216 с.

10. Конфуций: биография, цитаты, афоризмы. М.: Э, 2016. 288 с.

11. Нерсесянц В.С. Философия права: учебник. М.: Инфра-Норма, 1997. 652 с.

12. Толстой Л.Н. Путь жизни / сост., коммент. А.Н. Николюкина. М.: Высш. шк., 1993. 527 с.

13. Анисин А.Л. Концептуальные и реальные смыслы свободы // Вестник Челябинского университета. 2919. N 31. С. 45-47.

14. Блажевич Н.В. Нравственная оценка преступления как методологическая проблема // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. N 3 (45). С. 7-14.

15. Алексеев С.С. Восхождение к праву. Поиски и решения. М.: НОРМА, 2001. 752 с.

References

1. Blazhevich N.V., Blazhevich T.A. Historical exposition of philosophy. Tyumen, Tyumen Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2002. 148 p. (In Russ.).

2. Kobzeeva E.I. On the issue of ensuring human and civil rights and freedoms. National Association of Scientists (NAU), 2017, no. 5 (33), pp. 68-70. (In Russ.).

3. Golovistikova A.N., Grudtsyna L.Yu. Human rights: evolution of development. Historical background of the concept of human rights. Advocate, 2006, no. 6. Access from the reference legal system "Garant". (In Russ.).

4. Blazhevich N.V., Anisin A.L. History and philosophy of science for legal specialties. Tyumen, Tyumen Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. 496 p. (In Russ.).

5. Voevodin L.D. The legal status of an individual in Russia. Moscow, 1997. 298 [1] p. (In Russ.).

6. Pokrovskiy I.A. The main problems of civil law. Moscow, Statut Publ., 1998. 353 p. (In Russ.).

7. Trubetskoy E.N. Works on the philosophy of law. St. Petersburg., 2001. 540 [2] p. (In Russ.).

8. Alekseev S.S. The secret of law: its understanding, purpose, social value. Moscow, 2001. 161 p. (In Russ.).

9. Men' A. History of religion. In 2 books. Book 1. In Search of the Way, Truth and Life. Moscow, FORUM-INFRA-M Publ., 1999. 216 p. (In Russ.).

10. Confucius: biography, quotes, aphorisms. Moscow, E Publ., 2016. 288 p. (In Russ.).

11. Nersesyants V.S. Philosophy of law. Moscow, Infra-Norma Publ., 1997. 652 p. (In Russ.).

12. Tolstoy L.N. Way of life. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1993. 527 p. (In Russ.).

13. Anisin A.L. Conceptual and real meanings of freedom. Bulletin of the Chelyabinsk University, 2919, no. 31, pp. 45-47. (In Russ.).

14. Blazhevich N.V. Moral assessment of crime as a methodological problem. Legal Science and Law Enforcement Practice, 2018, no. 3 (45), pp. 7-14. (In Russ.).

15. Alekseev S.S. Climbing to the right. Searches and solutions. Moscow, NORMA Publ., 2001. 752 p. (In Russ.).

Раздел 2. Охрана и защита прав человека

УСТИНОВ А.А.,
artem.ustinov@mail.ru
Советский районный суд
г. Брянска,
241050, г. Брянск, ул. Фокина, 45

USTINOV A.A.,
artem.ustinov@mail.ru
Sovetsky District Court,
Fokina St. 45, Bryansk, 241050,
Russian Federation

ОБОСНОВАННОСТЬ ПОДОЗРЕНИЯ В ПРИЧАСТНОСТИ К СОВЕРШЕННОМУ ПРЕСТУПЛЕНИЮ ПРИ ИЗБРАНИИ СУДОМ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

Аннотация. В статье обозначена важность процесса доказывания при избрании судом мер пресечения, а также проанализирован порядок проверки обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. Анализируется судебная практика по рассмотрению материалов досудебного производства с указанием допускаемых судебных ошибок в части проверки обоснованности подозрения. Сделан вывод о том, что предъявление органом предварительного расследования обвинения лицу не освобождает суд от обязанности проверить обоснованность подозрения в причастности данного лица к преступлению, в совершении которого его обвиняют. В связи с этим предложен алгоритм проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению при избрании в отношении его меры пресечения.

Ключевые слова: суд; доказывание; мера пресечения; избрание меры пресечения; обоснованность подозрения; причастность к совершенному преступлению; институт следственных судей.

Для цитирования: Устинов А.А. Обоснованность подозрения в причастности к совершенному преступлению при избрании судом меры пресечения // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 1 (55). С. 27-33.

REASONABLE SUSPICION OF INVOLVEMENT IN THE CRIME COMMITTED WHEN CHOOSING THE MEASURE OF RESTRAINT BY COURT

Annotation. The importance of the proving process when choosing the measure of restraint by court is outlined in the article. The procedure for verifying the reasonable suspicion of a person's involvement in the crime committed is analyzed. The examples from the judicial practice concerning the materials of pretrial proceedings are given, which illustrate the possible judicial errors in cases of verifying the validity of the suspicion. It is concluded that the charges brought against a person by the preliminary investigation body do not release the court from the obligation to verify the reasonable suspicion that this person is involved in committing the crime of which he or she is accused. In this regard, the author of the article proposes the algorithm for verifying the reasonable suspicion of a person's involvement in the crime committed when choosing the measure of restraint against him or her by court.

Keywords: court; proving; measure of restraint; choosing the restraint; reasonable suspicion; involvement in the crime committed; institute of investigative judges.

For citation: Ustinov A.A. Reasonable suspicion of involvement in the crime committed when choosing the measure of restraint by court // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 1 (55). P. 27-33.

В ходе досудебного производства избрание мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога, запрета определенных действий, которыми наиболее существенным образом затрагивается одно из основополагающих гражданских прав — право на свободу и личную неприкосновенность, закрепленное в ст. 22 Конституции Российской Федерации, гарантированное общепризнанными принципами и нормами международного права, отнесено законодательством к компетенции суда.

Избрание судом указанных мер пресечения, как справедливо отмечает Е.В. Марковичева, представляет собой

сложную задачу по обеспечению разумного компромисса между необходимостью применения процессуального принуждения и обеспечением базовых прав и свобод человека [1, с. 82]. В данном случае суд должен максимально полно обеспечить соблюдение настоящего конституционного права. На практике это представляет определенную сложность, поскольку суд, избирая меру пресечения, кроме того, одновременно осуществляет и фактическое пресечение противоправного поведения, и предупреждение совершения такового в будущем, и недопущение воспрепятствования производству по уголовному делу.

Необходимым условием для осуществления указанных полномочий является надлежащая организация процесса доказывания, который, в свою очередь, представляет собой основу принятия судом правосудного решения.

В данном случае особая важность процесса доказывания по рассматриваемой категории материалов заключается в необходимости применения существенных принудительных мер, направленных на временное лишение либо ограничение свободы обвиняемого (в исключительных случаях подозреваемого), то есть тех лиц, которые еще не признаны виновными и не осуждены за преступное поведение. И.Я. Фойницкий обращает внимание на то, что «меры пресечения применяются не к виновным, а к лицам, вина которых подлежит доказыванию, о которых еще не все доказательства собраны, они могут оказаться совершенно невинными» [2, с. 346]. Как указывает О.И. Цоколова, поскольку данные лица находятся под защитой принципа презумпции невиновности, то ограничение их прав и свобод должно носить минимально необходимый характер, определяющими должны быть требования их изоляции, однако неизбежно вытекающие из этого ограничения не могут быть целью и сущностью содержания под стражей и по возможности должны сводиться к минимуму [3, с. 46].

Именно поэтому вопросы доказывания по данной категории досудебного производства представляют практическую и теоритическую значимость. Одним из них, вызывающим повышенный интерес и требующим предметного рассмотрения, является процесс проверки обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению.

Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 22 марта 2018 г. N 12-П, на должностное лицо органа предварительного расследования возлагается обязанность «...представить достаточные, убедительные prima facie (на первый взгляд) доказательства в обоснование допустимости избрания заключения под стражу (продления срока содержания под стражей), подтверждающие наличие события преступления, его квалификацию, причастность подозреваемого, обвиняемого к его совершению, а равно сведения о личности подозреваемого, обвиняемого, справки о судимости, сведения о том, совершено ли инкриминируемое преступление в сфере предпринимательской деятельности, о наличии или отсутствии тяжелого заболевания, препятствующего содержанию под стражей» (ч. 1.1 ст. 108 и ч. 1.1 ст. 110 УПК РФ) «...и другие имеющие значение для решения вопроса о мере пресечения сведения, которые, включая обоснованность подозрения, проверяются судом, не входя в обсуждение вопроса о виновности»*.

Таким образом, одним из основополагающих условий избрания судом меры пресечения, ограничивающей право на свободу и личную неприкосновенность, является обязательная и необходимая проверка обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. Как отмечает В.В. Рудич, обоснованное подозрение, являясь существенным и необходимым признаком, без которого невозможно применение какой-либо меры пресечения, особенно заключения под стражу, представляет собой своего рода фильтр, позволяющий избежать необоснованного заключения под стражу [4, с. 116].

Проверяя обоснованность подозрения, суды исходят из того, что оно пред-

* По делу о проверке конституционности частей первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Костромина: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 марта 2018 г. N 12-П // Рос. газ. 2018. 4 апр.

полагает наличие данных о причастности конкретного лица к совершенному преступлению (застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения; потерпевший или очевидцы указали на данное лицо как на совершившее преступление; на данном лице или его одежде, при нем или в его жилище обнаружены явные следы преступления и т.п.)*.

Данный подход соответствует и практике Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ), в которой существование обоснованного подозрения как обязательное условие для ареста гражданина заранее предполагает наличие фактов или сведений, способных убедить объективного наблюдателя в том, что данное лицо могло совершить преступление**.

Применительно к Российской Федерации в данном аспекте ЕСПЧ предельно последовательно в постановлении от 23 октября 2012 г. по делу «Пичугин против Российской Федерации» указал, что «обоснованность» подозрения, на основании которого должно производиться задержание, является важной частью гарантии защиты от произвольного задержания или заключения под стражу, закрепленной в подп. «c» п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Это требует наличия определенных фактов или информации, которые убедили бы объективного наблюдателя в том, что заинтересованное лицо могло совершить преступление, хотя то, что может считаться разумным, должно зависеть от всех обстоятельств дела. Цели официального расследования и содержания под стражей заключаются в том, чтобы подтвердить или опровергнуть конкретное подозрение, послужившее основанием для задержания***.

Например, О.В. Качалова и В.И. Качалов, обратившись к международной судебной практике [5, с. 11], указывают, что Европейским Судом по правам человека отсутствие обоснованного подозрения признавалось, в частности, при ссылке исключительно на ничем не подкрепленную оперативную информацию о том, что заявитель вовлечен в преступную деятельность****; либо когда в заявлении потерпевшего о совершенном в отношении его преступлении не был упомянут обвиняемый*****; или при ссылке судов на «материалы дела», если в них отсутствовали какие-либо доказательства, свидетельствующие о причастности обвиняемого к преступлению******; либо когда вмененные обвиняемому действия не содержали в себе состава преступления в момент их совершения*******.

В то же время необходимо отметить немаловажный акцент, сделанный Конституционным Судом Российской Федерации на том, что положения подп. «c» п. 1 ст. 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод применительно к законному аресту или задержанию лица не предусматривают обязанности получения следственными органами достаточных доказательств для предъявления обвинения как во время ареста, так и в период пребывания арестованного под стражей. Факты, позволяющие обосновать подозрение при применении ареста, не обязатель-

* См.: Пункт 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 дек. 2013 г. N 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий». (Рос. газ. 2013. 27 дек.).

** Фокс, Кэмпбэл и Хартли против Великобритании: постановление ЕСПЧ от 30 авг. 1990 г. Идентификационный номер: ECH-1990-S-004. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** См.: § 124 постановления ЕСПЧ от 23 окт. 2012 г. «Пичугин против Российской Федерации» (жалоба N 38623/03) // Там же.

**** См.: § 48 постановления ЕСПЧ от 8 окт. 2009 г. «Лазороски против бывшей Югославской Республики Македония» (жалоба N 4922/04) // Там же.

***** См.: § 70 постановления ЕСПЧ от 6 нояб. 2007 г. «Степуляк против Молдавии» (жалоба N 8207/06) // Там же.

****** См.: § 97 постановления ЕСПЧ от 22 мая 2012 г. «Ильгар Маммадов против Азербайджана» (жалоба N 15172/13) //Там же.

******* См.: § 136 постановления ЕСПЧ от 27 нояб. 2012 г. «Хачатрян и другие против Армении» (жалоба N 23978/06) // Там же.

но должны обладать той же степенью убедительности, как те, которые необходимы для предъявления обвинения – следующего этапа в процессе следствия по уголовному делу*.

При избрании судами мер пресечения обоснованность «подозрения» следует отграничить от процессуальной процедуры предъявления обвинения, то есть привлечения лица в качестве обвиняемого. Несмотря на справедливое утверждение С.Б. Россинского о том, что процедура выдвижения обвинения обеспечивает режим законности при применении мер пресечения, создает дополнительные гарантии защиты прав и свобод личности, ограждая от произвольного их ограничения [6, с. 32], и существенное процессуальное значение предъявления обвинения, факт предъявления лицу органом предварительного расследования обвинения, то есть привлечения его в качестве обвиняемого, не может освободить суд от обязанности проверить обоснованность подозрения в причастности лица к преступлению, в совершении которого его обвиняют.

При этом, как верно указывает О.В. Качалова, использования стандартной формулировки «представленные следователем материалы свидетельствуют о достаточности данных, подтверждающих обоснованность подозрения» без указания на конкретные факты и материалы и их анализа недостаточно. Сведения, подтверждающие обоснованность подозрения, должны быть конкретными [7, с. 61].

Необходимо отметить, что при исследовании материалов об обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению и их оценке суд с учетом реализации контрольных функций в ходе досудебного производства не должен обсуждать обстоятельства, связанные с виновностью указанного лица, что, несмотря на очевидную и ясную разницу между «подозрением в причастности» и «виновностью», в судебной практике порождает немало ошибок.

Например, постановлением Центрального районного суда г. Хабаровска от 29 сентября 2017 г., оставленным без изменения апелляционным постановлением Хабаровского краевого суда от 11 октября 2017 г., лицу, в отношении которого органом предварительного следствия возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 285 УК РФ, избрана мера пресечения в виде заключения под стражу. При этом суд первой инстанции при избрании указанному лицу меры пресечения предопределил вопрос о его виновности, установив, что преступление совершено им как руководителем территориального органа внутренних дел в период исполнения своих должностных обязанностей и непосредственно связано с использованием своих служебных полномочий, а также отметил особо активную роль данного лица, которое фактически привлекло к совершению преступления своих подчиненных. Постановлением Президиума Хабаровского краевого суда от 23 апреля 2018 г. постановление суда апелляционной инстанции отменено, дело передано на новое апелляционное рассмотрение для устранения допущенных нарушений и принятия решения с соблюдением требований уголовно-процессуального закона**.

Аналогичные нарушения допускаются судами и при рассмотрении вопроса о продлении меры пресечения. В частности, постановлением Нерюнгринского городского суда Республики Саха (Якутия) от 18 июня 2018 г., оставленным без изменения апелляционной инстанцией, лицу, обвиняемому в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, продлен срок содержания под стражей на 3 месяца. При этом суд первой инстанции, приводя отрицательные характеристики данного лица, указал, что «по месту его жительства собирались лица криминальной направленности. Из материалов дела следует, что преступление совершено во время совместного распития спиртных напитков».

---

* Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Мошнина Игоря Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 108 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 июля 2005 г. N 330-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** См.: Постановление Президиума Хабаровского краевого суда от 23 апр. 2018 г. N 44у-62 // Там же.

Кроме того, суд сослался на непризнание обвиняемым своей вины в качестве обстоятельства, подтверждающего возможность оказать давление на свидетелей и других участников судопроизводства при условии нахождения на свободе, а также скрыться от суда. Президиум Верховного Суда Республики Саха (Якутия), отменяя апелляционное постановление и направляя материал на новое апелляционное рассмотрение, указал, что при разрешении вопроса, касающегося меры пресечения, судом первой инстанции были использованы недопустимые формулировки, свидетельствующие об установлении виновности обвиняемого, сделанные до удаления суда в совещательную комнату для вынесения итогового судебного решения, что противоречит принципам уголовного судопроизводства. Также судом кассационной инстанции было указано, что ссылка на факт непризнания обвиняемым своей вины как на основание для продления срока содержания под стражей является необоснованной*.

Кроме того, в некоторых случаях суды, рассматривая вопрос об избрании в отношении обвиняемого (в исключительных случаях подозреваемого) меры пресечения, проверяя обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, вопреки запрету обсуждать вопрос о виновности лица приходят к выводу о причастности обвиняемого (подозреваемого) к инкриминируемому ему деянию.

Например, апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Дагестан от 7 августа 2020 г. отменено постановление Магарамкентского районного суда от 19 июня 2020 г., которым в отношении обвиняемого избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, материал судебного производства направлен на новое судебное разбирательство. Как указал суд апелляционной инстанции, основанием для отмены обжалуемого судебного решения послужило то, что суд первой инстанции сослался на подтверждение материалами уголовного дела причастности обвиняемого к инкриминируемому деянию, то есть фактически установил вину обвиняемого, что недопустимо на данной стадии уголовного процесса**.

Кроме того, судьи в ряде случаев при избрании меры пресечения подменяют понятие «обоснованность подозрения» понятием «обоснованность обвинения», указывая на невозможность проверки доводов защиты об отсутствии доказательств обоснованности подозрения в связи с тем, что в ходе досудебного производства суд не может оценить обоснованность предъявленного обвинения***. Такая позиция не соответствует требованиям, обязывающим суд в любом случае проверить обоснованность именно подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, но никак не обоснованность предъявленного данному лицу обвинения, оценка которого возможна только по итогам судебного разбирательства.

Приведенные судебные ошибки, к сожалению, являются типичными и неоднократно становились не только предметом рассмотрения вышестоящих национальных судебных инстанций****, но и объектом особого внимания ЕСПЧ, отмечающего, что в постановлении о мере пресечения не должно содержаться прямого или косвенного указания на виновность лица в инкриминируемом ему преступлении, следует избегать формулировок, которые могут создать у сторон впечатление о предрешенности вопроса о виновности обвиняемого*****.

Для решения данной проблемы необходимо введение института следственных судей. В случае отнесения к их компетенции вопросов досудебного характера

---

* См.: Постановление Президиума Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 25 окт. 2018 г. N 44у-99. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Там же.

*** См.: Апелляционное постановление Московского городского суда от 1 июля 2015 г. по делу N 10-9384 // Там же.

**** См.: Постановление Президиума Хабаровского краевого суда от 23 апр. 2018 г. N 44у-62/2018; постановление Президиума Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 25 окт. 2018 г. по делу N 44У-99/2018; постановление Президиума Верховного Суда Республики Бурятия от 6 окт. 2017 г. N 44У-103/2017 // Там же.

***** См., например: § 67-71 постановления ЕСПЧ от 31 янв. 2017 г. «Вахитов и другие против России» (жалоба N 18232/11) // Там же.

будут исключены ситуации участия судьи сначала в проверке обоснованности подозрения в причастности определенного лица к совершенному преступлению, а затем вынесения им же приговора в отношении данного лица по результатам судебного разбирательства. Это еще раз подтверждает востребованность института следственных судей для национальной системы уголовного судопроизводства на современном этапе.

В сложившейся в настоящее время ситуации в целях недопущения судебных ошибок судьям следует уделять больше внимания изучению поступающих ходатайств органа предварительного расследования на предмет наличия в них сведений о причастности лица к совершенному преступлению и подтверждения этого конкретными материалами. При этом необходимо проверять, содержатся ли в материалах противоречия, а также были ли допущены нарушения требований уголовно-процессуального законодательства при их составлении, существенным образом влияющие на их доказательственное значение. Кроме того, процессуальное положение лица, указанного в ходатайстве, должно подтверждаться надлежащим образом оформленными документами. Все представленные материалы должны быть предметно исследованы в судебном заседании, а доводы сторон – мотивированно оценены с учетом совокупности всех доказательств.

Подводя итоги, в целях правовой определенности и использования в правоприменительной практике необходимо предложить примерный алгоритм проверки обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению при принятии судебного решения об избрании меры пресечения.

При поступлении ходатайства соответствующего должностного лица об избрании в отношении обвиняемого (подозреваемого) меры пресечения суду при проверке обоснованности подозрения в причастности указанного лица к совершенному преступлению следует:

1. Изучить ходатайство и выяснить, содержит ли оно конкретные сведения, указывающие на причастность к совершенному преступлению лица, в отношении которого заявлено данное ходатайство. Например, в ходатайстве должны быть изложены сведения, сообщенные потерпевшими, свидетелями, о совершении данным лицом преступных действий, о наличии при нем следов преступления, об обнаружении в его жилище похищенного, изобличении его соучастниками преступной деятельности, о нахождении этого лица на месте преступления в момент его совершения и пр.

2. Проверить наличие приобщенных к ходатайству материалов, подтверждающих содержащиеся в нем сведения. Например, к материалу должны быть приобщены копии протоколов допроса потерпевшего, свидетелей, показания которых уличают данное лицо в совершении конкретного преступления, протоколы обыска, выемки, в ходе которых у обвиняемого (подозреваемого) изъяты орудия преступления, похищенные предметы, одежда со следами преступления, заключения эксперта по результатам дактилоскопических, медико-биологических или трасологических исследований, подтверждающих причастность лица к преступлению.

3. Изучить указанные материалы на предмет возможных противоречий либо процессуальных нарушений, влекущих признание их недопустимым доказательством. Например, противоречивость свидетельских показаний либо производство следственных действий по изъятию следов преступления с нарушением процессуального порядка (осмотр жилища без согласия проживающих в нем лиц или без судебного разрешения) или проведение допросов в отсутствие лиц, участие которых является обязательным (допрос несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста 16 лет, в отсутствие педагога или психолога).

4. Проверить процессуальный статус лица, в отношении которого заявлено ходатайство об избрании меры пресечения (указанному лицу должно быть в установленном порядке предъявлено обвинение или в отношении его должно быть возбуждено данное уголовное дело, либо оно должно быть уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке ст. 223.1 УПК РФ, или оно должно быть задержано в порядке ст.ст. 91-92 УПК РФ).

5. Исследовать в судебном заседании указанные в пунктах 2 и 4 материалы в условиях состязательности при обеспечении права лица, в отношении которого рассматривается ходатайство, на защиту и оказание ему квалифицированной юридической помощи, включая ознакомление с данными материалами до судебного заседания, проведение конфиденциальной беседы с защитником до начала процесса.

6. Заслушать доводы сторон относительно исследованных материалов.

7. Проверить дополнительно представленные в судебном заседании материалы на предмет их относимости.

8. Дать в судебном решении всем имеющимся и исследованным сведениям оценку, которая должна быть не формальной, а мотивированно-содержательной, то есть основанной на выводах по всему исследованному доказательственному материалу.

Для полноты и правильности осуществления судами проверки обоснованности подозрения в причастности обвиняемого (подозреваемого) к совершенному преступлению данный алгоритм следует включить в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. N 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий». Указанные разъяснения будут способствовать более предметному анализу представляемых суду материалов и, как следствие, уменьшению случаев принятия необоснованных судебных решений, касающихся мер пресечения, минимизации судебных ошибок и повышению доверия граждан к судебной власти.

Список литературы

1. Марковичева Е.В. Запрет определенных действий в системе мер пресечения // Вестник экономической безопасности. 2019. N 1. С. 82-83.

2. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. Т. 2. СПб., 1907. 607 с.

3. Цоколова О.И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2007. 60 с.

4. Рудич В.В. Реализация международно-правового стандарта обоснованности подозрения при избрании судом меры пресечения в виде заключения под стражу // Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. N 25. С. 113-120.

5. Качалова О.В., Качалов В.И. Заключение под стражу в качестве меры пресечения: обоснованность применения и продления. Учебно-методические материалы, подготовленные в рамках программ сотрудничества Совета Европы и Российской Федерации. М.: Деловой стиль, 2019. 81 с.

6. Россинский С.Б. Правовые условия применения мер уголовно-процессуального пресечения приводят к поспешности и необоснованности обвинения // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. N 5. С. 30-36.

7. Качалова О.В. Учет судом оснований и условий применения заключения под стражу в качестве меры пресечения // Судья. 2019. N 9. С. 60-64.

References

1. Markovicheva E.V. Prohibition of certain actions in the system of preventive measures. Bulletin of economic security, 2019, no. 1, pp. 82-83. (In Russ.).

2. Foinitskiy I.Ya. The course of criminal proceedings. In 2 volumes. Vol. 2. St. Petersburg, 1907. 607 p. (In Russ.).

3. Tsokolova O.I. Theory and practice of detention, arrest and detention in criminal proceedings. Autoabstract Doct. Diss. Moscow, 2007. 60 p. (In Russ.).

4. Rudich V.V. Implementation of the international legal standard of reasonableness of suspicion when the court chooses a preventive measure in the form of detention. Bulletin of Tomsk State University. Law, 2017, no. 25, pp. 113-120. (In Russ.).

5. Kachalova O.V, Kachalov V.I. Detention as a preventive measure: justification for application and extension. Educational and methodological materials prepared within the framework of the cooperation programs of the Council of Europe and the Russian Federation. Moscow, Delovoy stil' Publ., 2019. 81 p. (In Russ.).

6. Rossinsky S.B. Legal conditions for the application of measures of criminal procedural restraint lead to haste and groundlessness of the accusation. Laws of Russia: experience, analysis, practice, 2018, no. 5, pp. 30-36. (In Russ.).

7. Kachalova O.V. Consideration by the court of the grounds and conditions for the use of detention as a preventive measure. Judge, 2019. no. 9, pp. 60-64. (In Russ.).

Раздел 3. Уголовный закон

СИЗОВА В.Н.,
кандидат юридических наук,
svnn@inbox.ru
Научно-исследовательский центр;
Академия управления
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
125993, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8

SIZOVA V.N.,
Candidate of Legal Sciences,
svnn@inbox.ru
Research Center;
Academy of Management of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Z. and A. Kosmodemyanskih St. 8,
Moscow, 125993,
Russian Federation

ЭВОЛЮЦИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД С 1917 ПО 1924 ГОД

Аннотация. Накопленный исторический опыт может стать эффективным средством совершенствования современной уголовно-правовой правовой системы. В связи с этим автором статьи представлены результаты историко-правового исследования основных этапов развития российского уголовного законодательства в первые годы советской власти. В частности, установлены этапы законодательного закрепления категории преступления, сделан акцент на его материальной составляющей, отражающей классовую сущность; проанализировано оформление системы Особенной части уголовного законодательства; выявлены общие начала назначения и применения наказания. Сделан вывод о том, что уголовно-правовые документы, принятые в 1917-1924 гг., не отличались от действовавших ранее концептуально новыми положениями. Выделены такие характерные черты уголовного законодательства рассматриваемого периода, как классовая направленность и политизированность.

Ключевые слова: уголовное законодательство; источники уголовного законодательства; уголовная ответственность; преступление; наказание.

Для цитирования: Сизова В.Н. Эволюция российского уголовного законодательства в период с 1917 по 1924 год // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 1 (55). С. 34-41.

THE EVOLUTION OF RUSSIAN CRIMINAL LEGISLATION IN THE PERIOD FROM 1917 TO 1924

Annotation. The accumulated historical experience can become an effective means of improving the modern criminal law system. For this purpose, the author of the article presents the results of a historical and legal study of the main stages in the development of Russian criminal legislation in the first years of Soviet power. In particular, the stages of fixing the category of crime in the legislation are established, the emphasis is placed on its material component reflecting the class nature; the formation of the system of the Special part of criminal legislation is analyzed; the general principles of imposing and enforcing the punishment are revealed. It is concluded that the criminal law documents adopted in 1917-1924 did not differ from the ones that were in force earlier by conceptually new provisions. Such characteristic features of the criminal legislation of the considered period as class orientation and politicization are described.

Keywords: criminal legislation; sources of criminal legislation; criminal liability; crime; punishment.

For citation: Sizova V.N. The evolution of Russian criminal legislation in the period from 1917 to 1924 // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 1 (55). P. 34-41.

Введение. Революционные события, «декретное» законодательство, Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, положения первых советских уголовных кодексов так или иначе повлияли на формирование современной системы уголовного законодательства. Указанные нормативные правовые акты представляют интерес и сегодня, особенно в рамках рассмотрения вопроса об эволюции уголовно-правовых норм в целях развития научного понимания становления системы

российского уголовного законодательства; определения этапов законодательного закрепления категории преступления с акцентом на его материальную составляющую, отражающую классовую сущность, и законодательного оформления системы Особенной части уголовного законодательства; выявления общих начал назначения и применения наказания; определения видов наказаний и других мер социальной защиты, подлежавших применению на различных исторических этапах.

Основная часть. Приступая к исследованию основных этапов эволюции российского уголовного законодательства в период с 1917 по 1924 год, следует учитывать, во-первых, то, что до Октябрьской революции в России продолжали действовать уголовно-правовые положения, закрепленные в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года; Уголовном уложении 1903 года; Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 года; Воинском и Морском уставах о наказаниях 1867-1868 годов [1, с. 66], а, во-вторых, необходимость выделения в эволюции российского уголовного законодательства 1917-1924 годов двух самостоятельных этапов:

– первого, включающего так называемый переходный период, длившийся с октября 1917 года и до принятия первого Уголовного кодекса РСФСР 1922 года;

– второго, обусловленного образованием СССР и необходимостью выработки единого союзного уголовно-правового документа, реализованной путем принятия в 1924 году Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

В связи с этим, анализируя уголовное законодательство 1917-1919 годов, следует отметить, что сложившаяся к этому времени диктатура пролетариата обусловила жесточайшее сопротивление со стороны представителей империалистического лагеря, что достаточно подробно отражено в юридической литературе [2]. Одержавшие победу в Октябрьской революции большевики были обвинены в установлении диктатуры в отношении народных масс, намеренном развязывании с этой целью гражданской войны, терроре и насилии, применявшихся для подавления сопротивления оппозиционных сил.

Следует отметить распространение буржуазными пропагандистами в тот период времени идей чуждости советской власти принципам и основам демократического режима. Сегодня также имеет место стремление отдельных российских и зарубежных историографов видоизменить историю в сторону крайне негативной характеристики всего того, что привнес в общественную жизнь социализм [3, с. 127].

По окончании революционных событий стал активно осуществляться комплекс мер, направленных на масштабные изменения в политико-правовой и экономико-социальной сферах жизнедеятельности государства и общества.

В частности, Декрет о мире* – один из первых принятых II Всероссийским съездом Советов декретов – закреплял положения, основанные на очевидном желании России окончания военных событий. В указанном документе содержалась идея о необходимости народным массам и представителям правительств государств, принимающих участие в Первой мировой войне, приступить к переговорам, направленным на достижение справедливости, демократических начал и скорейшего перемирия.

Однако в рамках настоящей публикации исторические события представляют интерес с точки зрения формирования структуры и системы уголовного законодательства. В связи с этим целесообразно подвергнуть изучению так называемое декретное уголовное законодательство рассматриваемого периода [4, с. 350].

Положениями Декрета СНК РСФСР от 22 ноября 1917 г. «О суде»** и Декрета ВЦИК от 7 марта 1918 г. N 2 «О суде»*** постановлялось судьям применять имеющиеся уголовно-правовые установления прежнего порядка, то есть те, которые не были отменены в ходе Октябрьской революции и не вступали в противоречие с революционной совестью. Фактически же судьи данное установление не исполняли и, соответственно, нормы дореволюционного российского законодательства не применялись.

---

* Декрет о мире (принят II Всероссийским съездом Советов 26 окт. 1917 г.) // Собр. узаконений РСФСР. 1917. N 1. Ст. 2.

** Там же. N 4. Ст. 50.

*** Там же. 1918. N 26. Ст. 420.

При этом следует отметить установление достаточно гуманного возрастного критерия привлечения к уголовной ответственности — 17 лет, а также в целом проявление гуманизма в отношении лиц детского и подросткового возраста, нашедшее закрепление в Декрете СНК РСФСР от 14 января 1918 г. N 1 «О комиссиях для несовершеннолетних»*, положениями которого были подвергнуты упразднению судебная система и тюрьмы для содержания малолетних, совершивших деяния, признаваемые преступлениями.

В Декрете СНК РСФСР от 13 июля 1918 г. N 3 «О суде» уже не было положений о необходимости использования уголовно-правовых норм законодательства «свергнутого режима», а народным судам предписывалось применять положения, содержащиеся в Декретах, принятых рабоче-крестьянским правительством, а также руководствоваться при принятии судебных решений исключительно социалистической совестью [5, с. 81].

Обращаясь к вопросам, связанным с системой уголовных наказаний в начальный период образования и функционирования советского правительства, следует отметить, что одним из первых нормативных установлений относительно видов наказания стал Декрет СНК РСФСР от 28 января 1918 г. «О революционном трибунале печати»**, в соответствии с которым система наказаний включала денежный штраф; лишение свободы; удаление из столиц, отдельных местностей или пределов Российской Республики; объявление общественного порицания; объявление виновного врагом народа; лишение виновного всех или некоторых политических прав; конфискацию имущества виновного; присуждение к обязательным общественным работам. При этом смертная казнь не входила в данную систему.

Положениями Декрета СНК РСФСР от 21 октября 1919 г. «О борьбе со спекуляцией, хищениями в государственных складах, подлогами и другими злоупотреблениями по должности в хозяйственных и распределительных органах» был введен новый вид принудительных работ, а именно тягчайшие принудительные работы, которые могли назначаться дополнительно к лишению свободы сроком от 10 лет и выше, а также конфискация всего имущества за сбыт, скупку или хранение с целью сбыта продовольственной продукции***.

Представляется целесообразным исследовать тенденцию к систематизации уголовно-правовых положений и обобщению судебной практики, наметившуюся с принятием в 1919 году Руководящих начал по уголовному праву РСФСР**** (далее — Руководящие начала), которые являлись своего рода проектом Общей части Уголовного кодекса.

Уголовно-правовые нормы излагались в данном документе в восьми разделах, посвященных понятию и задачам уголовного права; системе правосудия; институтам преступления и наказания; стадиям преступного деяния; институту соучастия; классификации видов уголовного наказания; институту условного осуждения и пространственным принципам действия уголовно-правовых норм [6, с. 86].

При этом необходимо отметить, что подготовка Руководящих начал ознаменовала собой фундаментальную работу по решению теоретических проблем уголовно-правовой науки. Именно в этот период формулируется первое в советской истории уголовного права определение категории преступления с акцентом на материальную составляющую, в которой отражалась его классовая сущность.

В юридической литературе отмечается, что некоторые положения, закрепленные в Руководящих началах, были в последующем трансформированы в УК РСФСР 1922 года и Основные начала уголовного законодательства СССР, получив тем самым новый вектор своего развития*****.

* Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. М., 1953. С. 21.

** Собр. узаконений РСФСР. 1918. N 28. Ст. 362.

*** Там же. 1919. N 53.

**** Руководящие начала по уголовному праву РСФСР: утв. Постановлением Наркомюста РСФСР от 12 дек. 1919 г. // Там же. N 66. Ст. 590.

***** Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. С. 116-142.

При изложении вопроса о дальнейшей эволюции российского уголовного законодательства необходимо также учитывать следующие факторы:

1) законодательство данного периода развивалось в сложнейшее время, когда происходила ожесточенная борьба за доступ к власти. При этом в качестве фундаментальных государственных задач выступала необходимость преодоления экономического кризиса, вызвавшего голод среди населения. Катастрофические проявления гражданской войны и интервенции угрожали системе национальной безопасности и целостности Российского государства. Это обусловило формирование политики репрессий, призванной, по мнению властей, выступить действенным рычагом стабилизации общества;

2) важность и значимость кодификационной и системообразующей законодательной работы в рассматриваемый период обусловливались изменениями социально-экономической и политической ситуации в стране; последовавшей за ними трансформацией всей системы уголовно-правовой политики; необходимостью смены приоритетов с классовой нетерпимости, обострившейся с началом борьбы за власть; повышением роли государства в процессе централизации; сосредоточием задач правотворческой и правоисполнительной деятельности в ведении верховной власти; акцентом на репрессивности института наказания в сложившихся условиях; заинтересованностью в единой системе судебной практики в целях единообразного применения наказаний и мер уголовной ответственности, а также необходимостью повышения эффективности социалистической уголовно-правовой системы.

Следующий важнейший этап в развитии системы уголовного законодательства – разработка первого советского уголовного кодекса, которым стал УК РСФСР 1922 года*. Исследователями отмечается его концептуальное значение для развития отечественной уголовно-правовой науки [7, с. 162].

Созданию указанного нормативного правового акта способствовала фундаментальная с точки зрения правотворчества работа, объединившая усилия многих ученых, экспертов и специалистов. Вступивший в силу 1 июня 1922 г. УК РСФСР по своей содержательной части являлся самым небольшим среди уголовных кодексов, оставивших след в истории науки уголовного права. Он включал в себя всего 218 статей, причем четверть их них составляли положения Общей части [8, с. 131].

Следует отметить, что Общая часть УК РСФСР 1922 года состояла из нескольких разделов: пределы действия кодекса, общие начала применения наказания, определение меры наказания, роды и виды наказаний и других мер социальной защиты, порядок отбывания наказаний.

Рассматривая структурное построение Особенной части УК РСФСР 1922 года, изучение которой особенно важно с учетом темы настоящей публикации, следует указать, что она также была оформлена в определенную законодательную систему, включавшую в себя такие элементы, как главы о государственных преступлениях, должностных преступлениях, нарушении правил об отделении церкви от государства, хозяйственных преступлениях, преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, об имущественных преступлениях, о воинских преступлениях, нарушении правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и публичный порядок [9, с. 113].

Определение понятия «преступление», основанное на материальном признаке, было сформулировано следующим образом: «преступлением признается всякое опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени»**.

Кроме того, положениями анализируемого документа устанавливалось, что первоочередной задачей уголовного кодекса являлась уголовно-правовая охрана государственного строя от преступных посягательств и противодействие общественно опасным преступным элементам

* Собр. узаконений РСФСР. 1922. N 15. Ст. 153.

** Об изменениях и дополнениях Уголовного кодекса РСФСР: постановление ВЦИК от 11 нояб. 1922 г. // Там же. N 72-73. Ст. 906.

посредством применения к правонарушителям уголовного наказания и иных мер социальной защиты. В качестве основания уголовной ответственности предусматривалось совершение преступления.

Уточнению подлежали и стадии совершения преступления, которые, в сравнении с текстом Руководящих начал, были конкретизированы. Например, использовалось понятие покушения, которое, в свою очередь, делилось на оконченное и неоконченное. Приготовление к преступлению каралось лишь в том случае, если оно само по себе являлось наказуемым деянием (ч. 2 ст. 12 УК РСФСР 1922 года).

Получил свое законодательное развитие институт необходимой обороны (ст. 19); впервые было детально определено, что следует считать состоянием крайней необходимости (ст. 20).

В рамках настоящей публикации необходимо выделить вопросы института аналогии, прежде не возникавшие у судов при принятии тех или иных решений, поскольку, как уже отмечалось, судебным органам предписывалось при принятии решений руководствоваться социалистическим правосознанием. Вместе с тем наличие данного института в УК РСФСР 1922 года фактически допускало в отдельных случаях судебный произвол, позволяющий признавать в качестве преступного то или иное общественно опасное деяние, даже если оно не было прямо предусмотрено нормами уголовного законодательства*.

Кроме того, УК РСФСР 1922 года не включал в себя понятийный аппарат применительно к категории состава преступления, однако указывал на некоторые его признаки, поскольку содержал понятие общего объекта преступного деяния как основы советского строя и установленного рабоче-крестьянской властью правопорядка.

Новеллой в уголовном законодательстве того периода были четко определенные задачи наказания, в качестве которых предусматривались общее предупреждение новых нарушений как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества; приспособление нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия; лишение преступника возможности совершения дальнейших преступлений (ст. 8 УК РСФСР 1922 года).

Анализ конкретных положений УК РСФСР 1922 года позволяет говорить о разделении видов уголовных наказаний и мер социальной защиты. В частности, в систему наказаний входили срочное или бессрочное изгнание из пределов РСФСР; лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой; принудительные работы; условное осуждение; конфискация имущества; штрафные санкции; поражение прав; увольнение от должности; общественное порицание и возложение обязанности загладить вред. При этом применение смертной казни не предусматривалось разработанной системой наказаний, в связи с чем становятся понятными ее исключительность и временный характер [10, с. 118].

К мерам социальной защиты относились меры, применяемые за совершение деяний, которые не являлись преступными (принудительное лечение), либо меры, применяемые только в качестве дополнительных (например, воспрещение занимать ту или иную должность или заниматься той или иной деятельностью).

Гуманность уголовного законодательства прослеживается в смягчении вдвое либо втрое (это зависело от возраста конкретного виновного) наказаний, подлежавших применению в отношении несовершеннолетних, совершивших преступление, а также в неприменении смертной казни в отношении беременных женщин и несовершеннолетних [11, с. 276].

В то же время, ведя речь об уголовно-правовой политике данного периода времени, следует отметить, что отступление от фундаментальных категорий и основоположений, выработанных классической школой уголовного права, неизбежно отразилось на концептуальных особенностях всей уголовно-правовой системы.

Отметим, что в числе задач уголовного наказания отсутствовали возмездие и кара, а применяемые меры социальной защиты не предусматривали в качестве

* Об изменениях и дополнениях Уголовного кодекса РСФСР: закон от 10 июля 1923 г. // Собр. узаконений РСФСР. 1923. N 48. Ст. 479.

цели причинение физического страдания и унижение человеческого достоинства. Хотя, как отмечается в юридической литературе, практическое использование данных мер не являлось законодательно дифференцированным, исходя из чего многие возникавшие в ходе их применения вопросы были отданы на усмотрение суда [3, с. 134].

Относительно трансформаций системы наказаний следует отметить, что условное осуждение было исключено из перечня наказаний и приняло форму условного освобождения от реального отбывания наказания в виде лишения свободы и исправительно-трудовых работ; произошла замена бессрочного изгнания за пределы СССР провозглашением виновного врагом трудящихся при одновременном лишении гражданства и пожизненном изгнании из пределов СССР; при вынесении судом оправдательного приговора следовало вынесение предостережения, хотя, как справедливо отмечается в юридической литературе, при оправдательном приговоре вряд ли можно вести речь о каком-либо предостережении, которое вообще не должно наличествовать в наказательной системе [12, с. 45]. Смертная казнь существовала, но не подлежала применению в отношении несовершеннолетних и беременных женщин [13, с. 19].

Образование СССР и важность выработки единого союзного уголовно-правового документа обусловили принятие в 1924 году Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик*.

Система уголовного законодательства в соответствии с положениями Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года включала в себя видоизмененную по сравнению с УК РСФСР 1922 года классификацию преступлений. В частности, как указано выше, в УК РСФСР 1922 года выделялось два основных вида преступлений – преступления, направленные против установленных рабоче-крестьянской властью основ нового правопорядка или признаваемые ею наиболее опасными, и все остальные.

Примечательно, что вместо термина «наказание» в Основных началах использовалась категория «меры социальной защиты», к которым были отнесены меры судебно-исправительного характера, применяемые за совершение уголовного преступления, меры медицинского характера, применяемые в отношении невменяемых лиц, меры медико-педагогического характера, применяемые в отношении несовершеннолетних [12, с. 46].

Основные начала изменили формулировку «направленные против основ советского правопорядка» на «направленные против основ советского строя и поэтому признаваемые наиболее опасными». Тем самым законодатель упустил из виду то, что к категории особо опасных в тот период следовало относить весь массив должностных и хозяйственных преступлений, не говоря о преступлениях против личности, в отношении которых вряд ли можно было применить категорию направленных «против основ советского строя» [12, с. 45].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что степень значимости правоохраняемых благ и интересов в исследуемый временной период обусловливалась идеологической концепцией нового рабоче-крестьянского строя.

Завершая анализ Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 года, следует отметить, что данный нормативный правовой акт представлял собой систему, отражавшую важнейшие положения Общей части советского уголовного законодательства, которая стала фундаментом для развития норм Общей части уголовных кодексов союзных республик. Одновременно система советского уголовного законодательства в исследуемый период не включала в себя основополагающие идеи классической школы уголовного права, касающиеся вопросов виновности, оснований уголовной ответственности, соразмерности наказания и т.п. Широкое распространение получило использование категории «меры социальной защиты».

Заключение. Процесс формирования новой социалистической уголовно-правовой доктрины не увенчался серьезным успехом, поскольку все изменения, по существу,

* Собр. узаконений РСФСР. 1924. N 24. Ст. 205.

были сведены к классовым различиям советской и буржуазной уголовно-правовых систем. При этом уголовно-правовые установления советского периода не были созданы с чистого листа, не отличались концептуально новыми положениями, восприняв по большей части существовавшие прежде положения. Важную роль в формировании уголовного законодательства играли также идеологические противоречия, наметившиеся в кругу специалистов уголовно-правовой науки. В связи с этим основными итогами создания новой уголовно-правовой концепции в 1917-1924 гг. стали классовая направленность и политизированность уголовного законодательства.

Список литературы

1. Дудырев Ф.Ф. Формирование института дифференциации ответственности в уголовном законодательстве России в XIX – начале XX вв. // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2011. N 1 (9). С. 65-67.

2. Глущенко П.П., Жаркой М.Э. Становление карательной политики в первые годы советской власти // Общество и право. 2009. N 1 (23). С. 14-22.

3. Бриллиантов А.В. Эволюция дифференциации наказания в докодифицированном советском уголовном законодательстве и первых уголовных кодексах // История органов внутренних дел России. М., 2000. Вып. 3. С. 127-139.

4. Сизова В.Н. Декретное уголовное законодательство советской России: проблемы реализации и эффективности // Актуальные проблемы истории государства и права (65-летию Великой Победы посвящается): материалы всерос. науч.-практ. конф., 9 декабря 2009 г. / под общ. ред. В.А. Толстика: в 2 т. Т. 1. Н. Новгород: Нижегородская акад. МВД России, 2010. С. 346-354.

5. Фефелов П.А. Проект Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и некоторые теоретические проблемы уголовно-правовой науки // Советское государство и право. 1990. N 12. С. 78-85.

6. Шишов О.Ф. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года – памятник советской уголовно-правовой мысли // Правоведение. 1980. N 3. С. 83-88.

7. Швеков Г.В. Первый советский уголовный кодекс. М.: Юрид. лит., 1970. 207 с.

8. Коробеев А.И. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. 268 с.

9. Сулейманов А.А. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г.: концептуальные основы и общая характеристика: дис. … канд. юрид. наук. Ульяновск, 2006. 194 с.

10. Тоскина Г.Н. Становление и развитие системы наказаний в уголовном праве России и СССР в 1917-1926 гг.: дис. … канд. юрид. наук. Ульяновск, 2005. 203 с.

11. История советского уголовного права / А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурманов [и др.]. М.: Юрид. изд-во, 1948. 466 с.

12. Илло Д.А. Концептуальные идеи основных начал уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик 1924 года // Человек: преступление и наказание. 2009. N 4 (67). С. 44-46.

13. Шишов О.Ф. Становление и развитие истории уголовного права в СССР. Проблемы Общей части (1917-1936 гг.). М., 1981. Вып. 1. С. 18-22.

References

1. Dudyrev F.F. Formation of the institute of differentiation of responsibility in the criminal legislation of Russia in the XIX – early XX centuries. Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. Series: Law, 2011, no. 1 (9), pp. 65-67. (In Russ.).

2. Glushchenko P.P., Zharkoy M.E. Emergence of penal policy in the first years of Soviet power. Society and law, 2009, no. 1 (23), pp. 14-22. (In Russ.).

3. Brilliantov A.V. The evolution of the differentiation of punishment in the docodified Soviet criminal legislation and the first criminal codes. History of the internal affairs bodies of Russia. Moscow, 2000. Issue 3. Pp. 127-139. (In Russ.).

4. Sizova V.N. Decretal criminal legislation of Soviet Russia: problems of implementation and efficiency. Actual problems of the history of the state and law (dedicated to the 65th anniversary of the Great Victory). Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. In 2 volumes. Vol. 1. Pp. 346-354. (In Russ.).

5. Fefelov P.A. Draft Principles of criminal legislation of the USSR and the Union Republics and some theoretical problems of criminal law science. The Soviet State and Law, 1990, no. 12, pp. 78-85. (In Russ.).

6. Shishov O.F. Guiding principles on criminal law of the RSFSR in 1919 – a monument to Soviet criminal law thought. Legal studies, 1980, no. 3, pp. 83-88. (In Russ.).

7. Shvekov G.V. The First Soviet Criminal code. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1970. 207 p. (In Russ.).

8. Korobeev A.I. Soviet criminal and legal policy: problems of criminalization and penalization. Vladivostok, 1987. 268 p. (In Russ.).

9. Suleymanov A.A. Criminal Code of the RSFSR 1922: conceptual foundations and general characteristics: Cand. Diss. Ulyanovsk, 2006. 194 p. (In Russ.).

10. Toskina G.N. Formation and development of the system of punishments in the criminal law of Russia and the USSR in 1917-1926. Cand. Diss. Ulyanovsk, 2005. 203 p. (In Russ.).

11. Gertsenzon A.A., Gringauz Sh.S., Durmanov N.D. [i dr.]. History of the Soviet criminal law. Moscow, Yuridicheskoe izdatel'stvo Publ., 1948. 466 p. (In Russ.).

12. Illo D.A. Conceptual ideas of the main principles of criminal legislation of the USSR and the Union Republics of 1924. Man: crime and punishment, 2009, no. 4 (67), pp. 44-46. (In Russ.).

13. Shishov O.F. Formation and development of the history of criminal law in the USSR. Problems of the General part (1917-1936). Moscow, 1981. Issue 1. Pp. 18-22. (In Russ.).

Раздел 4. Уголовно-процессуальное обозрение

ИВАНОВ В.И.,
кандидат юридических наук,
vitaliv2019@mail.ru
Отделение правоохранительной деятельности;
Сибирский профессиональный колледж,
644005, г. Омск, ул. Добролюбова, 15

IVANOV V.I.,
Candidate of Legal Sciences,
vitaliv2019@mail.ru
Department of law enforcement activities;
Siberian Professional College,
Dobrolyubova St. 15, Omsk, 644005,
Russian Federation

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ДОКАЗЫВАНИЕ – РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ПУТЬ ПОЗНАНИЯ ОТ ЧУВСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ СУЩЕГО К ДОСТОВЕРНОМУ ЗНАНИЮ ПРОШЛОГО

Аннотация. Статья посвящена исследованию гносеологических процессов механизма уголовно-процессуального доказывания при формировании знания о преступном событии прошлого. Особое внимание уделяется категории «информация». Раскрывается содержание и связь понятий «фактические данные», «достоверная информация» и «факт». Осуществляется разграничение таких понятий, как «объективная информация» и «достоверная информация». Фактические данные представлены в качестве основы и эталона для формирования системы достоверных доказательств. В результате изучения процесса следообразования предложены авторские определения понятий следов преступления, доказательств, достоверных доказательств, их видов и источников. Объективность сведений, используемых в качестве доказательств, всесторонность и полнота предварительного расследования и судебного следствия рассматриваются в качестве принципов уголовного процесса и используются автором статьи при формулировании развернутого определения понятия уголовно-процессуального доказывания.

Ключевые слова: информация; фактические данные; достоверные доказательства; доказывание; уголовный процесс.

Для цитирования: Иванов В.И. Уголовно-процессуальное доказывание – ретроспективный путь познания от чувственного восприятия сущего к достоверному знанию прошлого // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 1 (55). С. 42-51.

PROVING IN CRIMINAL PROCEDURE AS THE RETROSPECTIVE WAY OF COGNITION FROM SENSORY PERCEPTION OF EXISTENCE TO RELIABLE KNOWLEDGE OF THE PAST

Annotation. The article is devoted to the study of the epistemological processes of the mechanism of proving in criminal procedure during getting the knowledge about the criminal event of the past. Particular attention is paid to the category "information". The content and interrelation of the concepts "factual data", "reliable information" and "fact" are revealed. The distinction between such concepts as "objective information" and "reliable information" is made. The actual data is presented as the basis and reference for the formation of a system of reliable evidence. As a result of the study of the process of trace formation, the author's definitions of the concepts of traces of crime, evidence, reliable evidence, their types and sources are proposed. The objectivity of the information used as the evidence, the comprehensiveness and completeness of the preliminary investigation and judicial investigation are considered as the principles of the criminal process and are used by the author of the article when formulating the detailed definition of proving in criminal procedure.

Keywords: information; factual data; reliable evidence; proving; criminal procedure.

For citation: Ivanov V.I. Proving in criminal procedure as the retrospective way of cognition from sensory perception of existence to reliable knowledge of the past // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 1 (55). P. 42-51.

Особый комплексный характер уголовно-процессуального доказывания, обусловленный правовыми, гносеологическими и формально-логическими закономерностями в получении информации о преступлении, а также разнообразие философских взглядов на природу познания и логического мышления явились причиной того, что на сегодняшний день «...практически ни один вопрос, связанный с доказыванием по уголовному делу, не получил своего окончательного разрешения. Причем ученые так и не пришли к единому пониманию самой сущности этого сложного процесса и связанных с ним методологических категорий; дискуссии по данному поводу продолжаются уже не один десяток лет» [1, с. 65].

Согласно УПК РФ предварительное расследование в каждом случае имеет общий исход — оно оканчивается в соответствующих уголовно-процессуальных формах: прекращением уголовного дела, направлением его с обвинительным заключением (актом или постановлением) прокурору либо направлением прокурору с постановлением о направлении в суд для применения принудительной меры медицинского характера.

В содержание функции расследования входят такие элементы (подфункции), как доказывание (исследование обстоятельств дела), уголовное преследование, возмещение вреда, причиненного преступлением, реабилитация, предупреждение преступлений [2, с. 102]. Однако только в результате доказывания выявляются обстоятельства, позволяющие следователю или дознавателю на законных основаниях завершить предварительное расследование.

Эти обстоятельства можно разделить на две группы:

1) влекущие прекращение уголовного преследования;

2) допускающие привлечение соответствующего лица к уголовной ответственности (предусмотренные статьей 73 УПК РФ).

Отсюда следует, что общая цель элементов доказывания (собирания, проверки и оценки доказательств) заключается в установлении обстоятельств, влекущих прекращение уголовного преследования или допускающих привлечение подозреваемого (обвиняемого) к уголовной ответственности.

Уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию (ч. 2 ст. 6 УПК РФ).

Наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствующими характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (ч. 1 ст. 6 УК РФ).

Рассматриваемое требование справедливости выражает морально-нравственные запросы российского общества и направлено к соответствующим субъектам уголовно-процессуальной деятельности. По каждому уголовному делу оно предопределяет не только основные правила выбора вида и размера наказания при судебном вынесении обвинительного приговора, но и содержание предмета доказывания: обязывает должностных лиц органа предварительного расследования или суд получить необходимую информацию о конкретных обстоятельствах произошедшего для последующей итоговой правовой оценки и принятия справедливого решения. В связи с этим не вызывает сомнений то, что процедура доказывания существенным образом влияет на обеспечение реализации уголовно-правовой справедливости при окончательном разрешении уголовных дел.

Принимая во внимание то, что усилия субъектов доказывания направлены на достижение единой цели — установление обстоятельств, имевших место в прошлом, можно с уверенностью рассматривать данный вид деятельности в качестве ретроспективного вида познавательной деятельности специально уполномоченных субъектов уголовного судопроизводства (то есть уголовно-процессуального познания).

Особенность ретроспективного вида познавательной деятельности заключается в том, что такая деятельность, по справед-

ливому утверждению Е.П. Никитина, представляет собой процедуру опосредствованного, выводного получения знания о прошлых предметах на основе знания о настоящих или о других прошлых предметах [3, с. 34]. Эту мысль поддерживает и развивает А.А. Давлетов, определяя в качестве основных элементов содержания ретроспективного познания:

а) имевшие место в прошлом объективные (природные) события — явления, вещи и процессы;

б) сохранившиеся к моменту познания материальные объекты, обладающие следами минувших событий;

в) знание о прошлых событиях, приобретенное познающим субъектом путем исследования следов на имеющихся объектах [4, с. 88].

Анализ любой познавательной деятельности, в том числе доказывания по уголовным делам, опирается на понимание и правильное использование значимой для них категории «информация».

Научная точка зрения о том, что материальное единство мира выступает предпосылкой всеобщего взаимодействия его материальных систем [5, с. 15], позволяет акцентировать внимание на другом аспекте ее содержания: в любой форме такого взаимодействия проявляется реализация всемирного закона отражения — взаимодействующие объекты (предметы, процессы, явления) и человек в той или иной мере отражают вовне свои свойства, перенося их друг на друга, при этом закрепляют на себе чужие или превращают их в новый вид собственных свойств. В рассматриваемом контексте следует согласиться с утверждениями А.Н. Аверина: «...в неживой природе отражение означает воспроизведение свойств, составляющих содержание отражаемого объекта. На этом уровне организации материи оно сохраняет следы прошлых взаимодействий... Высшая форма психического отражения — сознание, — присуща человеку... Сознание представляет собой свойство высокоорганизованной материи, сущность которого состоит в отражении бытия в идеальной форме» [5, с. 16].

Как верно отмечено С.С. Чегодаевой, основными видами отражения в живой природе и обществе являются модель (во всех ее проявлениях), сигнал, знак и образ, в содержание которых заложены свойства и состояния отражаемых объектов [6, с. 394].

Опираясь на приведенные научные позиции, информацию (от лат. informatio — разъяснение, изложение, осведомленность [7, с. 217]) следует рассматривать как результат психического отражения бытия человеком. В связи с этим предлагается следующее авторское определение: информация — это описание свойств материальных объектов и людей, выраженное в идеальной форме в сознании человека в виде модели, сигнала, знака или образа в результате психического отражения окружающего мира.

Психическое отражение осуществляется одновременно на двух уровнях человеческого познания окружающей действительности — пассивном и активном.

Возможности психического отражения бытия на пассивном уровне (чувственного восприятия) ограничены лишь фиксацией характера свойств отражаемых объектов, которых недостаточно для полного уяснения их сущности. Задачи сущностного постижения мира решаются на более высоком активном познавательном уровне — рациональном (от лат. ratio — разум).

Рациональное познание является целенаправленным, носит абстрактный характер, проявляется в способности человека выявлять общие признаки у различных предметов и непосредственно связано с языком — все мыслительные процедуры могут быть выражены посредством языка (жестов, знаков, звуков и т.п.). Рациональное познание, находясь за рамками чувственного восприятия, позволяет сформировать целостную картину мира.

Представленные особенности познания в процессе психического отражения позволяют сделать вывод о том, что знание соотносится с информацией, как вид и род. В связи с этим следует согласиться с О.С. Буряковой, рассматривающей знание как осмысленную и проинтерпретированную человеком информацию, полученную в результате целенаправленной познавательной деятельности, обладающую такими важнейшими характеристиками, как осмысленность (познание плюс понимание), нацеленность, наличие ценностного

компонента и непосредственной связи с практикой [8, с. 12].

Информация имеет субъективную форму представления, а также объективное (в части соответствия отображаемым свойствам) и субъективное (в части несоответствия отображаемым свойствам) содержание.

Наличие субъективного в содержании обусловлено физиологическими особенностями организма конкретного человека, его целями и устремлениями, обыденным опытом, культурно-историческими реалиями, общественными потребностями, влияющими на постановку исследовательских задач, выбор методологии и интерпретацию результатов. Это влияние бывает «...весьма значимо, ибо оно не только определяет "угол" исследования, но и, в конечном счете, изменение мира в том направлении, которое соответствует целям и ценностям социума» [9, с. 31].

Индивидуум, являясь единственным источником и хранителем информации, при передаче не переносит ее к другому лицу, то есть не выступает в роли носителя. Для этих целей он использует свойства окружающей среды. Например, в рамках вербального контакта его субъекты, описывая какое-либо событие из собственной жизни, осуществляют процесс поочередного естественного преобразования: отражают свою информацию в свойствах звука (кодируя голосом) и, восприняв звук собеседника (декодируя свойства звука органом слуха), осознают его свойства в виде информации. Подобным образом собственная информация (смысл) для передачи преобразуется в параметры свойств материального носителя, а воспринятые параметры свойств носителя осознаются. В этом случае в сознании каждого из участников беседы формируется свое отражение мысли собеседника, совпадающее (при понимании) или не совпадающее (при непонимании) с переданным смыслом.

Следовательно, утверждение о том, что информация материальна, поскольку неразрывно связана с человеком, предметом, документом, в силу чего исследуется непосредственно, воспринимается познающим чувственно (видится, слышится и т.д.) [10, с. 44], является некорректным.

Процесс следообразования взаимодействующих материальных систем можно рассматривать на двух уровнях отражения — физическом и психическом.

На физическом уровне отражения материальные системы (объекты и человек) наряду с собственными свойствами сохраняют следы взаимодействия — свойства отражаемых объектов или приобретенные новые свойства, в том числе с кодированной информацией. По результату взаимодействия материальные системы на данном уровне можно рассматривать в качестве источников собственных (в том числе новых) свойств, хранителей собственных свойств и свойств отражаемых объектов, а также носителей информации.

На уровне психического отражения человек, взаимодействуя с окружающим миром, сам формирует, а затем сохраняет в своей памяти идеальные следы в виде информации. Формирование информации о материальных системах окружающего мира происходит в результате следующих способов взаимодействия:

1) прямого контакта с материальными системами, когда первичное формирование информации осуществляется при непосредственном чувственном восприятии и осознании свойств этих систем;

2) опосредованного контакта — в условиях, исключающих прямое взаимодействие с исследуемыми материальными системами. В этом случае формирование информации о свойствах объектов исследования осуществляется через осознание иной, относящейся к ним информации, представленной в виде:

— сообщения другого лица, содержащего описание указанных свойств, закодированное в свойствах материального носителя информации;

— данных, достаточных для формулирования собственных логических выводов о свойствах исследуемых объектов.

В контексте изложенного очевидно, что информация как результат взаимодействия человека с окружающим миром в зависимости от способа взаимодействия (непосредственный или опосредованный) может быть первичной или повторной:

— первичная информация — информация, сформированная индивидуумом в результате непосредственного чувствен-

ного восприятия и осознания свойств материальных систем;

– повторная информация – информация, сформированная индивидуумом в результате осознания имеющейся информации о свойствах материальных систем, без их непосредственного чувственного восприятия. Повторная информация может быть сформирована взаимодействующим субъектом на основе первичной и (или) любой повторной информации.

При переходе к исследованию криминологических свойств информации необходимо рассмотреть ее взаимосвязь с такими понятиями, как «сведения», «данные» и «факт».

Общепринятые лексические значения вышеперечисленных слов раскрыты С.И. Ожеговым и Н.Ю. Шведовой: 1) сведения – это известие, сообщение, знание, представление; 2) данные – это сведения, необходимые для какого-нибудь вывода, решения; 3) факт – это действительное, вполне реальное событие, явление; то, что действительно произошло, происходит, существует [11, с. 723, 153, 878].

Соотнося представленные лексические значения с содержанием понятий «информация», «первичная информация», «повторная информация», можно констатировать следующее:

а) понятия «сведения» и «информация» являются тождественными, поэтому сведения – это первичная и (или) повторная информация, полученная путем чувственного восприятия и осознания свойств материальных систем, декодирования и осознания свойств материального носителя или посредством формулирования собственных логических выводов;

б) данные – это сведения, необходимые для формулирования соответствующих выводов или принятия решения;

в) фактические данные – первичная информация о существующих свойствах материальных объектов или человека, сформированная в результате их непосредственного чувственного восприятия и осознания, необходимая для дальнейшего формулирования собственных выводов или принятия решения.

В рамках уголовного процесса его субъекты, а также соответствующие участники (например, специалист или эксперт) уполномочены целенаправленно собирать фактические данные на основаниях и в порядке, предусмотренных уголовно-процессуальным законом (например, в ходе осмотра места происшествия или при проведении экспертизы). При этом уголовно-процессуальная форма собирания фактических данных призвана максимально обеспечить их соответствие воспринимаемым свойствам материальных систем. Фактические данные, полученные иным способом, приобретают статус вторичной информации.

Таким образом, фактические данные являются разновидностью данных, соотносятся со сведениями как часть и целое, могут быть собраны лишь посредством уголовного судопроизводства.

С целью формирования единого понятийного аппарата следует сформулировать определения используемых в настоящем исследовании понятий:

– собирание свойств (информации) – обнаружение (получение), фиксация (отображение) на материальном хранителе (носителе) и накопление свойств (информации);

– получение информации – это процесс идеального описания свойств материальных объектов и людей в сознании человека.

Факт непосредственного взаимодействия обычного (без расстройств здоровья) человека с реальностью сам по себе уже нивелирует субъективное содержание первичной информации, полученной подобным образом, поэтому содержание фактических данных в целом можно признать объективным. Указанная особенность фактических данных позволила использовать их для определения понятия «доказательства» в УПК РСФСР (ч. 1 ст. 69)* в условиях, при которых «только процесс, закончившийся установлением объективной истины по делу и соответствующим этой истине приговором, осуществляет задачи социалистического правосудия...» [12, с. 39].

Полагаем, что разработчики УПК РФ, отказываясь от объективной истины

* Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 окт. 1960 г.: ред. от 18 мая 1995 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

и обеспечивающего ее принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела в пользу формальной истины, свободной оценки доказательств и состязательности сторон, для определения понятия «доказательства» ввели в уголовный процесс более общую категорию — «сведения» (ч. 1 ст. 74 УПК РФ).

Повторная информация, в отличие от фактических данных, требует проверки на объективность. Такую проверку можно реализовать:

— путем прямого сопоставления информации о материальной системе с фактическими характеристиками самой системы;

— путем сопоставления информации о материальной системе с фактическими данными о системе. В этом случае информация признается объективной лишь в части своего соответствия фактическим данным (то есть в части ее объективного обоснования).

Через частичную объективную обоснованность и полную согласованность с фактическими данными устанавливается непротиворечивая связь проверяемых сведений с реальностью — их достоверность.

Данное суждение подкрепляется мнением многих ученых-процессуалистов, и в частности С.В. Корнаковой, о том, что «...достоверным является доказанное знание, истинность которого не вызывает сомнений» [13, с. 73].

Таким образом, достоверные сведения — это отчасти объективно обоснованная и полностью согласованная с фактическими данными информация, полученная от другого лица либо в результате формулирования собственных логических выводов.

Устанавливая связь достоверной информации с фактами (то есть с тем, что действительно произошло, происходит или существует), можно утверждать, что факт — это событие (явление):

а) происходящее (существующее);

б) протекание (существование) которого в прошлом доказано достоверной информацией.

При профессиональном и качественном расследовании фактические обстоятельства уголовного дела излагаются в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого, затем — в обвинительном заключении, а в завершение — в приговоре в точном соответствии с требованиями закона. В них языком фактов описываются время, место, обстоятельства совершения преступления, детально излагаются действия, совершенные обвиняемым и свидетельствующие о его виновности, а также иные обстоятельства, имеющие юридическое значение [14, с. 782].

Любое проявленное вовне преступное поведение сопровождается взаимным следообразованием: правонарушитель оставляет свои следы на месте происшествия (например, в виде причиненных потерпевшему телесных повреждений, следов борьбы, информации в сознании очевидцев и потерпевшего и пр.), при этом сохраняет на себе (при себе), своей одежде, орудиях, средствах совершения преступления следы от контакта с потерпевшим и материальными объектами (например, похищенное имущество, полученные телесные повреждения, капли крови или иные биологические следы потерпевшего и др.).

На физическом уровне следы преступления имеют материальную (вещественную) природу и фиксируются на преступнике, предметах, с которыми он контактировал, потерпевшем, а также на месте совершения преступления в виде свойств:

а) сформированных новых (вследствие изменения собственных свойств материальных систем при взаимодействии — ушибы тела, повреждения одежды, предметов и пр.);

б) перенесенных от других материальных систем (например, брошенные правонарушителем предметы как отображенное свойство преступного события, оставленные следы его обуви или отпечатки пальцев на поверхности — как перенесенные и сохранившиеся свойства конкретного лица, указывающие на размер его стоп, шага, рисунки папиллярных линий пальцев и др.).

Материальные следы в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом, изымаются субъектами, осуществляющими предварительное расследование, с места их обнаружения на собственных источниках или на хранителях свойств (материальных предметах) и при-

общаются к материалам уголовного дела в качестве вещественных доказательств.

На уровне психического отражения формируются следы отображаемого преступного события, имеющие идеальную природу (идеальные следы). Эти следы проявляются в сознании преступника, очевидцев и (или) потерпевшего изначально в виде первичной информации о происшествии, которая вне процессуального оформления фиксируется только в памяти указанных лиц и при последующем распространении ими приобретает статус повторной. Сведения перечисленных лиц, предоставленные дознавателю, следователю или суду в ходе проведения следственных или судебных действий, изначально последними осознаются, а затем как повторная информация преобразуются в параметры свойств вещественного носителя для приобщения к материалам уголовного дела. Участники уголовного судопроизводства (включая специалистов или экспертов), представившие в уголовно-процессуальном порядке имеющуюся у них первичную или повторную информацию о преступлении, а равно субъекты, осуществляющие процессуальное закрепление предоставленных сведений, являются источниками доказательственной информации. Такая точка зрения соответствует мнению В.И. Зажицкого в том, что под источниками доказательств следует понимать «...живых лиц, которые занимают в уголовном судопроизводстве определенное процессуальное положение» [15, с. 77].

В зависимости от природы свойств используемого материального носителя следует рассматривать доказательственную информацию на носителе: звуковом, бумажном, электронном, магнитном, оптическом и др.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что следы преступления – это свойства материальных систем, а также сведения человека, сформированные преступным событием прошлого и отражающие указанное событие в настоящем моменте.

Определяя в качестве основного назначения уголовного судопроизводства обеспечение применения норм уголовного закона [16, с. 24] и соглашаясь с точкой зрения о том, что категория «справедливость» относится к числу фундаментальных ценностей человечества [17, с. 10], автор приходит к выводу, что для реализации уголовно-правового принципа справедливости субъекты уголовного судопроизводства по каждому уголовному делу обязаны на основе фактических данных устанавливать не только личность виновного, но и общественную опасность преступного деяния, а также обстоятельства его совершения (ч. 1 ст. 6 УК РФ). В отсутствие объективной информации о преступлении исполнить данное обязательство не представляется возможным.

Материальные следы преступления – это единственные фрагменты объективной реальности, имеющие отношение к преступному событию прошлого. Их визуальное восприятие при непосредственном контакте (например, при осмотре) оказывает существенное влияние на формирование внутреннего убеждения у субъектов уголовно-процессуальной деятельности, а целенаправленное изучение (в рамках предварительного расследования, специального или экспертного исследования) позволяет дознавателю, следователю, специалисту или эксперту получить объективную информацию – фактические данные.

Не вызывает сомнений то, что фактические данные:

а) играют важную роль в оценке доказательств, представляя собой единственный и незаменимый объективный эталон проверки на достоверность любых имеющих доказательственное значение сведений;

б) составляют основу системы установленной достоверной информации об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, через которую в уголовном деле формируется целостное знание о произошедших событиях (явлениях).

Несмотря на то, что все усилия субъектов уголовного процесса, изначально направленные на получение знания, полностью соответствующего событию прошлого, заведомо будут обречены на провал, тем не менее выявление его объективной части – фактических данных, как уже было отмечено, является обязательным условием уголовного судопроизводства:

– позволяющим через объективную обоснованность и согласование с этой частью установить достоверность другой

(требующей проверки) его части – повторной информации;

– обеспечивающим реализацию принципа справедливости при разрешении по существу уголовных дел.

В свою очередь, достоверные сведения как объективно обоснованная и согласованная с фактическими данными информация играют важную роль в уголовном судопроизводстве, так как именно они «...в конечном счете определяют характер истины по делу» [18, с. 8].

Объемы объективного и достоверного знания об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, прямо пропорциональны соответственно объемам фактических данных, сформированных в процессе непосредственного чувственного восприятия вещественных доказательств уголовного дела, и согласованной с ними объективно обоснованной доказательственной информации. На основе этой закономерности в качестве обязательных условий, обеспечивающих объективность и достоверность результата доказывания, необходимо рассматривать всесторонность и полноту дознания, предварительного и судебного следствия. В этом случае:

– условие полноты уголовного процесса, охватывая своим влиянием предмет доказывания, обеспечивает получение объективной (достоверной) информации, достаточной для справедливого разрешения материально-правового спора по существу;

– условие всесторонности обеспечивает выявление и разрешение имеющихся в уголовном деле противоречий.

Все вышеперечисленные доводы свидетельствуют о том, что на фоне особой социальной ценности категории «справедливость» и ее определяющей роли для уголовного процесса, объективность (полную или частичную) используемых сведений, а также всесторонность и полноту предварительного расследования и судебного следствия необходимо рассматривать в качестве принципов уголовного процесса, назначение которых заключается в обеспечении реализации уголовно-правового принципа справедливости.

Фундаментальная связь рассматриваемых принципов уголовного процесса с принципом уголовного права оказывает серьезное влияние на формирование структуры уголовного судопроизводства, выдвигает на первый план потребность в разработке на ее основе согласующегося с ней механизма реализации уголовно-процессуального принципа состязательности сторон, при котором, как представляется, органы предварительного расследования должны обладать полной процессуальной самостоятельностью и равным образом строить взаимоотношения со сторонами защиты и обвинения.

Подводя итоги исследования, необходимо констатировать, что определение доказательств, предусмотренное ч. 1 ст. 74 УПК РФ, не отражает процесс формирования доказательств, а также особенности (свойства) материальных объектов (вещественных доказательств).

На основании полученных результатов можно сформулировать следующие выводы:

1. Доказательства по уголовному делу – это установленные посредством доказывания свойства материальных объектов, а также сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке уголовного судопроизводства получают достоверное знание о наличии или отсутствии обстоятельств, подлежащих доказыванию.

2. В качестве доказательств допускаются:

– показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля;

– заключения, показания эксперта или специалиста;

– свойства вещественных доказательств;

– сведения, содержащиеся в протоколах следственных и судебных действий, а также в иных документах.

3. Источниками свойств как доказательств являются материальные системы (предметы, процессы, явления, человек); источниками сведений как доказательств являются субъекты и иные участники уголовного судопроизводства (источники первичной и (или) повторной доказательственной информации).

4. Требование обязательной проверки доказательств путем установления их источников должно быть реализовано по отношению к источникам свойств и повторной доказательственной информации.

5. Требование обязательной оценки доказательств на достоверность применимо по отношению к повторной информации, имеющей доказательственное значение.

6. Доказательство признается достоверным при условии его частичной объективной обоснованности и полного согласования с системой фактических данных о преступлении, сформированной на основе вещественных доказательств в порядке уголовного судопроизводства.

Представляется очевидным, что реализация принципа уголовно-правовой справедливости возможна лишь при минимизации влияния субъективных факторов на результат доказывания, в том числе за счет обеспечения независимого расследования и широкого внедрения автоматизированных средств фиксации хода и результатов уголовно-процессуальных действий. В связи с этим представляется целесообразным поддержать позицию В.А. Азарова и И.А. Пелих, в соответствии с которой положения уголовно-процессуального закона о следователе, руководителе следственного органа, органа дознания, начальнике подразделения дознания и дознавателе должны быть исключены из главы 6 «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения» и включены в отдельную главу УПК РФ, которую можно было бы назвать, например, «Лица и органы, осуществляющие предварительное расследование» [19, с. 39].

Таким образом, можно утверждать, что доказывание – это основанная на принципах объективности (полной или частичной) используемых сведений, всесторонности и полноты предварительного расследования и судебного следствия уголовно-процессуальная деятельность специально уполномоченных субъектов по собиранию, проверке и оценке доказательств с целью получения достоверного знания об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, для справедливого разрешения по существу уголовных дел.

Результаты проведенного исследования указывают на необходимость внесения соответствующих изменений в содержание статей 74, 85, 87 и части 1 статьи 88 УПК РФ.

Список литературы

1. Россинский С.Б. Размышления о сущности доказывания в уголовном судопроизводстве // Lex russica (Русский закон). 2020. N 9 (166). С. 63-76. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.166.9.063-076.

2. Ревенко Н.И. Функция расследования преступлений как основное направление деятельности следователя // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2009. N 1 (18). С. 100-103.

3. Никитин Е.П. Метод познания прошлого // Вопросы философии. 1966. N 8. С. 34-41.

4. Давлетов А.А. Факт, информация, знание в структуре уголовно-процессуального познания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1990. N 2. С. 88-92.

5. Аверин А.Н. Философский анализ коммуникации // Коммуникология. 2015. Т. 3. N 2. С. 13-22.

6. Чегодаева С.С. Виды отражения в криминалистике // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. N 4-2. С. 393-401.

7. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев и др. М.: Сов. энциклопедия, 1983. 843 с.

8. Бурякова О.С. Информация и знание: взаимосвязь понятий // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2010. N 4 (53). С. 11-14.

9. Воронцова Т.Н. Объективность истины и субъективный характер знания современной науки // Вестник Донского государственного аграрного университета. 2019. N 4-2 (34). С. 29-32.

10. Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991. 152 с.

11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7500 фразеологических выражений / Российская АН; Ин-т рус. яз.; Российский фонд культуры. М.: АЗЪ, 1993. 960 с.

12. Шадрин В.С. Истина в современном российском уголовном судопроизводстве // Вестник Самарского государственного университета. 2014. N 11-1 (122). С. 36-42.

13. Корнакова С.В. Соотношение понятий «достоверность» и «истинность» доказательств в уголовном процессе // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2010. N 2. С. 69-75.

14. Воскобитова Л.А., Пржиленский В.И. Эволюция понятия факта: проблемы юридического познания и правоприменительной практики // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. N 4. С. 779-789. DOI: 10.17150/2500-4255.

15. Зажицкий В.И. Источники в доказательственном праве // Государство и право. 2013. N 10. С. 72-84.

16. Иванов В.И. Цель уголовного процесса: психолого-правовой анализ // Сибирские уголовно-процессуальные и криминологические чтения. 2020. N 3. С. 20-26.

17. Вопленко Н.Н. Понятие и виды юридической справедливости // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2005. N 7. С. 7-17.

18. Белкин А.Р. Теория доказывания: науч.-метод. пособие. М.: НОРМА, 1999. 429 с.

19. Азаров В.А., Пелих И.А. Взаимосвязь объективной истины и пределов доказывания по уголовному делу // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 15. N 2. С. 35-42.

References

1. Rossinskiy S.B. Reflections on the essence of evidence in criminal proceedings. Lex russica (Russian law), 2020, no. 9 (166), pp. 63-76. DOI: 10.17803/1729-5920.2020.166.9.063-076. (In Russ.).

2. Revenko N.I. The function of crime investigation as the main activity of the investigator. Omsk University Bulletin, Series: Right, 2009, no. 1 (18), pp. 100-103. (In Russ.).

3. Nikitin E.P. The method of cognizing the past. Questions of philosophy, 1966, no. 8, pp. 34-41. (In Russ.).

4. Davletov A.A. Fact, information, knowledge in the structure of criminal procedure knowledge. Proceedings of higher educational institutions. Jurisprudence, 1990, no. 2, pp. 88-92. (In Russ.).

5. Averin A.N. Philosophical analysis of communication. Communicology, 2015, vol. 3, no. 2, pp. 13-22. (In Russ.).

6. Chegodaeva S.S. Types of reflection in criminalistics. Bulletin of the Tula State University. Economic and legal sciences, 2013, no. 4-2, pp. 393-401. (In Russ.).

7. Philosophical encyclopedic dictionary. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1983. 843 p. (In Russ.).

8. Buryakova O.S. Information and knowledge: the relationship of concepts. Humanities and socio-economic sciences, 2010, no. 4 (53), pp. 11-14. (In Russ.).

9. Vorontsova T.N. Objectivity of truth and subjective nature of knowledge of modern science. Bulletin of the Don State Agrarian University, 2019, no. 4-2 (34), pp. 29-32. (In Russ.).

10. Davletov A.A. Fundamentals of criminal procedure knowledge. Sverdlovsk, Ural University Publishing House, 1991. 152 p. (In Russ.).

11. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 72 500 words and 7500 phraseological expressions. Moscow, AZ", 1993, 960 p. (In Russ.).

12. Shadrin V.S. Truth in modern Russian criminal proceedings. Samara State University Bulletin, 2014, no. 11-1 (122), pp. 36-42. (In Russ.).

13. Kornakova S.V. Correlation of the concepts of "reliability" and "truth" of evidence in criminal proceedings. Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law, 2010, no. 2, pp. 69-75. (In Russ.).

14. Voskobitova L.A., Przhilenskiy V.I. Evolution of the concept of fact: problems of legal knowledge and law enforcement practice. All-Russian criminological journal, 2016, vol. 10, no. 4, pp. 779-789. DOI: 10.17150/2500-4255. (In Russ.).

15. Zazhitskiy V.I. Sources in the law of evidence. State and law, 2013, no. 10, pp. 72-84. (In Russ.).

16. Ivanov V.I. Purpose of the criminal process: psychological and legal analysis. Siberian criminal procedural and criminological readings, 2020, no. 3, pp. 20-26. (In Russ.).

17. Voplenko N.N. The concept and types of legal justice. Bulletin of the Volgograd State University. Series 5: Jurisprudence, 2005, no. 7, pp. 7-17. (In Russ.).

18. Belkin A.R. Theory of proof. Moscow, Norma Publ., 1999. 429 p. (In Russ.).

19. Azarov V.A., Pelih I.A. The relationship between objective truth and the limits of proof in a criminal case. Bulletin of the South Ural State University. Series: Right, 2015, vol. 15, no. 2, pp. 35-42. (In Russ.).

ДРОБЫШЕВА Е.Н.,
elenadrobysheva@list.ru
Челябинский областной суд,
454006, г. Челябинск, ул. Труда, 34

DROBYSHEVA E.N.,
elenadrobysheva@list.ru
Chelyabinsk Regional Court,
Truda St. 34, Chelyabinsk, 454006,
Russian Federation

СУДЬЯ-ДОКЛАДЧИК В СУДЕ НАДЗОРНОЙ ИНСТАНЦИИ: ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА И ПРЕДЕЛЫ УЧАСТИЯ В ПРИНЯТИИ РЕШЕНИЙ ПРЕЗИДИУМОМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается проблема теоретико-правового характера, относящаяся к стадии надзорного производства. Содержанием проблемы является остающийся открытым вопрос о субъекте, правомочном принимать решение о передаче надзорных жалобы, представления и докладывать Президиуму Верховного Суда Российской Федерации обстоятельства уголовного дела, доводы надзорных жалобы, представления, ставшие основанием для передачи на рассмотрение в порядке надзорного производства. С позиции дальнейшего совершенствования правовой регламентации порядка рассмотрения надзорных жалобы, представления в суде надзорной инстанции исследуются три правовые ситуации в суде надзорной инстанции с участием судьи-докладчика. По результатам исследования формулируются выводы, обосновывается целесообразность внесения соответствующих изменений в уголовно-процессуальное законодательство, предлагаются авторские редакции отдельных норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: надзорное производство; надзорная жалоба; надзорное представление; судья-докладчик; судебное заседание; Верховный Суд Российской Федерации.

Для цитирования: Дробышева Е.Н. Судья-докладчик в суде надзорной инстанции: вопросы правового статуса и пределы участия в принятии решений Президиумом Верховного Суда Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 1 (55). С. 52-59.

RAPPORTEUR JUDGE IN THE SUPERIOR COURT: THE ISSUES CONCERNING LEGAL STATUS AND LIMITS OF PARTICIPATION IN DECISION MAKING BY THE PRESIDIUM OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The problem of theoretical and legal nature related to the stage of supervisory proceedings is analyzed in the article. The content of the problem is the unresolved issue concerning the subject entitled to make a decision on the transfer of supervisory complaint and submission, as well as to report to the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation the circumstances of the criminal case, arguments of supervisory complaint and submission that were the basis for transferring the case to the superior court. From the perspective of further improving the legal regulation of the procedure for consideration of supervisory complaints and submissions in the superior court, the author of the paper examines three legal situations in the superior court involving the participation of the rapporteur judge. As the result of the study, conclusions are formulated, the expediency of making appropriate changes to the criminal procedure legislation is substantiated, and the author's wordings of certain norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation are proposed.

Keywords: supervisory proceedings; supervisory complaint; supervisory submission; rapporteur judge; court session; the Supreme Court of the Russian Federation.

For citation: Drobysheva E.N. Rapporteur judge in the superior court: the issues concerning legal status and limits of participation in decision making by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 1 (55). P. 52-59.

С момента принятия Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), подвергшегося в последние несколько лет значительным изменениям, в том числе касающимся регламентации процедуры надзорного про-

изводства, неизменным остается правило о том, что судебное заседание в надзорной инстанции начинается с доклада судьи. Несмотря на то, что в первоначальной редакции ст. 407 УПК РФ прямо не закреплялось понятие «доклад», из смысла части четвертой данной статьи следовало, что доклад представляет собой изложение судьей обстоятельств уголовного дела, существа обжалованных судебных решений, доводов сторон и мотивов, указанных в постановлении о возбуждении надзорного производства. Кроме того, согласно части третьей рассматриваемой статьи дело могло докладываться как членом президиума, так и любым другим судьей, не входящим в состав суда надзорной инстанции. Главным законодательно закрепленным условием, при котором судья мог выступать в качестве докладчика по делу, являлось то, что данный судья ранее не принимал участия в рассмотрении этого дела.

С введением в действие Федерального закона от 29 декабря 2010 г. N 433-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации»* производство в суде надзорной инстанции коренным образом изменилось. В числе ключевых изменений – устранение множественности надзорных инстанций, поскольку, как известно, в настоящее время единственным судом надзорной инстанции является Президиум Верховного Суда Российской Федерации (далее – Президиум ВС РФ). Вместе с тем и обновленное уголовно-процессуальное законодательство (ст. 412.10 УПК РФ) установило обязанность судьи-докладчика изложить в судебном заседании обстоятельства дела, содержание судебных актов и доводов надзорных притязаний сторон, которые явились основанием для передачи их на рассмотрение Президиума ВС РФ. Как следует из приведенных законодательных положений, требования озвучивать иные мотивы (то есть не содержащиеся в надзорных жалобе, представлении), указанные в постановлении судьи в качестве основания для передачи дела на рассмотрение судом надзорной инстанции, в отличие от первоначальной редакции УПК РФ, действующий Кодекс не содержит.

Существенным недостатком вышеупомянутого Федерального закона является и то, что, закрепив в ст. 412.10 УПК РФ положение о том, что дело может докладывать только судья ВС РФ, ранее не принимавший участия в рассмотрении дела, которое теперь рассматривается в надзорном порядке, он не содержит важного уточнения: обладает ли полномочиями по представлению доклада в судебном заседании надзорной инстанции только член Президиума ВС РФ, или же с докладом может выступить и судья ВС РФ, не являющийся таковым. Вместе с тем значимым законодательным положением следует назвать закрепленный в ч. 2 ст. 412.10 УПК РФ запрет участвовать в рассмотрении дела судье (Председателю ВС РФ, его заместителю, члену Президиума ВС РФ), вынесшему постановление о передаче жалобы или представления на рассмотрение судом надзорной инстанции.

Относительно указанного вопроса у ученых-процессуалистов не было единого мнения. Например, В. Смирнов в период действия прежнего порядка пересмотра судебных решений высказывал позицию следующего содержания. Судья, который принял решение о возбуждении надзорного производства и передаче надзорной жалобы (надзорного представления) для рассмотрения по существу в надзорную инстанцию, и должен докладывать дело в судебном заседании. Это, по мнению автора, исключает необходимость другому судье вновь анализировать содержание надзорной жалобы (представления) и приложенные к ней иные материалы, постановление судьи, принявшего решение передать жалобу (представление) на рассмотрение в порядке надзора. Следствием такого подхода станет процессуальная экономия – важная задача уголовного судопроизводства [1, с. 87].

Аналогичной позиции придерживаются И.С. Дикарев, М.В. Мерзлякова, А.В. Ульянов, А.П. Рыжаков [2, с. 96; 3, с. 105; 4, с. 103-104; 5]. Весомым аргументом в пользу данной позиции является то, что судья, принявший решение о пере-

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 1. Ст. 45.

даче надзорной жалобы (представления) с уголовным делом для рассмотрения на заседании Президиума ВС РФ (в первоначальной редакции УПК РФ — о возбуждении надзорного производства и передаче надзорных жалобы или представления на рассмотрение суда надзорной инстанции), изучил материалы уголовного дела, мотивы надзорной жалобы, представления, то есть владеет достаточной информацией для того, чтобы полно осветить все юридически значимые обстоятельства и ответить на возникающие у членов Президиума вопросы.

В пункте 19 ранее действовавшего постановления от 28 января 2014 г. N 2 Пленум ВС РФ, обобщая практику работы судов кассационной инстанции в порядке главы 47.1 УПК РФ, признал допустимыми случаи, когда судья, не являющийся членом президиума, не только принимает решение и передает кассационную жалобу (представление) на рассмотрение в судебном заседании верховного суда республики, краевого или областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области, суда автономного округа, окружного (флотского) военного суда, но и сам докладывает уголовное дело президиуму. Единственным ограничением для таких полномочий судьи, не являющегося членом президиума, было выполнение условия о том, что судья-докладчик далее не принимает участия в разрешении кассационной жалобы (представления) по существу*. По аналогии без каких-либо противоречий обозначенная в отношении кассационной инстанции позиция ВС РФ может быть перенесена и на надзорное производство. Если не являющийся членом Президиума ВС РФ судья-докладчик доложит в судебном заседании надзорной инстанции доводы надзорных жалобы или представления, обстоятельства дела и не примет дальнейшего участия в вынесении постановления надзорной инстанции, то это не будет противоречить действующему законодательству, регламентирующему процессуальную деятельность на стадии надзорного производства.

Между тем процессуалистами высказывается и мнение о целесообразности предварительной проверки доводов стороны судьей, который может и не быть членом президиума; но доклад дела в судебном заседании должен озвучивать именно тот судья, который входит в состав суда. В таком случае, по мнению этих авторов, контрольная функция надзорного производства усиливается постольку, поскольку каждый судья, член президиума, должен будет проверить доводы жалобы или представления и выработать собственное отношение к делу. Такой подход усилит гарантию вынесения обоснованного решения судом [6, с. 241].

Указанная точка зрения, на наш взгляд, является наиболее убедительной, так как рациональность (и самое главное — результативность) неоднократного изучения уголовного дела судьями, которые не принимают в конечном итоге решение по существу, при отсутствии требования тщательного изучения уголовного дела именно судьями, входящими в состав суда надзорной инстанции и правомочными принимать итоговое решение по делу, вызывает сомнения. Изучение доводов надзорных жалобы, представления и приложенных к ним процессуальных решений (а при необходимости и материалов истребованного уголовного дела) обусловлено необходимостью предварительной оценки притязаний несогласной стороны с точки зрения достаточности для преодоления законной силы обжалуемых судебных актов, поскольку судья на данной стадии решения непосредственно о пересмотре приговора (определения, постановления) не принимает, констатируя лишь приемлемость отзыва заявителя.

Решение относительно необходимости изменения или отмены обжалуемых актов правомочен принимать только Президиум ВС РФ как единственная в настоящее время надзорная инстанция. Судья-докладчик, не входящий в состав Президиума ВС РФ, по сложившейся практике в совещательную комнату не удаляется, участия в голосовании при вынесении

---

* О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 янв. 2014 г. N 2: ред. от 3 марта 2015 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

решения по делу не принимает. Следовательно, говорить о том, что он каким-либо образом может повлиять на выводы суда надзорной инстанции, нельзя, а это, в свою очередь, делает бессмысленным запрет выступать в качестве докладчика по делу судье, передавшему жалобу (представление) вместе с уголовным делом на рассмотрение в судебном заседании Президиума ВС РФ.

Из смысла ч. 5 ст. 412.10 УПК РФ, в которой указывается, из чего должен состоять доклад судьи (это обстоятельства уголовного дела, содержание судебных решений, доводы надзорных жалобы, представления, послужившие основанием их передачи для рассмотрения Президиумом ВС РФ), следует, что высказывание судьей-докладчиком своего мнения относительно того, каким ему видится решение суда надзорной инстанции, законом не предусмотрено. В связи с этим нельзя согласиться с точкой зрения И.С. Дикарева, который считает, что судья-докладчик должен не только озвучить доклад, но и выразить свое отношение к вопросу о целесообразности отмены или изменения обжалуемого решения. По мнению данного автора, если докладчик считает правильной передачу жалобы (представления) с уголовным делом для рассмотрения в судебном заседании надзорной инстанции, то ему достаточно огласить выводы, указанные в постановлении о рассмотрении жалобы в надзорном порядке. Если же он считает принятое решение о передаче жалобы (представления) на рассмотрение суда надзорной инстанции ошибочным, то он должен аргументировать свое мнение о несогласии с ним. Предлагаемый уровень полномочий судьи-докладчика, как полагает И.С. Дикарев, будет реализовывать принцип свободы оценки доказательств, способствовать всесторонней, полной и объективной оценке законности проверяемого судебного акта судами кассационной и надзорной инстанций [2, с. 94].

Возложение на судью-докладчика (вне зависимости от того, является он членом Президиума, правомочным принимать решение по существу, или нет) столь важной обязанности представляется неоправданным по следующим объективным причинам. Из анализа положений ч. 5 ст. 412.10 УПК РФ следует один вывод: доклад представляет собой лишь констатацию фактов, имеющих юридическое значение при рассмотрении уголовного дела судом надзорной инстанции, озвученных одним из судей. Понятие «доклад» используется в УПК РФ не только применительно к надзорному пересмотру судебных решений. Законодательные положения аналогичного по смыслу содержания имеются в главах 45.1 и 47.1 УПК РФ, регламентирующих производство в апелляционном и кассационном порядке.

Так, согласно ч. 3 ст. 389.13 УПК РФ в судебном заседании апелляционной инстанции доклад включает краткое изложение содержания обжалуемого приговора или иного судебного решения, в нем же раскрывается существо апелляционной жалобы (представления), оглашаются возражения на них, приводится перечень дополнительных материалов, представленных вместе с жалобой (представлением), и сведения, отраженные в них. По сути, доклад в суде апелляционной инстанции аналогичен докладу в судах кассационной и надзорной инстанций. Однако по смыслу положений ст.ст. 389.13 и 401.13 УПК РФ в судах апелляционной и кассационной инстанций дело всегда докладывается судьей, входящим в состав суда, который в последующем будет принимать решение по существу.

Таким образом, выражение докладчиком своего мнения относительно доводов сторон и наличия (отсутствия) оснований для отмены или изменения обжалуемого судебного акта не только ставило бы под сомнение объективность данного судьи при принятии решения по делу, но и могло бы расцениваться как нарушение самой процедуры принятия судом решения. Исходя из характера доклада (констатация юридически значимых фактов, не окрашенных субъективной оценкой судьи), ни у кого не возникает сомнений в отсутствии какого-либо влияния судьи-докладчика на принятие судом апелляционной (кассационной) инстанции итогового решения по делу.

В связи с этим совершенно непонятно, почему такой же по сути (согласно ее законодательному закреплению) доклад судьи в судебном заседании надзор-

ной инстанции может оказать какое-либо влияние на принятие судом итогового решения по делу, поставив тем самым под сомнение его объективность и беспристрастность. С учетом отсутствия в законе адресованного суду надзорной инстанции требования изучить уголовное дело перед принятием решения роль доклада судьи – члена Президиума ВС РФ становится особенно важной, по сравнению с производством в апелляционной инстанции, где может иметь место полноценное судебное следствие и суд вправе непосредственно исследовать все доказательства по делу в судебном заседании. По смыслу норм главы 48.1 УПК РФ проверка правильности применения на предыдущих стадиях судопроизводства положений уголовного и уголовно-процессуального закона (что и составляет предмет судебного разбирательства в надзорной инстанции) может осуществляться исключительно путем изучения представленных материалов уголовного дела.

Если в соответствии с законодательством перед принятием решения по делу в совещательной комнате суд надзорной инстанции не обязан изучать уголовное дело, то возникает вопрос о том, каким образом на практике должны реализовываться положения ч. 1 ст. 412.12 УПК РФ. Указанная норма, как известно, предусматривает право Президиума ВС РФ в целях обеспечения законности выйти за пределы доводов надзорных жалобы, представления. Более того, он вправе исследовать материалы уголовного дела в отношении всех лиц вне зависимости от обжалования ими судебного решения.

В свое время А.Я. Грун отмечал, что высказывание докладчиком мнения по делу полезно по существу и не противоречит закону по форме. При этом автором приводится пример, когда осужденному было назначено более строгое наказание, чем могло быть назначено с учетом ранее действовавшей ст. 40 УК РСФСР, однако в протесте прокурором таких доводов приведено не было. Если бы докладчик ограничился изложением обстоятельств дела и доводов протеста и не высказал своего мнения о нарушении судом ст. 40 УК РСФСР, то это нарушение могло остаться незамеченным надзорной инстанцией, как не было оно замечено нижестоящими судебными инстанциями и прокурором, проверявшим дело в порядке надзора [7, с. 98-99].

Приведенный пример и в целом высказанное мнение о существенности роли судьи-докладчика может свидетельствовать о том, что фактически решение суда надзорной инстанции по делу формируется одним этим судьей. Вместе с тем, как мы убедились, роль докладчика, согласно действующему УПК РФ, состоит лишь в озвучивании доводов сторон и содержания оспариваемых судебных актов. Кодекс не содержит требования о том, что судья-докладчик должен выявлять и констатировать нарушения, допущенные на предыдущих стадиях уголовного судопроизводства. Право выйти за пределы доводов надзорных жалобы, представления и рассмотреть уголовное дело в полном объеме предоставлено исключительно суду надзорной инстанции, то есть Президиуму ВС РФ.

Однако механизм реализации полномочий Президиума, предусмотренных ч. 1 ст. 412.12 УПК РФ, законодательно не урегулирован. Следствием этого является преувеличение роли доклада в суде надзорной инстанции. При этом возложение на одного судью столь серьезной задачи (высказать свое мнение, а фактически – предложить Президиуму ВС РФ вариант подлежащего принятию решения) сводит на нет логическое обоснование коллегиальности принятия решения судом самой последней инстанции, поскольку таким образом это решение всецело ставится в зависимость от полноты изучения материалов уголовного дела данным судьей, его грамотности, внимательности (применительно к возможности выявить нарушения требований уголовного, уголовно-процессуального законов, о которых не заявлено сторонами, с целью реализации судом надзорной инстанции своих так называемых ревизионных полномочий) и правильности изложения перед Президиумом выявленных им фактов.

Решение обозначенной проблемы видится в закреплении в УПК РФ требования о том, что в качестве докладчика по делу может выступать лишь член Президиума ВС РФ, который заранее изучает уголовное дело и докладывает суду об

обстоятельствах, указанных в ч. 5 ст. 412.10 УПК РФ. В связи с тем, что доклад представляет собой изложение в судебном заседании надзорной инстанции доводов сторон и существа принятых ранее судебных решений, наиболее приемлемой видится ситуация, когда для подготовки доклада дело изучается именно судьей, входящим в состав Президиума. Это особенно важно для последующего принятия судом надзорной инстанции итогового решения по делу в совещательной комнате, поскольку у судей могут возникнуть вопросы, разногласия, которые достаточно быстро будут разрешены только в том случае, если в полном объеме изучены материалы уголовного дела и судья, готовивший доклад, сможет без значительных временных затрат найти в материалах уголовного дела ответы на все возникшие вопросы. Именно это, наряду с закреплением требования к суду надзорной инстанции принимать решение в совещательной комнате с непосредственным изучением материалов уголовного дела с целью реализации правомочия пересмотра всего уголовного дела в интересах законности, позволит гарантировать принятие Президиумом решений, обладающих признаком окончательных, то есть не подлежащих пересмотру.

Трудно не согласиться с тем, что судебные ошибки должны быть исправлены, но предоставление возможности суду бесконечно пересматривать свои же решения (п. 5 ч. 3 ст. 412.1 УПК РФ) не отвечает требованиям правовой определенности. Вынесенные нижестоящими судебными инстанциями решения должны подвергаться тщательной проверке высшим судом страны в полном объеме в целях обеспечения презумпции истинности вступившего в законную силу судебного акта.

Требуют законодательной корректировки и положения ч. 8 ст. 412.10 УПК РФ относительно того, что судьями (при голосовании в совещательной комнате) в первую очередь ставится на обсуждение решение в пользу осужденного, поскольку уголовно-процессуальный закон допускает обжалование не только обвинительных приговоров, но и иных судебных актов, перечень которых включает в себя и оправдательный приговор, и постановление (определение) о прекращении уголовного дела или о применении принудительных мер медицинского характера, где нет такого субъекта правоотношений, как «осужденный».

Кроме того, возможно обжалование приговора в части разрешения гражданского иска, по которому гражданским ответчиком может быть не только осужденный (ч. 1 ст. 54 УПК РФ). В связи с этим законодательное закрепление порядка обсуждения судом надзорной инстанции решения, касающегося лишь осужденного, является ущербным и не отвечающим всем возможным ситуациям, которые могут иметь место в практической деятельности. При такой законодательной формулировке возникает ряд вопросов: каким образом должно происходить обсуждение решения членами Президиума ВС РФ по уголовным делам, по которым нет осужденного (например, обжалуется оправдательный приговор); могут ли анализируемые положения по аналогии распространяться и на оправданного, а также на гражданского ответчика, не являющегося осужденным, если приговор обжалуется только в части разрешения гражданского иска?

В данной ситуации наиболее правильным представляется использование термина «лицо, подвергающееся уголовному преследованию», поскольку даже при оправдании лица или прекращении в отношении его уголовного дела (уголовного преследования) [8, с. 61], а равно при применении в отношении лица принудительных мер медицинского характера, в случае обжалования соответствующих судебных решений стороной обвинения по мотивам ухудшения положения лица, оно таким образом подвергается уголовному преследованию. В случае, когда судебное решение обжалуется исключительно в части разрешения гражданского иска, положения относительно того, какое решение выносится на обсуждение первым, неприменимы, поскольку, как известно, гражданский иск в уголовном деле рассматривается по правилам гражданского законодательства, а в ч. 10 ст. 391.10 ГПК РФ, в которой предусмотрены правила рассмотрения надзорных жалобы, представления Президиумом ВС РФ по гражданскому иску, подобного положения (об очеред-

ности вынесения вариантов решений на обсуждение судьями) не содержится.

Некорректной видится и формулировка, используемая в ч. 8 ст. 412.10 УПК РФ, а именно «пересмотр дела». С учетом того, что суд надзорной инстанции проверяет лишь правильность применения норм уголовного и уголовно-процессуального законов на предыдущих стадиях судопроизводства, фактические обстоятельства (в отличие от суда апелляционной инстанции) Президиумом не анализируются, говорить о «пересмотре» им уголовного дела нельзя. По результатам рассмотрения надзорных жалобы, представления Президиум ВС РФ может оставить обжалуемые судебные акты без изменения либо отменить или изменить их, но только ввиду неправильного применения норм материального или процессуального права на предыдущих стадиях, что вовсе не означает пересмотр уголовного дела судом надзорной инстанции.

В связи с этим предлагается внести в УПК РФ ряд изменений:

– часть 4 ст. 412.10 УПК РФ требует уточнения и изложения в следующей редакции: «Дело докладывается одним из членов Президиума Верховного Суда Российской Федерации»;

– часть 7 ст. 412.10 УПК РФ необходимо изложить в следующей редакции: «По результатам рассмотрения надзорных жалобы, представления Президиум Верховного Суда Российской Федерации в совещательной комнате принимает постановление»;

– в изменении нуждается и ч. 8 ст. 412.10 УПК РФ: «При рассмотрении надзорных жалобы, представления все вопросы решаются большинством голосов судей после непосредственного изучения материалов уголовного дела. Первым выносится на голосование предложение, наиболее благоприятное для лица, подвергающегося уголовному преследованию. При равном количестве голосов, поданных за изменение или отмену обжалованного судебного решения и против этого, надзорные жалоба, представление считаются отклоненными».

Таким образом, краткое исследование обозначенных проблем, связанных с пределами и формой участия в работе надзорной инстанции судей ВС РФ, позволяет свести в единое целое следующие выводы и предложения.

1. Высказывается позиция, согласно которой судьей-докладчиком в судебном заседании надзорной инстанции должен выступать только член Президиума ВС РФ. Такой подход предпочтительнее, чем если бы названные процессуальные действия осуществлял судья, не входящий в состав суда надзорной инстанции. Названный правовой подход гарантирует вынесение обоснованного решения судом надзорной инстанции, так как предполагает законодательное закрепление обязательного изучения материалов уголовного дела именно членами Президиума ВС РФ, на основе которого у судей формируется собственное мнение по делу.

2. Признается спорным утверждение о том, что в надзорной инстанции доклад судьи оказывает определяющее влияние на принятие Президиумом ВС РФ итогового решения по делу, поскольку оно не находит своего подтверждения ни в действующем законодательстве, ни в практике рассмотрения жалоб и представлений надзорной инстанцией.

3. Обосновывается предложение об использовании в уголовно-процессуальном законодательстве для регламентации процедуры голосования членов Президиума ВС РФ в совещательной комнате при принятии решения по делу термина «лицо, подвергающееся уголовному преследованию». Законодательное закрепление в УПК РФ именно такого участника правоотношений (вместо используемого в настоящее время термина «осужденный») исключит неопределенность в правовом регулировании правовых ситуаций при принятии решений членами Президиума ВС РФ по уголовным делам, по которым нет осужденного.

Список литературы

1. Смирнов В. О судье-докладчике в надзорном производстве по уголовным делам // Уголовный процесс. 2005. N 2. С. 87-88.

2. Дикарев И. Доклад уголовного дела в судах кассационной и надзорной инстанций // Уголовное право. 2013. N 2. С. 93-96.

3. Мерзлякова М.В. Пересмотр вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений в порядке надзора: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.09. Екатеринбург, 2008. 181 с.

4. Ульянов А.В. Деятельность судов надзорных инстанций в Российской Федерации: уголовно-процессуальные аспекты: дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2009. 202 с.

5. Рыжаков А.П. Недопустимость повторного участия лица в качестве судьи в рассмотрении и разрешении уголовного дела. Комментарий к статье 63 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Демидова Е.Т., Перов А.В. Проблемы совершенствования производства в суде надзорной инстанции // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: сб. науч. ст. / под ред. В.А. Лазаревой. Самара, 2005. 256 с.

7. Грун А.Я. Пересмотр приговоров в порядке судебного надзора. М., 1969. 160 с.

8. Сергеев А.Б., Савченко А.Н. О моральной и правовой справедливости при рассмотрении судами вопроса о возможности прекращения уголовного дела в связи с примирением сторон // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2014. N 19 (348). С. 58-64.

References

1. Smirnov V. On the reporting judge in supervisory proceedings in criminal cases. Criminal Procedure, 2005, no. 2, pp. 87-88. (In Russ.).

2. Dikarev I. Report of the criminal case in the courts of cassation and supervisory instances. Criminal law, 2013, no. 2, pp. 93-96. (In Russ.).

3. Merzlyakova M.V. Revision of sentences, determinations and decisions that have entered into legal force in the order of supervision. Cand. Diss. Ekaterinburg, 2008. 181 p. (In Russ.).

4. Ul'yanov A.V. The activity of courts of supervisory instances in the Russian Federation: criminal procedural aspects. Cand. Diss. Vladimir, 2009. 202 p. (In Russ.).

5. Ryzhakov A.P. Inadmissibility of a person's repeated participation as a judge in the consideration and resolution of a criminal case. Commentary on Article 63 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. Access from the reference legal system "ConsultantPlus". (In Russ.).

6. Demidova E.T., Perov A.V. Problems of improving production in the court of supervisory instance. Actual problems of modern criminal procedure in Russia. Samara, 2005. 256 p. (In Russ.).

7. Grun A.Ya. Review of sentences by way of judicial review. Moscow, 1969. 160 p. (In Russ.).

8. Sergeev A.B., Savchenko A.N. On moral and legal justice when the courts are considering the possibility of terminating a criminal case in connection with the reconciliation of the parties. Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: Right, 2014, no. 19 (348), pp. 58-64. (In Russ.).

Раздел 5. Совершенствование правоохранительной практики

ШАТИЛОВИЧ С.Н.,
кандидат юридических наук, доцент,
shatisergei@yandex.ru
Кафедра правовой подготовки
сотрудников органов внутренних дел;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

SHATILOVICH S.N.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
shatisergei@yandex.ru
Chair of legal training of law enforcement
officers;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
Russian Federation

МОРОЗОВ В.И.,
кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный юрист
Российской Федерации,
vik-mor@mail.ru
Кафедра правовой подготовки
сотрудников органов внутренних дел;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

MOROZOV V.I.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
vik-mor@mail.ru
Chair of legal training of law enforcement
officers;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
Russian Federation

ВОПРОСЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРИМЕНЕНИЯ СОТРУДНИКАМИ ОХРАННО-КОНВОЙНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПОЛИЦИИ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ, СПЕЦИАЛЬНЫХ СРЕДСТВ И ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ В СОСТОЯНИИ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ В СЛУЧАЕ ПРИЧИНЕНИЯ НАПАДАВШЕМУ ЛИЦУ ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ЛИБО СМЕРТИ

Аннотация. Авторами статьи проанализированы вопросы соотношения административно-правовых норм, регламентирующих применение сотрудниками охранно-конвойных подразделений полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, и уголовно-правовой нормы о необходимой обороне в случае причинения нападавшему лицу вреда здоровью либо смерти. Резюмируется, что сотрудник охранно-конвойного подразделения полиции, оказавшись в ситуации риска для собственной жизни и здоровья, имеет не только право на необходимую оборону, но и обязанность причинить вынужденный вред посягающему лицу с учетом строгого соблюдения условий правомерности необходимой обороны (бездействие сотрудника полиции, выразившееся в неприменении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, когда их применение было необходимо для выполнения служебного долга, в результате чего наносится ущерб интересам государства, общества или личности гражданина, влечет ответственность в соответствии с действующим законодательством). Обозначены юридические последствия правомерной необходимой обороны и превышения ее пределов в деятельности сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции.

Ключевые слова: охранно-конвойное подразделение полиции; сотрудник полиции; необходимая оборона; административно-правовая норма; уголовно-правовая норма; причинение вреда здоровью; причинение смерти.

Для цитирования: Шатилович С.Н., Морозов В.И. Вопросы правовой регламентации применения сотрудниками охранно-конвойных подразделений полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны в случае причинения нападавшему лицу вреда здоровью либо смерти // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 1 (55). С. 60-70.

ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE USE OF PHYSICAL FORCE, SPECIAL EQUIPMENT AND FIREARMS BY THE OFFICERS OF GUARD AND ESCORT POLICE UNITS IN THE STATE OF NECESSARY DEFENSE IN CASE OF CAUSING HARM TO ATTACKER' HEALTH OR ATTACKER'S DEATH

Annotation. The authors of the article analyze the issues concerning the correlation between the administrative law norms regulating the use of physical force, special equipment and firearms by the officers of guard and escort police units, and the criminal law norm on the necessary defense in case of causing harm to attacker' health or attacker's death. It is summarized that the officer of guard and escort police unit, facing the situation of risk to his own life and health, not only has the right to the necessary defense, but also has the obligation to cause harm to the encroaching person, providing the strict compliance with the conditions of the lawfulness of the necessary defense. The inaction of the police officer, expressed in the non-use of physical force, special equipment or firearms, in case when their use was necessary to perform the official duty, resulting in damage to the interests of the state, society or the individual citizen, provides liability in accordance with the current legislation. The legal consequences of lawful necessary defense and exceeding its limits in the activities of the officers of guard and escort police units are described.

Keywords: guard and escort police unit; police officer; necessary defense; administrative law norm; criminal law norm; causing harm to health; causing death.

For citation: Shatilovich S.N., Morozov V.I. Issues of legal regulation of the use of physical force, special equipment and firearms by the officers of guard and escort police units in the state of necessary defense in case of causing harm to attacker' health or attacker's death // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 1 (55). P. 60-70.

Деятельность органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД) по содержанию, охране и конвоированию подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений занимает особое место среди всех форм государственно-принудительного воздействия, поскольку осуществляется еще до вступления в силу приговора (решения) суда. Следовательно, лицо, в отношении которого осуществляется данная деятельность, должно рассматриваться как невиновное с сохранением большинства прав, которые ему принадлежат вне рамок уголовного или административного преследования. В соответствии с Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» (далее – Федеральный закон «О полиции»)* на ОВД возложены обязанности содержать, охранять, конвоировать задержанных и (или) заключенных под стражу лиц, находящихся в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых, а также лиц, подвергнутых административному наказанию в виде административного ареста (п. 14 ст. 12). От эффективности работы сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции в значительной степени зависят результаты оперативно-служебной деятельности различных подразделений системы МВД России и иных правоохранительных органов (например, Следственного комитета Российской Федерации, ФСБ России, ФСИН России), а также обеспечение функционирования судебной системы Российской Федерации [1, с. 101].

Сотрудники охранно-конвойных подразделений полиции при выполнении служебных обязанностей наделены широкими правами по применению мер административного принуждения. При этом следует согласиться с Е.А. Желонкиной, что специальные меры административного пресечения – установленные нормами административного права способы и средства прямого физического воздействия на людей, животных или предметы, направленные на физическое воспрепятствование совершению лицом противоправного деяния на месте и во время его совершения, преодоление противодействия с его стороны, понуждение его к исполнению юридической обязанности либо устранение угрозы безопасности личности или общественной безопасности [2, с. 51].

* О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ: ред. от 29 дек. 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru

Общая обязанность любого сотрудника полиции пресекать преступления и административные правонарушения вне зависимости от замещаемой должности, места нахождения и времени суток также предполагает возможность причинения данным сотрудником вреда здоровью или смерти посягающему лицу (п. 2 ч. 2 ст. 27 Федерального закона «О полиции»). Соответственно, применять физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие в состоянии необходимой обороны — это обязанность сотрудника полиции. «Неисполнение обязанности по защите законных интересов, — справедливо отмечает В.В. Бабурин, — может влечь за собой негативные последствия для сотрудника, вплоть до привлечения его к уголовной ответственности» [3, с. 43]. Более того, недопустим отказ сотрудника полиции от выполнения возложенных на него соответствующих обязанностей по причине отсутствия при себе необходимых специальных средств или огнестрельного оружия*. Неприменение сотрудником полиции физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия, когда их применение было необходимо для выполнения служебного долга, может квалифицироваться как преступное бездействие, если повлекло причинение ущерба интересам государства, общества или личности гражданина (например, по ст. 125 «Оставление в опасности» или ст. 293 «Халатность» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [4, с. 117].

Показательным примером законодательной позиции в отношении сотрудников полиции, не исполняющих свои должностные обязанности, является обвинительный приговор Красногорского городского суда Московской области, вынесенный в декабре 2019 г. в отношении руководителей роты охраны и конвоирования, а также двух полицейских конвоя, обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 УК РФ, то есть халатности, повлекшей причинение тяжкого вреда здоровью**.

В юридической литературе справедливо указывается на то, что в реальных условиях сотруднику полиции нередко бывает сложно выполнить требование закона о применении физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются данные меры, характера и силы оказываемого ими сопротивления, стремясь к минимизации любого ущерба (ч. 3 ст. 19 Федерального закона «О полиции»), ввиду быстроты развития ситуаций противодействия преступнику, слабой предсказуемости их последствий, а также нежелания сотрудников полиции быть обвиненными в незаконном применении оружия [5, с. 55].

Сотрудники охранно-конвойных подразделений полиции во время исполнения служебных обязанностей, как правило, находятся в условиях ограниченного пространства (изолятор временного содержания подозреваемых и обвиняемых (далее — ИВС), зал суда, иное служебное помещение, спецавтомобиль и т.д.). Это является неблагоприятным фактором, отрицательно влияющим на обстановку защиты от общественно опасного посягательства (его пресечения) [6, с. 34]. В связи с этим, к сожалению, в деятельности охранно-конвойных подразделений полиции имеют место чрезвычайные происшествия: побеги из-под стражи подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений из ИВС, побеги таких лиц при конвоировании, сопряженные с нападением на состав наряда (конвоя), завладением табельным

* В состоянии необходимой обороны сотрудник полиции при отсутствии у него необходимых специальных средств или огнестрельного оружия вправе использовать любые подручные средства, а также по основаниям и в порядке, которые установлены Федеральным законом «О полиции», применять иное не состоящее на вооружении полиции оружие (см. ч. 3 ст. 18 Федерального закона «О полиции»).

** См.: Козлова Н. Завершено следствие по делу о побеге участников банды GTA из Мособлсуда // Рос. газ. 2018. 9 авг. URL: https://rg.ru; Штурма Я. Нарушили правила: за что осудили конвоиров банды ГТА // Газета.ru. URL: https://www.gazeta.ru

оружием наряда (конвоя)*, захватом заложников, в том числе из числа сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции, медперсонала, и др. [1, с. 102].

Перечисленные выше чрезвычайные происшествия обязывают сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции выполнять действия, связанные с применением физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, причиняя данным лицам вынужденный вред здоровью или смерть, одновременно находясь в ситуации риска для собственной жизни и здоровья. Другими словами, сотрудник полиции может оказаться в правовом состоянии необходимой обороны, причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, или крайней необходимости как обстоятельств, исключающих преступность деяния (глава 8 УК РФ). При этом одним из наиболее важных в отечественном уголовном праве и распространенных в судебной практике обстоятельств, исключающих преступность деяния, является необходимая оборона.

Сотрудник полиции имеет право на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия лично или в составе подразделения (группы) в случаях и порядке, предусмотренных федеральными конституционными законами**, Федеральным законом «О полиции», другими федеральными законами*** (ч. 1 ст. 18 ФЗ «О полиции»). В случае применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны сотрудниками охранно-конвойных подразделений полиции соблюдение ими требований указанных нормативных правовых актов исключает как уголовную ответственность, так и иные виды ответственности (дисциплинарную и гражданско-правовую****).

Не преследуя цели проанализировать все правовые основания применения сотрудниками охранно-конвойных подразделений полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны, сконцентрируем внимание только на вопросах соотношения административно-правовых норм, регламентирующих основания и порядок применения сотрудниками полиции данной категории физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, и уголовно-правовой нормы о необходимой обороне (ст. 37 УК РФ).

Глава 5 Федерального закона «О полиции» регламентирует действия сотрудников полиции в ситуациях возможного применения сотрудниками полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия (в ст.ст. 20, 21, 23 предусмотрены основания применения,

* В целях обеспечения собственной безопасности сотрудников полиции и предотвращения попыток незаконного завладения табельным оружием в российском законодательстве конкретизируется момент начала посягательства на таких лиц с детализацией начального момента состояния обороны, а также закреплено право указанных сотрудников обнажать огнестрельное оружие и приводить его в готовность, если они считают, что в создавшейся обстановке могут возникнуть предусмотренные законом основания для его применения. Согласно ч. 2 ст. 24 Федерального закона «О полиции» сотрудник полиции имеет право применить огнестрельное оружие «при попытке лица, задерживаемого сотрудником полиции с обнаженным огнестрельным оружием, приблизиться к сотруднику полиции, сократив при этом указанное им расстояние, или прикоснуться к его огнестрельному оружию».

** О чрезвычайном положении: федер. конституционный закон от 30 мая 2001 г. N 3-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. N 23. Ст. 2277; О военном положении: федер. конституционный закон от 30 янв. 2002 г. N 1-ФКЗ // Там же. 2002 г. N 5. Ст. 375.

*** Уголовный кодекс Российской Федерации; Об оружии: федер. закон от 13 дек. 1996 г. N 150-ФЗ // Там же. 1996. N 51. Ст. 5681; О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: федер. закон от 15 июля 1995 г. N 103-ФЗ // Там же. 1995. N 29. Ст. 2759 и др.

**** См., напр.: Решение Воркутинского городского суда Республики Коми от 10 марта 2015 г. по делу N 2-550/2015 по иску Юнгблудт В.Г. к УВО МВД по Республике Коми о возмещении расходов в связи с повреждением здоровья, компенсации морального вреда // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: http://sudact.ru

а в ст. 19 закреплен порядок применения). Однако проведенный анализ юридической литературы [7, с. 56-57], положений ст. 37 УК РФ и отдельных административно-правовых норм (ст.ст. 19, 22, 23, 27 Федерального закона «О полиции») позволяет сделать вывод о том, что данные правовые нормы не в полной мере согласованы между собой. Это становится очевидным в случае причинения нападавшему лицу вреда здоровью либо смерти. В результате не только снижается эффективность действий сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции в состоянии необходимой обороны, но и создается благоприятная почва для судебно-следственных ошибок при правовой оценке применения ими физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в данном состоянии.

В связи с вышеизложенным требуется проанализировать вопросы соотношения перечисленных административно-правовых норм и уголовно-правовой нормы о необходимой обороне (ст. 37 УК РФ) по следующим основным направлениям:

1) соотношение положений ч. 3 ст. 19 Федерального закона «О полиции» об обязанности сотрудника полиции стремиться к причинению минимального ущерба при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия и уголовно-правовой нормы о необходимой обороне (ст. 37 УК РФ) в случае причинения нападавшему лицу вреда здоровью либо смерти;

2) соотношение положений ст. 22 Федерального закона «О полиции» о запретах и ограничениях на применение сотрудником полиции специальных средств и уголовно-правовой нормы о необходимой обороне (ст. 37 УК РФ) в случае причинения нападавшему лицу вреда здоровью либо смерти;

3) соотношение положений административно-правовых норм, регламентирующих основания применения огнестрельного оружия (ст. 23 Федерального закона «О полиции»), и уголовно-правовой нормы о необходимой обороне (ст. 37 УК РФ) в случае причинения нападавшему лицу вреда здоровью либо смерти.

Рассмотрим перечисленные выше вопросы соотношения более подробно.

Во-первых, в соответствии с ч. 3 ст. 19 Федерального закона «О полиции», применяя физическую силу, специальные средства и огнестрельное оружие, сотрудник полиции обязан действовать с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются данные специальные меры административного пресечения, характера и силы оказываемого ими сопротивления, стремясь к минимизации любого ущерба. Даже при наличии оснований применения огнестрельного оружия, предусмотренных ч. 1 ст. 23 Федерального закона «О полиции», допускающих причинение посягающему любого вреда, вплоть до лишения жизни, у сотрудника полиции сохраняется обязанность «стремиться к минимизации любого ущерба» (то есть по возможности вести огонь по рукам или ногам, а также избегать выстрелов в голову нападавшего). Вместе с тем сотрудник полиции, в том числе сотрудник охранно-конвойного подразделения, пытавшийся, но не сумевший избежать причинения смерти лицу, против которого он применял огнестрельное оружие с соблюдением всех других требований закона, не привлекается за это к ответственности*.

Отсутствие ответственности также гарантируется и статьей 37 УК РФ: не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, так как такая оборона означает правомерную защиту личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства путем причинения вреда посягающему (смерти или вреда здоровью).

---

* Постановление о прекращении уголовного дела N 200922507/74 (уголовное преследование) в отношении подозреваемого М. по признакам составов преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 111, п. «а» ч. 3 ст. 286, ч. 1 ст. 114 УК РФ, по основанию, предусмотренному п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, в связи с отсутствием в его действиях состава преступления // Архив следственного отдела по Центральному административному округу г. Тюмени СУ Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации по Тюменской области за 2010 год.

Теория уголовного права [8, с. 364; 3, с. 44-45] и судебная практика* позволяют выделить ряд условий правомерности необходимой обороны, которые можно разделить на две основные группы: 1) относящиеся к общественно опасному посягательству; 2) относящиеся к защите от посягательства. Также в теории уголовного права и судебной практике к условиям правомерности необходимой обороны первой группы относятся: а) общественная опасность посягательства; б) наличность посягательства; в) действительность посягательства. В свою очередь, к условиям правомерности необходимой обороны второй группы относятся: а) защита только законных интересов; б) защита путем причинения вреда непосредственно посягающему; в) соразмерность защиты характеру и опасности посягательства.

Кроме того, в Обзоре от 22 мая 2019 г. разъясняется следующее:

1) в отдельных случаях суды не принимают во внимание содержащиеся в п. 14 Постановления Пленума ВС РФ от 27 сентября 2012 г. N 19 разъяснения о том, что обороняющееся лицо из-за душевного волнения, вызванного посягательством, не всегда может правильно оценить характер и опасность посягательства и, как следствие, избрать соразмерные способ и средства защиты;

2) действия оборонявшегося лица нельзя рассматривать как совершенные с превышением пределов необходимой обороны, если причиненный вред хотя и оказался больше, чем вред предотвращенный, но при причинении вреда не было допущено явного несоответствия мер защиты характеру и опасности посягательства.

Таким образом, в ст. 37 УК РФ не предусматривается обязанность обороняющегося лица минимизировать причиняемый посягающему лицу вред в состоянии необходимой обороны, однако при причинении вреда такому лицу не должно быть допущено явного несоответствия мер защиты характеру и опасности посягательства. В связи с этим применение сотрудником охранно-конвойного подразделения полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны, повлекшее причинение вреда здоровью нападавшего лица либо его смерть, регламентируется положениями ст. 37 УК РФ. В этом случае соответствующие положения Федерального закона «О полиции» носят самостоятельный характер. Однако если анализируемые действия совершаются сотрудником полиции на основе административно-правовых норм, регламентирующих применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны, и вред здоровью нападавшему лицу не причинен, то и положения ст. 37 УК РФ к данным действиям не применяются.

Во-вторых, Федеральным законом «О полиции» предусмотрены определенные запреты и ограничения на применение сотрудником полиции специальных средств (ст. 22), в том числе по кругу лиц, когда по общему правилу их применять нельзя в отношении женщин с видимыми признаками беременности; лиц с явными признаками инвалидности; малолетних лиц. Явность включает и случаи, когда сотруднику достоверно известно о таких обстоятельствах, но при этом признаки не являются очевидными (например, сотруднику охранно-конвойного подразделения полиции известны возраст и состояние здоровья конвоируемого (охраняемого)**.

* О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сент. 2012 г. N 19 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2012. N 11. С. 2-7; Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: http://www.vsrf.ru (далее — Постановление Пленума ВС РФ от 27 сентября 2012 г. N 19); Обзор практики применения судами положений главы 8 Уголовного кодекса Российской Федерации об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 22 мая 2019 г. // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: http://www.vsrf.ru (далее — Обзор от 22 мая 2019 г.).

** Исключение составляют случаи, когда указанные лица оказывают вооруженное сопротивление, принимают участие в групповом либо ином нападении (в том числе одиночном), угрожающем жизни и здоровью граждан или сотрудника полиции.

Ограничения предусмотрены и по порядку применения специальных средств, а именно: не допускается нанесение человеку ударов палкой специальной по голове, шее, ключичной области, животу, половым органам, в область проекции сердца (ст. 22). При этом допускается отступление от требований чч. 1, 2 ст. 22 Федерального закона «О полиции», если специальные средства применяются в соответствии с предусмотренными ч. 1 ст. 23 основаниями для применения огнестрельного оружия, что обусловлено прежде всего повышенной общественной опасностью совершаемого виновным лицом деяния. Однако недопустимо неправомерное применение физической силы и специальных средств, поскольку в таких случаях сотрудник охранно-конвойного подразделения полиции своими действиями может превысить должностные полномочия.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 16 октября 2009 г. N 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» разъяснил, что превышение должностных полномочий выражается в совершении должностным лицом при исполнении служебных обязанностей действий, которые могут быть совершены только при наличии особых обстоятельств, указанных в законе или подзаконном акте (например, применение оружия в отношении несовершеннолетнего, если его действия не создавали реальной опасности для жизни других лиц), а также действий, которые никто ни при каких обстоятельствах не вправе совершать (п. 19)*.

Провоцирующее поведение конвоируемых (охраняемых), умышленный отказ выполнять законные требования сотрудников охранно-конвойных подразделений полиции также могут послужить причиной ответных противоправных действий конвоя, связанных с необоснованным применением мер принуждения при отсутствии признаков необходимой обороны, и это квалифицируется как превышение должностных полномочий, влекущее привлечение данных сотрудников к уголовной ответственности (ст. 286 УК РФ)**. При этом согласно ч. 8 ст. 18 Федерального закона «О полиции» превышение сотрудником полиции полномочий влечет ответственность, установленную законом.

Применение сотрудником охранно-конвойного подразделения полиции специальных средств в состоянии необходимой обороны, повлекшее причинение вреда здоровью нападавшего лицу либо его смерть, регламентируется положениями ст. 37 УК РФ. Однако если соответствующие действия совершаются сотрудником полиции на основе административно-правовых норм, регламентирующих применение специальных средств в состоянии необходимой обороны, и вред здоровью нападавшего лица не причинен, то и положения ст. 37 УК РФ к данным действиям не применяются.

Часть 5 ст. 23 Федерального закона «О полиции» содержит ограничения по применению огнестрельного оружия по кругу лиц. Указанная административно-правовая норма и уголовно-правовая норма о необходимой обороне (ст. 37 УК РФ) соотносятся следующим образом:

1) в случае применения сотрудником полиции, в том числе сотрудником охранно-конвойного подразделения, огнестрельного оружия с производством

---

* О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16 окт. 2009 г. N 19: ред. от 11 июня 2020 г. // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: http://www.vsrf.ru

** См, напр.: Приговор Коломенского городского суда Московской области от 5 июня 2015 г. N 1-147/2015 по уголовному делу N 1-147/2015 в отношении начальника ИВС З., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ; Приговор Нижнекамского городского суда Республики Татарстан от 18 мая 2015 г. N 1-47/2015 по уголовному делу в отношении начальника ИВС Р., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 286 УК РФ, ч. 3 ст. 290 УК РФ, п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: http://sudact.ru

выстрела на поражение в состоянии необходимой обороны от вооруженного сопротивления указанных лиц, совершения ими вооруженного или группового нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан или самого сотрудника (например, с угрозой совершения террористического акта), и причинения нападавшим лицам вреда здоровью причиненный посягающему (посягающим) вред будет оцениваться по правилам необходимой обороны (ст. 37 УК РФ), а нарушение порядка применения огнестрельного оружия – по правилам крайней необходимости (ст. 39 УК РФ) [9, с. 101-103];

2) в случае применения сотрудником полиции, в том числе сотрудником охранно-конвойного подразделения, огнестрельного оружия с производством выстрела на поражение в состоянии необходимой обороны от вооруженного сопротивления указанных лиц, совершения ими вооруженного или группового нападения, угрожающего жизни и здоровью граждан или самого сотрудника (например, для предотвращения совершения террористического акта), без причинения нападавшим и иным лицам вреда здоровью (например, сотрудником полиции допускается промах) нарушение порядка применения огнестрельного оружия будет оцениваться по правилам крайней необходимости (ст. 39 УК РФ).

При этом надлежит учитывать официальную позицию Пленума Верховного Суда Российской Федерации по рассматриваемому вопросу. Согласно п. 10 Постановления Пленума ВС РФ от 27 сентября 2012 г. N 19 при защите от общественно опасного посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия (ч. 1 ст. 37 УК РФ), а также в случаях, предусмотренных частью 2.1 ст. 37 УК РФ, обороняющееся лицо вправе причинить любой по характеру и объему вред посягающему лицу.

Отметим, что условиями правомерности причинения вреда в состоянии крайней необходимости (помимо наличия грозящей опасности) выступает следующее: 1) причинение вреда является единственной возможностью устранения такой опасности (то есть применение сотрудником охранно-конвойного подразделения полиции огнестрельного оружия является вынужденной мерой, так как иначе устранить опасность невозможно); 2) причиненный вред должен быть меньше вреда предотвращенного [9, с. 101-103].

Согласно ч. 6 ст. 23 Федерального закона «О полиции» сотрудник полиции не имеет права применять огнестрельное оружие при значительном скоплении граждан, если в результате его применения могут пострадать случайные лица. В данном случае ч. 6 ст. 23 Федерального закона «О полиции» и ст. 37 УК РФ соотносятся следующим образом:

1) в случае применения сотрудником полиции, в том числе сотрудником охранно-конвойного подразделения, огнестрельного оружия при значительном скоплении граждан (например, для предотвращения убийства судьи родственником подсудимого в зале судебного заседания), если никто, кроме посягающего, не пострадал, причиненный посягающему вред будет оцениваться по правилам необходимой обороны (ст. 37 УК РФ), а нарушение порядка применения огнестрельного оружия – по правилам крайней необходимости (ст. 39 УК РФ) [9, с. 101-103]. В этом случае применение сотрудником полиции огнестрельного оружия является вынужденной мерой, так как иначе устранить грозящую опасность невозможно;

2) в случае применения сотрудником полиции, в том числе сотрудником охранно-конвойного подразделения, огнестрельного оружия при значительном скоплении граждан (например, для предотвращения убийства судьи в зале судебного заседания) причиненный посягающему вред будет оцениваться по правилам необходимой обороны (ст. 37 УК РФ), нарушение порядка применения огнестрельного оружия – по правилам крайней необходимости (ст. 39 УК РФ). Однако если в указанной выше ситуации «случайным» людям по неосторожности причиняется тяжкий вред здоровью или смерть, то это будет оцениваться как основание для привлечения к уголовной ответственности по ст. 109 УК РФ «Причинение смерти по неосторожности» или ст. 118 УК РФ «При-

чинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности».

Схожей позиции придерживается и Пленум Верховного Суда Российской Федерации. В пункте 27 Постановления Пленума ВС РФ от 27 сентября 2012 г. N 19 подчеркивается следующее: «если в результате превышения пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, указанные лица совершат убийство или умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, то содеянное ими при наличии соответствующих признаков подлежит квалификации по ст. 108 или ст. 114 УК РФ».

В-третьих, к основаниям применения сотрудниками охранно-конвойных подразделений полиции огнестрельного оружия можно отнести различные попытки насильственного освобождения из-под стражи или из-под конвоя спецконтингента*. Например, это может быть: 1) совершение действий, связанных с причинением сотрудникам охранно-конвойных подразделений полиции побоев, вреда здоровью, ограничением свободы, попыткой завладения табельным оружием наряда (конвоя)**, или угрозой совершения схожих преступных действий; 2) совершение действий, связанных с причинением побоев, вреда здоровью, ограничением свободы или угрозой совершения таких действий по отношению к лицам из числа спецконтингента; 3) совершение действий, направленных на повреждение мест содержания спецконтингента [10, с. 67].

Пункт 1 ч. 1 ст. 23 Федерального закона «О полиции» и ст. 37 УК РФ соотносятся следующим образом:

1) в случае применения сотрудником охранно-конвойного подразделения полиции огнестрельного оружия для пресечения попытки насильственного освобождения из-под стражи или из-под конвоя спецконтингента и причинения вреда посягающему данный вред будет оцениваться по правилам необходимой обороны (ст. 37 УК РФ), а порядок применения огнестрельного оружия — по правилам п. 1 ч. 1 ст. 23 Федерального закона «О полиции»;

2) в случае применения сотрудником охранно-конвойного подразделения полиции огнестрельного оружия для пресечения попытки насильственного освобождения из-под стражи или из-под конвоя спецконтингента, если кроме посягающего также пострадали иные лица (по неосторожности причинен тяжкий вред здоровью или смерть), то причиненный посягающему вред будет оцениваться по правилам необходимой обороны (ст. 37 УК РФ), порядок применения огнестрельного оружия — по правилам п. 1 ч. 1 ст. 23 Федерального закона «О полиции», а причиненный иным лицам тяжкий вред здоровью или смерть по неосторожности — как основа-

* Федеральным законом от 15 июля 1995 г. N 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» регламентировались основания применения сотрудником полиции огнестрельного оружия для пресечения попытки насильственного освобождения из-под стражи подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений или из-под конвоя лиц, задержанных по подозрению в совершении преступления, лиц, в отношении которых применена мера пресечения в виде заключения под стражу, лиц, осужденных к лишению свободы (п. 7 ч. 1 ст. 47). Однако Федеральным законом от 28 декабря 2016 г. N 503-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы" и Федеральный закон "О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений"» статьи 44-47 Федерального закона от 15 июля 1995 г. N 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» признаны утратившими силу.

** В целях обеспечения личной безопасности сотрудника полиции в ч. 2 ст. 24 Федерального закона «О полиции» установлено, что «при попытке лица, задерживаемого сотрудником полиции с обнаженным огнестрельным оружием, приблизиться к сотруднику полиции, сократив при этом указанное им расстояние, или прикоснуться к его огнестрельному оружию сотрудник полиции имеет право применить огнестрельное оружие в соответствии с пунктами 1 и 2 части 1 статьи 23 настоящего Федерального закона». Данная норма дает возможность предотвратить завладение вверенным сотруднику полиции табельным оружием со стороны нападающего или задерживаемого лица.

ние для привлечения сотрудника полиции к уголовной ответственности (ст.ст. 109, 118 УК РФ);

3) в случае применения сотрудником охранно-конвойного подразделения полиции огнестрельного оружия для пресечения попытки насильственного освобождения из-под стражи или из-под конвоя спецконтингента без причинения вреда посягающему или иным лицам порядок применения огнестрельного оружия будет оцениваться только по правилам п. 1 ч. 1 ст. 23 Федерального закона «О полиции».

Сотруднику охранно-конвойного подразделения полиции рекомендуется воздержаться от написания рапорта по факту применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны сразу после случившегося, так как ст. 19 Федерального закона «О полиции» обязывает сотрудника полиции написать данный рапорт в течение 24 часов. Рапорт о факте применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия должен быть написан (составлен) в спокойном состоянии с использованием Федерального закона «О полиции», Федерального закона от 15 июля 1995 г. N 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», УК РФ и других нормативных правовых актов, а также примерного плана составления (написания) рапорта о применении указанных специальных мер административно-правового пресечения в состоянии необходимой обороны. Это позволит избежать случаев самооговора, отсутствия в рапорте важных деталей происшедшего, затрудняющих оценку правомерности действий сотрудника.

Подводя итог изложенному выше, подчеркнем следующее:

1. Применение сотрудником охранно-конвойного подразделения полиции физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в состоянии необходимой обороны, повлекшее причинение вреда здоровью нападавшего лица либо его смерть, регламентируется положениями ст. 37 УК РФ. Однако если указанные последствия не наступили, то в судебной практике правомерность действий такого сотрудника оценивается на основе административно-правовых норм, регламентирующих применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

2. При применении физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия сотрудник охранно-конвойного подразделения полиции может быть привлечен к уголовной ответственности в двух основных случаях: 1) при превышении им должностных полномочий при отсутствии признаков необходимой обороны (ст. 286 УК РФ) или 2) при превышении им пределов необходимой обороны (ч. 1 ст. 108 УК РФ и ч. 1 ст. 114 УК РФ).

3. Неприменение сотрудником охранно-конвойного подразделения полиции физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия в случае, когда их применение было необходимо для выполнения служебного долга, может квалифицироваться как преступное бездействие, если это повлекло причинение ущерба интересам государства, общества или личности гражданина (ст. 125 или ст. 293 УК РФ).

4. Если в результате превышения пределов необходимой обороны сотрудник охранно-конвойного подразделения полиции совершит убийство или умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, то содеянное им при наличии соответствующих признаков подлежит квалификации по ч. 1 ст. 108 или по ч. 1 ст. 114 УК РФ.

5. В соответствии с ч. 1 ст. 108 и ч. 1 ст. 114 УК РФ причинение любого вреда по неосторожности, имущественного ущерба, иного вреда, за исключением умышленного причинения смерти и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, при отражении общественно опасного посягательства (защиты от него) и соблюдении всех остальных условий правомерности необходимой обороны следует признавать правомерным.

6. Оценивая правомерность причинения вреда сотрудником охранно-конвойного подразделения полиции (как и любым сотрудником ОВД) в состоянии необходимой обороны, необходимо иметь в виду, что на него в полной мере распространяются положения о необходимой обороне, и требования нормативных правовых актов, регламентирующих служебную деятельность данных лиц, должны учитываться только в части, расширяющей их полномочия при пресечении общественно опасного посягательства, защите от него.

Список литературы

1. Шатилович С.Н. Уголовная ответственность за халатность сотрудников органов внутренних дел, выполняющих обязанности по содержанию, охране и конвоированию подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений // Алтайский юридический вестник. 2020. N 3 (31). С. 101-109.

2. Применение сотрудниками полиции административного принуждения: учеб. пособие / В.И. Майоров [и др.]. Екатеринбург: Уральский юрид. ин-т МВД России, 2016. 252 с.

3. Бабурин В.В., Черемнова Н.А. Значение положений постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 года N 19 для действий сотрудников органов внутренних дел в состоянии необходимой обороны // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2014. N 2 (28). С. 42-51.

4. Шатилович С.Н. Понятие, виды и социальные последствия должностных преступлений, совершаемых сотрудниками охранно-конвойных подразделений полиции // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2019. N 2 (13). С. 115-122.

5. Кириченко Ю.Н., Медведев А.В., Баринов А.С. О некоторых проблемах организационно-правовой специфики применения оружия сотрудниками полиции УМВД России по Белгородской области // Российский следователь. 2019. N 10. С. 54-58.

6. Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: учебник / С.В. Байгажаков [и др.]: в 2 ч. Ч. 2. М.: Акад. управления МВД России, 2017. 228 с.

7. Никуленко А.В. Соотношение отдельных положений Федерального закона «О полиции» и норм главы VIII Уголовного кодекса РФ // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. N 3 (59). С. 56-60.

8. Уголовное право России. Общая часть: учебник / В.В. Бабурин [и др.]; под ред. Р.Д. Шарапова. Тюмень: Тюменский ин-т повышения квалификации сотрудников МВД России, 2013. 583 с.

9. Морозов В.И. Особенности уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий сотрудниками охранно-конвойных подразделений полиции // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2019. N 2 (13). С. 96-104.

10. Соловей Ю.П., Каплунов А.И. Теория и практика применения сотрудниками милиции огнестрельного оружия: учеб.-практ. пособие. Омск: Омская акад. МВД России, 1995. 146 с.

References

1. Shatilovich S.N. Criminal liability for the negligence of employees of the internal affairs bodies performing the duties of keeping, protecting and escorting suspects (accused) of committing crimes. Altai legal bulletin, 2020, no. 3 (31), pp. 101-109. (In Russ.).

2. Mayorov V.I. [i dr.]. Use of administrative coercion by police officers. Yekaterinburg, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. 252 p. (In Russ.).

3. Baburin V.V., Cheremnova N.A. The effect of provisions of the Russian Federation Supreme Court's plenary session resolution of september, 27, 2012 N19 for law enforcement officers' actions in self-defense. Legal Science and Law Enforcement Practice, 2014, no. 2 (28), pp. 42-51. (In Russ). (In Russ.).

4. Shatilovich S.N. The concept, types and social consequences of malfeasance committed by officers of security and escort police units. Bulletin of the Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2019, no. 2 (13), pp. 115-122. (In Russ.).

5. Kirichenko Yu.N., Medvedev A.V., Barinov A.S. On some problems of the organizational and legal specifics of the use of weapons by police officers of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Belgorod Region. Russian Investigator, 2019, no. 10, pp. 54-58. (In Russ.).

6. Baygazhakov S.V. [i dr.]. Organization of public order protection and public safety. In 2 parts. Part 2. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. 228 p. (In Russ.).

7. Nikulenko A.V. Correlation of individual provisions of the Federal Law "On Police" and the norms of Chapter VIII of the Criminal Code of the Russian Federation. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2013, no. 3 (59), pp. 56-60. (In Russ.).

8. Baburin V.V. [i dr.]. Criminal law of Russia. A common part. Tyumen, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2013. 583 p. (In Russ.).

9. Morozov V.I. Features of criminal liability for abuse of office and abuse of office by employees of security and escort units of the police. Bulletin of the Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 2019, no. 2 (13), pp. 96-104. (In Russ.).

10. Solovey Yu.P., Kaplunov A.I. The theory and practice of the use of firearms by police officers. Omsk, Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1995. 146 p. (In Russ.).

Раздел 6. Экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности

ВЕРХОТУРОВА С.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
verxoturova00@mail.ru
Кафедра уголовного права и процесса;
Тюменский государственный университет,
625000, г. Тюмень, ул. Ленина, 38

VERKHOTUROVA S.V.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
verxoturova00@mail.ru
Chair of criminal law and procedure;
Tyumen State University,
Lenina St. 38, Tyumen, 625000,
Russian Federation

СОБОЛЕВСКАЯ С.И.,
кандидат юридических наук, доцент,
svetik2000@pisem.net
Кафедра организации
расследования преступлений
и судебных экспертиз;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

SOBOLEVSKAYA S.I.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
svetik2000@pisem.net
Chair of crime detection and forensics;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen, 625049,
Russian Federation

О РОЛИ СПЕЦИАЛИСТА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. Авторами статьи исследуется проблема участия специалиста в производстве по уголовному делу. Обосновывается необходимость тщательной проверки его компетентности, обеспечивающей в дальнейшем возможность использования результатов привлечения специалиста к участию в процессуальных действиях в качестве доказательств по делу. В связи с актуальностью вопроса о доказательственном значении заключения специалиста проанализированы проблемные моменты получения и использования данного вида доказательств. На основе сравнительного анализа заключения эксперта и заключения специалиста показана возможность, а в ряде случаев необходимость отнесения заключения специалиста к самостоятельному виду доказательств. Особое внимание уделено возможности проведения исследований специалистами. Рассмотрена специфика получения показаний специалиста, продемонстрирована ошибочность существующей практики получения показаний специалиста по правилам допроса свидетеля. В качестве результатов проведенного исследования сформулированы рекомендации по решению выявленных проблем.

Ключевые слова: специалист; эксперт; заключение специалиста; заключение эксперта; судебная экспертиза; преступление; расследование преступлений; доказательство.

Для цитирования: Верхотурова С.В., Соболевская С.И. О роли специалиста в уголовном процессе // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 1 (55). С. 71-81.

ON THE ROLE OF THE SPECIALIST IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Annotation. The authors of the article investigate the problem of the participation of a specialist in criminal proceedings. The need for a thorough check of his competence is substantiated, which provides further possibility to use the results of involving the specialist to participate in procedural actions as evidence in the case. Due to the relevance of the issue concerning the evidentiary value of the specialist conclusion, the problematic aspects of obtaining and using this type of evidence are analyzed. Basing on the comparative analysis of the specialist conclusion and the expert opinion, it is shown that it is possible, and in some cases even necessary, to classify the specialist conclusion as an independent type of evidence. Special attention is paid to the possibility of conducting examinations

by specialists. The pecifics of obtaining the testimony of a specialist is considered, the fallacy of the existing practice of obtaining the testimony of a specialist according to the rules of interrogating a witness is demonstrated. As the result of the conducted study, the recommendations for solving the identified problems are formulated.

Keywords: specialist; expert; conclusion of specialist; expert opinion; forensic examination; crime; investigation of crimes; evidence.

For citation: Verkhoturova S.V., Sobolevskaya S.I. On the role of the specialist in criminal proceedings // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 1 (55). P. 71-81.

Совершенствование института специальных знаний в уголовном судопроизводстве становится объективной необходимостью в связи с интенсивным развитием новых технологий и достижениями научно-технического прогресса, а также повышением общественной опасности отдельных видов преступлений. Например, в 2020 году наблюдался активный рост зарегистрированных преступлений в сфере компьютерных технологий, количество которых возросло на 76,7 %, в том числе с использованием сети Интернет – на 90,2 %, с использованием средств мобильной связи – на 100,5 %. Для расследования данных преступлений необходимы специальные знания*. Не расследуются без участия специалиста преступления против личности, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, разбои, грабежи, кражи и другие преступные деяния, если требуется использование специальных знаний и умений теоретического и прикладного характера.

Институт специальных знаний в своем развитии прошел долгий путь. Он был известен еще в Древней Греции, Риме, Индии, Китае, где применялись антропологические и медицинские познания по вопросам уголовного права в случае причинения вреда здоровью или в связи со смертью лица [1, с. 87].

В России основы использования специальных познаний были заложены в XVI-XVII вв., когда для осмотра документов и исследования почерков по гражданским делам привлекались дьяки, а к проведению освидетельствования и наружного осмотра трупов для установления причин смерти привлекались врачи. В указанный период участие сведущих людей в следственных осмотрах, проводимых органами следствия и судом, стало начальной формой использования специальных познаний в уголовном процессе [2, с. 16].

Нормативное закрепление понятие «сведущие люди» получило в Своде законов Российской империи 1832 года (ст.ст. 1068, 943)**. В Уставе уголовного судопроизводства 1864 года был предусмотрен процессуальный порядок участия сведущих людей при производстве предварительного следствия (ст.ст. 315, 325)***.

В первых уголовно-процессуальных законах РСФСР 1922 года и 1923 года****, а в последующем и в УПК РСФСР 1960 года***** упоминалось только о праве следователя приглашать эксперта для осмотра трупа и освидетельствования. При этом не предусматривалось наличие такого самостоятельного участника уголовного процесса, как специалист. Иными словами, четкое законодательное разграничение понятий «специалист» и «эксперт» отсутствовало. Лишь в УПК РФ, принятый в 2001 году, было включено определение понятия и закреплен процессуальный статус специалиста (права, обязанности, ответственность). Кроме того, заключение и показания специалиста стали рассма-

* Состояние преступности в России за 8 месяцев 2020 г. // Министерство внутренних дел Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://мвд.рф

** См.: Памятники русского права. М., 1961. Вып. 8. С. 635.

*** Устав уголовного судопроизводства 1864 года // Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. Т. 8 / отв. ред. Б.В. Виленский; под общ. ред. О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1991. С. 118.

**** Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР // Собр. узаконений РСФСР. 1922. N 20-21. Ст. 230; Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР // Там же. 1923. N 7. Ст. 106.

***** Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. N 40. Ст. 592.

триваться как самостоятельный источник доказательств (п. 3 ч. 1 ст. 53, ст. 58, ч. 2 ст. 74, ч. 3 ст. 80, ч. 5 ст. 164, ст.ст. 168, 270 УПК РФ).

В настоящее время участие специалиста в уголовном процессе имеет важное значение и способствует качественному расследованию уголовных дел и постановлению правосудного приговора, в частности при обнаружении, закреплении следов преступления, установлении лица, совершившего преступление, выдвижении следственных версий, обеспечении состязательности сторон и всестороннего, полного, объективного исследования фактических обстоятельств, представленных стороной обвинения и стороной защиты*.

Несмотря на неоднократные попытки законодательно урегулировать проблемы, связанные с участием специалиста в уголовном процессе, многие вопросы все еще обсуждаются с точки зрения науки и практики, так как вызывают сложности в деятельности не только суда, следователя, дознавателя, но и защитника (адвоката), который призван осуществлять функцию защиты на всех стадиях уголовного процесса.

В отличие от эксперта, назначаемого для производства экспертизы (ч. 1 ст. 57 УПК РФ), специалист как самостоятельный участник уголовного судопроизводства — это лицо, обладающее специальными знаниями, которое привлекается к участию в процессуальных действиях с целью: 1) содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, 2) применения технических средств в исследовании материалов уголовного дела, 3) постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ч. 1 ст. 58 УПК РФ).

Перед началом производства любого следственного действия, в котором принимает участие специалист, следователь (дознаватель) удостоверяется в его компетентности, выясняет его отношение к подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему и разъясняет ему права и ответственность (ч. 2 ст. 168 УПК РФ). Как и эксперт, специалист должен быть объективен и не может принимать участие в производстве по уголовному делу при наличии оснований для его отвода (ст.ст. 70, 71 УПК РФ).

Изучение судебной практики по уголовным делам показало, что неподтверждение следователем (дознавателем) компетентности специалиста соответствующими документами при производстве расследования является распространенным типичным нарушением и наряду с другими существенными нарушениями уголовно-процессуального закона влечет признание заключения и показаний специалиста недопустимым доказательством по уголовному делу, а также отмену (изменение) судебных решений судов первой инстанции.

Например, Верховный Суд Удмуртской Республики при отмене приговора суда первой инстанции (ч. 1 ст. 119, ч. 2 ст. 330 УК РФ) и направлении дела на новое рассмотрение указал, что следователь, привлекая к участию в деле специалиста, не удостоверился в его компетентности, не выяснил его отношение к подозреваемому, обвиняемому и потерпевшему, не разъяснил специалисту его права и ответственность (ст. 58 УПК РФ). В другом случае следователь подтвердил компетентность специалиста необходимыми документами, но они не соответствовали предъявляемым требованиям**.

В частях 1 и 2.1 ст. 58, ч. 2 ст. 168 УПК РФ содержится понятие профессио-

---

* В ходе опроса следователи и дознаватели УМВД России по г. Тюмени и УМВД России по Тюменской области отметили первостепенное значение участия специалиста при проведении расследования, особенно на первоначальном этапе производства по делу, и высказали мнение о том, что в современных условиях совершенствование института специальных знаний является необходимым (в опросе, проводившемся с октября по ноябрь 2020 г., приняли участие 30 следователей и 30 дознавателей).

** Отсутствие в материалах дела соответствующих документов, подтверждающих компетентность специалиста, выявлено по каждому третьему делу, в котором специалист принимал участие (изучено более 50 апелляционных постановлений и определений). См., например: Апелляционное постановление от 17 марта 2020 г. N 22-447/2020; Апелляционное определение от 26 февр. 2020 г. N 22-1214/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: http://sudact.ru

нальной компетенции специалиста, однако отсутствует его разъяснение, а равно перечень документов, которыми данная компетенция должна быть удостоверена. В результате отсутствия законодательной регламентации данного вопроса следователь либо вообще не подтверждает компетенцию специалиста, либо подтверждает, но представленные документы в материалах уголовного дела, как отмечено выше, не отвечают предъявляемым требованиям (нет печатей, штампов и др.).

Согласно законодательству специалисты, в отличие от экспертов, не подразделяются на государственных и иных. Следователь (дознаватель) может приглашать в качестве специалистов лиц, работающих не только в экспертных, но и в иных учреждениях. Если специалистом в производстве следственных действий выступает сотрудник государственного экспертного учреждения (например, эксперт экспертно-криминалистического центра МВД России или бюро судебно-медицинской экспертизы), то следователь предполагает наличие этой компетенции у специалиста в силу своего должностного положения. Однако только в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел экспертами, имеющими разные специализации, проводится около 30 различных видов экспертиз*. В связи с этим полагаем, что вопрос о том, какой именно специалист примет участие, например, в таком неотложном следственном действии, как осмотр места происшествия, должен интересовать следователя еще до его производства.

На практике в некоторых случаях с точки зрения компетенции именно заключение специалиста было более весомым, чем заключение эксперта. Однако суд принимал во внимание лишь заключение эксперта. Например, по делу о пожаре и, как следствие, об уничтожении чужого имущества суд отказал стороне защиты в удовлетворении ходатайства о проведении повторной пожарно-технической экспертизы с привлечением специалистов другого района. После этого стороной защиты было представлено заключение специалиста. Однако суд не принял данное заключение в качестве достоверного доказательства, оценив его как выбранную форму защиты подсудимого.

Не было учтено, что специалист, который подготовил заключение, является кандидатом химических наук, доцентом, имеет специальную подготовку в области проведения пожарно-технических экспертиз и уже долгое время работает на кафедре пожарно-технической экспертизы образовательной организации. Не был принят во внимание тот факт, что исследования вещественных доказательств проводились с привлечением специалистов химико-аналитического центра Института географии СО РАН. Кроме того, заключение специалиста было наглядно оформлено в виде фототаблицы, а категоричный вывод специалиста подтверждался расчетами и ссылками на научную и специальную литературу.

В заключении же эксперта, назначенного лицом, проводившим расследование по делу, не было расчетов и сведений о проведенных инструментальных исследованиях, использовалась только типовая экспертная методика исследования вещественных доказательств. Вывод о причине пожара был сделан в вероятностной форме**.

В силу того, что в уголовно-процессуальном законе перечень документов, подтверждающих компетенцию специалиста, не приводится, он выработан практикой. При этом не все следователи (дознаватели) грамотно и ответственно подходят к собиранию подобного рода документов. Как правило, компетенция специалиста в материалах уголовного дела подтверждается следующими документами (копии документов должны быть заверены): паспортом; дипломом об окончании образовательной организации; трудовой книжкой; сертификатом по специальности; свидетельством о последнем повышении квалификации; дипломом о присуждении ученой степени; аттестатом о присво-

* См.: Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 29 июня 2005 г. N 511 // Рос. газ. 2005. 30 авг.

** Постановление Куйбышевского районного суда г. Иркутска от 28 февр. 2017 г. N 10-2/2017 по делу N 10-2/2017 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: https://sudact.ru

ении звания; лицензией и др. При этом следователи и дознаватели в своей деятельности руководствуются пунктом 3 постановления Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. N 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», в соответствии с которым при поручении производства экспертизы лицу, не являющемуся государственным судебным экспертом, следует «...предварительно запросить сведения, касающиеся возможности производства данной экспертизы, а также сведения об эксперте, в том числе его фамилию, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы в качестве судебного эксперта и иные данные, свидетельствующие о его компетентности и надлежащей квалификации, о чем указать в определении (постановлении) о назначении экспертизы, и при необходимости приобщить к материалам уголовного дела заверенные копии документов, подтверждающих указанные сведения»*. Иными словами, действует принцип применения закона по аналогии.

Актуальным остается вопрос о доказательственном значении заключения специалиста. В 2003 году в УПК РФ были включены положения, дополнившие перечень доказательств заключением и показаниями специалиста (п. 3.1 ч. 2 ст. 74, чч. 3 и 4 ст. 80 УПК РФ)**. Указанная новелла позволила расширить возможности следователя, дознавателя по собиранию доказательств в процессе расследования преступлений. Данное положение закона сразу же подверглось критике со стороны известных ученых, которые пришли к выводу, что заключение эксперта и его показания нельзя относить к самостоятельному виду доказательств. Например, В.П. Божьев пишет, что «положения УПК РФ, закрепляющие за заключением и показаниями специалиста статус доказательств, входят в противовес с требованиями относимости и допустимости» [3, с. 4]. По мнению Е.Р. Россинской, «заключение специалиста представляет собой консультацию по вопросам, входящим в его компетенцию, представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами» [4, с. 14-15].

Критика со стороны ученых была вызвана содержанием ст. 80 УПК РФ, в которой приводятся общие понятия заключения и показания эксперта и специалиста, но не дается их разъяснение. Например, в части первой данной статьи заключение эксперта рассматривается как представленное в письменном виде содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами. В части четвертой ст. 80 УПК РФ заключение специалиста рассматривается как представленное в письменном виде суждение по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами.

Очевидно, что в определении понятия «заключение специалиста» отсутствует указание на проведение исследования и не предусмотрена уголовная ответственность за дачу заведомо ложного заключения (ст. 307 УК РФ). Несмотря на то, что ч. 4 ст. 80 УПК РФ не содержит положение о возможности проведения исследования специалистом, ст. 144 УПК РФ прямо предписывает: «...при проверке сообщения о преступлении дознаватель, орган дознания, следователь, руководитель следственного органа вправе... требовать производства... исследований (подчеркнуто нами. — *С. С.*) документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов...».

Возможность исследования также предполагается, исходя из логики формулировки суждения для выражения мнения по поставленным вопросам. Например, для ответа на поставленный перед специалистом вопрос «Какие виды подделок документов существуют и каковы их признаки?» не требуется проведение исследований. Однако в случае иной, более конкретной формулировки вопроса «Имеются ли в представленном документе признаки подделки и если да, то какой именно?», несомненно, требуется проведение исследований различными методами. Ни один специалист в области пожаротехники или автотехники не ответит категорично

---

* Рос. газ. 2010. 30 дек.

** О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 4 июля 2003 г. N 92-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. N 27 (ч. I). Ст. 2706.

без проведения исследований на вопросы: «Возможно ли возгорание при конкретных (заданных) условиях?» или «Существовала ли техническая возможность предотвратить ДТП при указанных обстоятельствах?». Суть заключения специалиста состоит в получении суждения по вопросам, поставленным перед ним сторонами. И эти вопросы должны иметь прямое отношение к расследуемому событию. Это не указано в ст. 80 УПК РФ, но следует из логики расследования в целом. Думается, что единственным условием в случае проведения исследований специалистом при отсутствии разрешения лица, ведущего расследование по делу (например, дача заключения специалистом по адвокатскому запросу), может быть применение им неразрушающих методов.

Также вызывает интерес сравнение заключения эксперта и заключения специалиста. Так, право поставить вопросы перед экспертом предоставлено лицу, ведущему производство по уголовному делу, и обеим сторонам. На практике это сводится к тому, что подозреваемого (обвиняемого) и его защитника лишь знакомят с постановлением о назначении экспертизы. При этом согласно ст. 198 УПК РФ стороны наделены правом «ходатайствовать о привлечении в качестве экспертов указанных ими лиц либо о производстве судебной экспертизы в конкретном экспертном учреждении; а также ходатайствовать о внесении в постановление о назначении судебной экспертизы дополнительных вопросов эксперту», но нигде не закреплена обязанность лица, ведущего расследование, удовлетворить это ходатайство.

В соответствии с ч. 3 ст. 80 УПК РФ вопросы специалисту могут ставить только стороны. Таким образом, законодательством исключается возможность постановки вопросов лицом, ведущим расследование. Соответственно, в заключении специалиста могут быть заинтересованы только стороны по делу.

Кроме того, заключение специалиста характеризуется следующим: 1) оно представляет собой лишь суждение (мнение) по определенным вопросам сторон (обвинения и защиты) и оформляется письменно; 2) форма заключения (в отличие от заключения эксперта) законом не предусмотрена; 3) не регламентирован процессуальный порядок приглашения сторонами специалиста и порядок получения заключения специалиста сторонами в порядке ст.ст. 74, 80 УПК РФ (особенно стороной защиты, что приводит к ограничению прав защитника и обвиняемого); 4) за разъяснением вопросов к специалисту могут обратиться как сторона защиты, так и сторона обвинения.

На сегодняшний день по-прежнему нет единой судебной практики по вопросу признания заключения специалиста в качестве самостоятельного вида доказательств по уголовному делу, а процессуальный порядок получения стороной защиты заключения специалиста и предоставления его следователю (дознавателю), в суд не регламентирован УПК РФ, поскольку в ст.ст. 168 и 270 УПК РФ, определяющих порядок вызова и участия специалиста в процессе, не упоминается защитник (лишь следователь и суд).

Суды продолжают «с недоверием» относиться к такому виду доказательств и отмечают, что хотя заключение специалиста и содержит суждение по вопросам, имеющим значение для уголовного дела, но доказательственной силы, присущей заключению эксперта, оно не имеет. Думается, что данная позиция судов нарушает принципы уголовного судопроизводства, поскольку, по сути, и эксперт и специалист обладают определенным объемом специальных знаний и лишь ограничены в своих возможностях* действующим законодательством.

При этом имеет значение то, по чьей инициативе приглашается специалист для участия в уголовном деле. Если специалист приглашен стороной обвинения (в лице следователя, дознавателя), то в большинстве случаев суд признает заключение специалиста доказательством по делу и ссылается на него в своих решениях (постановлениях, определениях, приговорах). Главным условием признания заключения специалиста доказательством является выполнение требований ст.ст. 58 и 168 УПК РФ, а именно: компетенция специалиста подтверждена соответствующими документами, ему разъяснены права и от-

* Имеется в виду перечень прав и обязанностей специалиста и эксперта.

ветственность, а его показания имеют отношение к материалам уголовного дела*. В противном случае суд в судебном разбирательстве исключает заключение специалиста и его показания из числа допустимых доказательств.

Иная ситуация складывается с заключением специалиста, представленным стороной защиты (адвокатом, подсудимым). Как правило, суды не признают заключение специалиста доказательством по делу, ссылаясь на то, что оно получено непроцессуальным путем (то есть без соблюдения требований ст.ст. 58, 168, 270 УПК РФ). В соответствии с позицией судей, несмотря на то, что УПК РФ устанавливает возможность привлечения специалиста к участию в производстве по уголовному делу, в том числе и защитником, право проводить следственные и процессуальные действия предоставлено только следователю и суду, поэтому мнение стороны защиты о возможности получения заключения специалиста вне рамок предварительного расследования и судебного разбирательства основано на неправильном толковании своих полномочий (п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ)**. Кроме того, в некоторых случаях суд при рассмотрении уголовного дела отказывает защите в вызове и допросе специалистов для получения разъяснений в порядке ч. 4 ст. 80 УПК РФ.

Вышеизложенное позволяет говорить о явном ограничении процессуальной возможности стороны защиты по собиранию доказательственной информации в уголовном состязательном процессе и необходимости правовой регламентации порядка предоставления заключения специалиста стороной защиты.

В судебной практике имеют место случаи, когда адвокаты, активно защищая своего подсудимого, привлекают специалиста (п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), и «судьба» уголовного дела меняется кардинально в пользу стороны защиты. Например, Верховный Суд Республики Башкортостан отменил обвинительный приговор суда первой инстанции и передал дело на новое рассмотрение, так как суд первой инстанции вопреки требованиям закона (ст.ст. 15, 16, 47, 74, 75, 86, 87, 88 УПК РФ) не проверил и не оценил существо представленного стороной защиты доказательства — заключения специалиста, нарушив тем самым принцип состязательности и равноправия сторон в процессе. В то же время заключение специалиста противоречило доказательствам, представленным стороной обвинения, и не было подвергнуто всесторонней оценке в соответствии с правилами ст. 88 УПК РФ.

Как отметил вышестоящий суд, в обоснование виновности подсудимого в совершении дорожно-транспортного происшествия судом первой инстанции были положены лишь показания участников, очевидцев происшествия и косвенных свидетелей, заключения медицинских экспертов, достаточность которых для постановления приговора вызывала сомнение. При этом Верховный Суд Республики Башкортостан руководствовался позицией Верховного Суда Российской Федерации и Конституционного Суда Российской Федерации, в решениях которых разъяснено, что отказ суда в надлежащей оценке заключений и показаний специалистов, имеющих значение для дела, и их использовании в уголовном судопроизводстве является существенным нарушением уголовно-процессуального законодательства***.

---

* Апелляционное постановление от 26 февр. 2020 г. N 22-1214/2020 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: http://sudact.ru

** Апелляционное постановление от 26 мая 2020 г. N 22-400/2020 // Там же.

*** Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Республики Башкортостан от 6 июня 2013 г. N 22-6053/2013 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: http://sudact.ru. См. также: Обзор надзорной практики судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2007 год // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. N 10; Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29 авг. 2007 г. по делу N 5-Д07-1054; Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 окт. 2011 г. N 1453-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корчагина Д.А. на нарушение его конституционных прав статьей 58, частью четвертой статьи 80 и частью первой статьи 282 УПК РФ». Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».

Представляется, что, исходя из назначения уголовного процесса (ст. 6 УПК РФ), не следует отвергать заключение специалиста как самостоятельное доказательство по уголовному делу, которое может способствовать всестороннему расследованию и рассмотрению дела в суде, так как в некоторых случаях ошибки экспертов не исключены, а их заключения могут носить противоречивый и сомнительный характер. Примером может служить постановление суда кассационной инстанции — Президиума Ставропольского краевого суда*.

В данном случае суд первой инстанции отказал в проведении дополнительной автотехнической экспертизы для установления скорости автомобиля, управляемого вторым участником ДТП, о которой ходатайствовала сторона защиты. По мнению стороны защиты, в основу первичной экспертизы были положены неправильные исходные данные о скорости движения автомобиля второго участника ДТП и оставлено без внимания несоблюдение безопасной дистанции между автомашинами. Кроме того, не были приняты во внимание показания свидетеля ДТП о значительном превышении скорости вторым участником ДТП.

Учитывая позицию Европейского Суда по правам человека, высказанную в его решении от 27 марта 2014 г. по делу Матыциной против Российской Федерации, сторона защиты должна иметь возможность представления собственных «экспертных доказательств»**.

Как отмечено выше, в действующем УПК РФ не предусмотрена форма заключения специалиста, в котором он отвечает на поставленные перед ним вопросы относительно ранее выполненных им действий в процессе обнаружения, закрепления и изъятия предметов, документов; вопросов, которые необходимо поставить перед экспертом; иных вопросов, разъяснения которых требует сторона обвинения или защиты***. Данный пробел в законодательстве требует нормативного восполнения. Считаем, что процессуальную форму заключения специалиста целесообразно предусмотреть в ч. 3.1 ст. 80 УПК РФ, в которой, по нашему мнению, должны быть указаны: дата и место составления заключения; сведения о специалисте (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы по специальности, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность); подписка специалиста о том, что он предупрежден об уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ; вопросы, поставленные перед специалистом; представленные для исследования объекты, их упаковка, содержание и результаты исследований с перечислением примененных методов; обоснование и формулировка выводов по поставленным перед специалистом вопросам. Результаты исследований и формулировка выводов должны быть представлены наглядно и оформляться как приложение к заключению специалиста либо содержаться в тексте заключения в виде фотоизображений, схем, таблиц, графиков и т.п. Расходование представленных объектов или изменение их агрегатного состояния недопустимо без разрешения должностного лица, ведущего расследование. Заключение удостоверяется подписью специалиста.

В силу ч. 4 ст. 80 УПК РФ показания специалиста в рамках его суждения так-

* Постановление Президиума Ставропольского краевого суда от 19 июня 2017 г. N 44У-149/2017 4У-349/2017 по делу N 1-19/2016 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: http://sudact.ru

** См.: Дело «Матыцина (Matytsina) против Российской Федерации» (жалоба N 58428/10): постановление ЕСПЧ от 27 марта 2014 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

*** Следует признать положительным опыт некоторых стран СНГ. Например, согласно УПК Республики Казахстан заключение специалиста рассматривается как оформленный в соответствии с требованиями закона и представленный в письменном виде официальный документ, отражающий содержание исследования и выводы по вопросам, поставленным перед специалистом лицом, ведущим уголовный процесс, или сторонами (ст. 117), а также предусмотрены широкий круг прав специалиста и его уголовная ответственность за заведомо ложное заключение (ст. 80) и процессуальная форма заключения специалиста (ст. 117). (См.: Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. N 231-V ЗРК: ред. от 2 янв. 2021 г. // Инф.-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: adilet.zan.kz›rus).

же могут стать доказательством по делу, то есть сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, и разъяснения своего мнения могут приобщаться к материалам уголовного дела как доказательство, если допрос проведен без нарушения норм УПК РФ. Однако порядок допроса специалиста как самостоятельного участника процесса не предусмотрен в главе 37 УПК РФ. В следственной и судебной практике его допрашивают по правилам допроса свидетеля, следуя п. 21 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, согласно которому специалист, участвовавший в производстве любого следственного действия, при необходимости может быть допрошен в суде об обстоятельствах его производства в качестве свидетеля, а специалист, приглашенный сторонами, дает показания по правилам, предусмотренным для допроса лица в качестве свидетеля*.

Полагаем, что высший судебный орган в своем постановлении имел в виду допрос специалиста, привлекавшегося к участию в следственных действиях. Действительно, в данном случае предметом допроса специалиста могут быть лишь его действия, предусмотренные ст. 58 УПК РФ. Однако спорной является возможность допроса специалиста в качестве свидетеля по вопросам, изложенным, например, в заключении специалиста, которые он предоставил по просьбе стороны защиты. Представители адвокатуры также считают, что недопустимо допрашивать специалиста как свидетеля, так как это разные участники процесса (разные права, ответственность). По их мнению, по результатам судебного следствия в деле отсутствует такой вид доказательства защиты, как показания специалиста (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), поскольку глава 37 УПК РФ не регламентирует допрос специалиста [5, с. 44-45].

Кроме того, цели допроса свидетеля и специалиста различны. Практика идет по пути буквального толкования ст. 56 УПК РФ, определяющей, что «...свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела...». И в этом смысле специалист также высказывает суждения по вопросам, которые имеют значение для расследования. Однако свидетели дают основанные на собственном восприятии показания относительно обстоятельств события преступления либо иных имеющих значение для дела обстоятельств. А специалист выражает собственное мнение на основе имеющихся у него специальных знаний, которыми другие участники уголовного судопроизводства не обладают. То есть свидетель и специалист отличаются по природе формирования информации, являющейся существенной для расследуемого события, поэтому их права и обязанности не могут быть идентичными.

Относительно предмета допроса специалиста учеными также высказываются разные мнения. Например, В.П. Божьев утверждает, что «предмет показаний специалиста сформулирован без учета общего понятия доказательства (ч. 1 ст. 74 УПК РФ); он оторван от обстоятельств, подлежащих установлению (ст. 73 УПК РФ); носит общий и отвлеченный характер» [3, с. 3]. И.В. Овсянников отмечает: «Показания лица, допрошенного в качестве специалиста, сами по себе (без заключения специалиста) недопустимы в качестве доказательств» [6, с. 35].

В связи с отсутствием правовой регламентации данного вопроса считаем целесообразным предусмотреть в УПК РФ процессуальный порядок допроса специалиста как самостоятельного участника и полагаем, что он может изложить на допросе любые сведения на основе имеющихся специальных знаний или разъяснить свое мнение по любым обстоятельствам, которые могут иметь существенное значение для расследования дела.

На наш взгляд, заслуживает также внимания неполная регламентация процессуального статуса специалиста как самостоятельного участника процесса. Согласно ч. 3 ст. 58 УПК РФ специалист имеет право: 1) отказаться от участия в производстве по уголовному делу, если он не обладает соответствующими специальными знаниями; 2) задавать вопросы

---

* О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 дек. 2010 г. N 28 // Рос. газ. 2010. 30 дек.

участникам следственного действия с разрешения дознавателя, следователя и суда; 3) знакомиться с протоколом следственного действия, в котором он участвовал, и делать заявления и замечания, которые подлежат занесению в протокол; 4) приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права.

Однако считаем, что в данной статье УПК РФ предусмотрены не все права. Специалист фактически имеет право на переводчика и на его отвод (ч. 2 ст. 69 УПК РФ), право на возмещение расходов, понесенных им в связи с участием в производстве по уголовному делу, право на вознаграждение за работу, если участие в производстве по делу не входит в круг его должностных обязанностей (п. 4 ч. 2 ст. 131 УПК РФ). При этом в уголовно-процессуальном законе не упоминается о праве специалиста ходатайствовать о принятии мер безопасности. Представляется, что перечисленные выше права специалиста следует включить в ч. 3 ст. 58 УПК РФ.

Резюмируя вышесказанное, предлагаем внести в УПК РФ следующие изменения:

1. Дополнить ч. 1 ст. 58 УПК РФ «Специалист» после слов «в его профессиональную компетенцию» словами «подтвержденную соответствующими документами».

2. Дополнить ч. 3 ст. 58 УПК РФ «Специалист» следующими пунктами:

«5) пользоваться услугами переводчика и заявлять ему отвод в случае его некомпетентности (часть 2 статьи 69);

6) получать возмещение расходов, понесенных им в связи с участием в производстве по уголовному делу;

7) получать вознаграждение за работу в случае, если участие в производстве по уголовному делу не входит в круг его должностных обязанностей (пункт 4 части 2 статьи 131);

8) заявлять ходатайство о принятии мер безопасности в соответствии с частью 3 статьи 11 настоящего Кодекса».

3. Дополнить ч. 1 ст. 168 УПК РФ «Участие специалиста» предложением: «Компетентность специалиста и его надлежащая квалификация подтверждаются соответствующими документами, которые приобщаются к материалам уголовного дела».

4. Предусмотреть в ст. 168 УПК РФ ч. 3 следующего содержания: «Сторона защиты (адвокат) вправе заявить ходатайство о привлечении к участию в производстве по уголовному делу специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его компетенцию, подтвержденную соответствующими документами».

5. Дополнить ст. 80 УПК РФ «Заключение и показания эксперта и специалиста» частью 3.1 следующего содержания:

«В заключении специалиста указываются: дата и место составления заключения; сведения о специалисте (фамилия, имя, отчество, образование, специальность, стаж работы по специальности, ученая степень и ученое звание, занимаемая должность); подписка специалиста о том, что он предупрежден об уголовной ответственности по статье 310 Уголовного кодекса Российской Федерации; вопросы, поставленные перед специалистом; представленные для исследования объекты, их упаковка, содержание и результаты исследований с указанием примененных методов; обоснование и формулировка выводов по поставленным перед специалистом вопросам. Материалы, иллюстрирующие заключение специалиста, прилагаются к заключению и являются его составной частью. Заключение удостоверяется подписью специалиста. Расходование представленных объектов или изменение их агрегатного состояния недопустимо без разрешения должностного лица, ведущего расследование».

6. Дополнить ст. 80 УПК РФ «Заключение и показания эксперта и специалиста» частью 4.1 следующего содержания:

«Показания специалиста могут содержать в себе сведения:

– о компетентности и квалификации специалиста;

– фактах и иных сведениях, которые могут иметь значение для расследования дела;

– обстоятельствах и вопросах, связанных с заключением специалиста, которые могут иметь значение для расследования дела».

7. Дополнить главу УПК РФ статьей 205.1 «Допрос специалиста» следующего содержания:

«Допрос специалиста производится по общим правилам главы 26 настоящего Кодекса с целью:

– получения от специалиста сведений, которые могут иметь значение для рассмотрения дела в суде;

– выяснения связанных с заключением специалиста существенных вопросов, необходимых для расследования дела;

– уточнения примененных специалистом методов и использованных терминов;

– выяснения квалификации специалиста».

Список литературы

1. Всеобщая история государства и права: учебник для вузов: в 2 т. Т. 1: Древний мир и средние века / под ред. В.А. Томсинова. М.: Зерцало М, 2002. 640 с.

2. Махов В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2000. 295 с.

3. Божьев В.П. Изменение УПК РФ – не всегда средство его совершенствования // Законность. 2005. N 8. С. 2-6.

4. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном административном и уголовном процессе. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 735 с.

5. Коблев П.К. Заключение специалиста как доказательство защиты: сложности для адвокатов // Уголовный процесс. 2017. N 6. С. 44-50.

6. Овсянников И.В. Заключение и показания специалиста // Законность. 2005. N 7. С. 32-35.

References

1. General history of state and law: textbook for universities. In 2 volumes. Vol. 1: Ancient world and the Middle Ages. Moscow, Zertsalo M Publ., 2002. 640 p. (In Russ.).

2. Makhov V.N. The use of knowledge of knowledgeable persons in the investigation of crime. Moscow, Publishing House of the Peoples' Friendship University of Russia, 2000. 295 p. (In Russ.).

3. Bozh'ev V.P. Changing the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is not always a means of improving it. Legality, 2005, no. 8, pp. 2-6. (In Russ.).

4. Rossinskaya E.R. Forensic examination in civil, arbitration, administrative and criminal proceedings. Moscow, Norma: INFRA-M Publ., 2014. 735 p. (In Russ.).

5. Koblev P.K. Expert opinion as proof of defense: difficulties for lawyers. Criminal Procedure, 2017, no. 6, pp. 44-50. (In Russ.).

6. Ovsyannikov I.V. Conclusion and testimony of a specialist. Legality, 2005, no. 7, pp. 32-35. (In Russ.).

Раздел 7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

ПОГОРЕЛЬСКИЙ А.А.,
Andorp95@gmail.com
Кафедра административного и финансового права;
Оренбургский государственный университет,
460018, г. Оренбург, просп. Победы, 13

POGORELSKY A.A.,
Andorp95@gmail.com
Chair of administrative and financial law;
Orenburg State University,
Pobedy Ave. 13, Orenburg, 460018,
Russian Federation

СОДЕРЖАНИЕ, ЗНАЧЕНИЕ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу элементов, которые составляют содержание категории «уголовно-процессуальная форма». Отмечается дискуссионность этого вопроса. Подвергаются критической оценке некоторые из предлагаемых учеными определений данной категории. Обосновывается правомерность подхода к определению понятия процессуальной формы через установленный уголовно-процессуальным законом порядок, в соответствии с которым осуществляется принятие уголовно-процессуальных решений и совершение процессуальных действий, а также определяется их взаимообусловленность. Делается вывод о том, что дифференциация процессуальной формы характеризуется лишь наличием особенностей принимаемых по уголовному делу решений, а также особенностей процессуальной деятельности. Значение уголовно-процессуальной формы заключается в том, что ее соблюдением обеспечивается не только законность, но и обоснованность деятельности при производстве по каждому уголовному делу.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; производство по уголовному делу; уголовно-процессуальная форма; дифференциация уголовно-процессуальной формы.

Для цитирования: Погорельский А.А. Содержание, значение и дифференциация уголовно-процессуальной формы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 1 (55). С. 82-89.

CONTENT, MEANING AND DIFFERENTIATION OF CRIMINAL PROCEDURE FORM

Annotation. The article is devoted to the analysis of the elements that make up the content of the category "criminal procedure form". The controversial nature of this issue is noted. Some of the definitions of this category proposed by scientists are critically assessed. The author of the article substantiates the validity of the approach to defining the procedural form by means of the procedure established by criminal procedure law. Taking criminal procedure decisions and performing procedural actions are carried out according to this procedure, as well as their interdependence is determined. It is concluded that the differentiation of the procedural form is characterized only by the peculiarities of the decisions taken during the criminal proceedings, as well as the specifics of procedural activity. The importance of the criminal procedure form is that its observance ensures not only the legality, but also the validity of the activities during criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings; criminal procedure form; differentiation of criminal procedure form.

For citation: Pogorelsky A.A. Content, meaning and differentiation of criminal procedure form // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 1 (55). P. 82-89.

Вопросы, связанные с дифференциацией уголовного судопроизводства и обоснованием наличия в нем альтернатив общему порядку производства по уголовному делу, неизменно находятся в поле зрения ученых и сопровождаются непрекращающимися дискуссиями на страницах научных изданий. Эти вопросы непосредственно связаны с уголовно-процессуальной формой – категорией, относящейся к числу базовых категорий науки уголовно-процессуального права. Едва ли не каждый ученый, исследующий проблемы доказательственного права, обращался к анализу и характеристике

данной категории. При этом среди исследователей нет единства мнений по поводу тех правовых понятий, через которые должна определяться уголовно-процессуальная форма. В связи с этим представляется необходимым обращение к анализу имеющихся в науке представлений об элементах, входящих в ее содержание, и выражение собственной точки зрения по данному вопросу.

Среди ученых бесспорным является положение о том, что посредством процессуальной формы определяется порядок производства по уголовным делам. Вместе с тем несколько упрощенными и потому явно недостаточными представляются одни из первых определений понятия процессуальной формы, в которых процессуальная форма либо практически отождествлялась с предусмотренным законом порядком производства отдельных (или их совокупности) процессуальных действий (Чельцов М.А., 1951), либо ее содержание раскрывалось через совокупность условий, установленных законом для их осуществления (Стецовский Ю.И., 1975).

Через условия выполнения уголовно-процессуальных действий дается определение понятия процессуальной формы М.П. Поляковым, который не вполне уместно, на наш взгляд, использует по отношению к таким условиям термин «обрядность» [1, с. 87], поскольку, в отличие от обряда, соблюдение процессуальной формы имеет отнюдь не символическое, а важное практическое значение – соблюдение требований основополагающего принципа законности.

В свою очередь, М.Л. Якуб, посвятивший процессуальной форме монографическое исследование, также определяя рассматриваемую категорию посредством понятия «производство процессуальных действий», полагает, что речь необходимо вести не только о них, но также «об условиях принятия уголовно-процессуальных решений» [2, с. 9]. Это представляется не только более точным, но и правомерным.

С этой позиции можно критически оценить предлагаемые в научной литературе определения понятия уголовно-процессуальной формы, в содержание которых, помимо указанных, включены иные элементы. В частности, уголовно-процессуальная форма, по мнению Л.Б. Алексеевой, – это «регламентированная уголовно-процессуальным правом система и структура уголовно-процессуальных институтов и правил, процедура и последовательность стадий уголовного процесса, условия, способы и сроки совершения процессуальных действий, непосредственно или косвенно связанных с собиранием и исследованием доказательств на предварительном следствии и в судебном разбирательстве, их закреплением в правовых актах, а также порядок принятия и оформления решений по отдельным вопросам и по делу в целом» [3, с. 121].

Прежде всего, нельзя не обратить внимания на очевидную терминологическую избыточность определения.

Во-вторых, можно высказать замечание в отношении суждения о том, что «процессуальная форма регламентируется уголовно-процессуальным правом», поскольку свойство регламентации в большей степени присуще закону, чем праву. Несмотря на то, что производным для понятий «регулировать» и «регламентировать» является одно и то же слово – «правило» (для регламентации – от фр. regle и для регуляции – от лат. regula), все же функция права – регулировать общественные отношения, а закона – их регламентировать. Эти понятия являются в определенной степени синонимичными, первое из них по объему шире второго, поэтому они лишь частично совпадают. Наличие синонимии нередко может дезориентировать, тем не менее каждая из приведенных языковых единиц имеет собственный вполне определенный смысл.

В-третьих, не вполне ясно содержание употребленного в определении понятия «процедура стадий уголовного процесса».

И, наконец, нельзя согласиться с произведенным указанным автором ограничением перечня процессуальных действий лишь теми из них, которые выполняют познавательную задачу, тогда как уголовно-процессуальным законом строго регламентирован порядок принятия любых решений и производство иных, не связанных с доказыванием, процессуальных действий, например, избрание меры пресечения, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве и др.

Помимо этого, такие элементы, включаемые учеными в содержание процессуальной формы, как условия, сроки и способы совершения процессуальных действий, права и обязанности участников процесса, форма правоприменительных актов и т.д., представляя собой выражение правовой регламентации, охватываются понятием «процессуальный порядок», поэтому их отдельное выделение в определении процессуальной формы является излишним. Для любой деятельности в сфере уголовного судопроизводства законом установлена соответствующая процессуальная форма. В связи с этим вся уголовно-процессуальная деятельность (и принятие процессуальных решений, и осуществление процессуальных действий) регламентируется нормами уголовно-процессуального закона, который, упорядочивая эту деятельность, делает ее проверяемой, таким образом, обеспечивается законность производства по уголовному делу [4, с. 9].

Заметим, что такой признак, как стадийность уголовного процесса, многие ученые не только включают в совокупность элементов процессуальной формы, но и относят к важнейшим элементам. Между тем следует выразить солидарность с мнением по этому поводу Е.В. Мищенко, которая обоснованно считает более правильным соотносить стадийное построение процесса со структурой уголовного судопроизводства [5, с. 141].

На наш взгляд, правомерность именно такой позиции подтверждается и тем обстоятельством, что в учебной литературе, как известно, призванной отражать общепринятые в науке подходы, стадийность уголовного судопроизводства обычно связывается не с понятием «уголовно-процессуальная форма», а с понятием «процесс». Последнее в переводе с латинского (processus) не только означает «последовательную смену состояний», «движение вперед», но и направленную на достижение результата совокупность последовательных действий [6, с. 21].

И.Б. Михайловская в содержание процессуальной формы включает «цель, функциональную структуру и принципы судопроизводства» [7, с. 7]. А.А. Брестер также подразумевает под уголовно-процессуальной формой «регламентированные правом порядок, принципы и систему уголовно-процессуальной деятельности, установленные для достижения целей уголовного процесса» [8, с. 28]. Думается, что в приведенных утверждениях произведена подмена основания и следствия, поскольку сама отраженная в законе правовая регламентация обусловлена и определяется целями и принципами уголовно-процессуальной деятельности, но не наоборот.

Как справедливо в связи с этим указывает Е.В. Мищенко, при таком подходе «стираются вообще все грани», и можно под уголовно-процессуальной формой понимать все без исключения уголовно-процессуальные понятия [5, с. 142]. В рассматриваемом аспекте значение принципов уголовного судопроизводства – служить методологической основой уголовно-процессуальной формы, поэтому неправомерно относить их к содержанию последней. Принципы – это требования, предъявляемые к уголовно-процессуальной деятельности, соблюдение которых гарантирует достижение ее целей.

Кроме этого, отдельного внимания заслуживает вопрос о правомерности раскрытия содержания рассматриваемой категории посредством понятия «система правоотношений», как это делается, например, Х.У. Рустамовым. Указанный автор считает, что основным содержанием понятия «уголовно-процессуальная форма» является именно возникающая в определенной последовательности в процессе деятельности субъектов уголовного процесса система отношений, регулируемая уголовным и уголовно-процессуальным законами [9, с. 13].

Между тем, думается, что правоотношения – это результат самой деятельности, ее содержания, но не формы, поскольку лишь соединение слова (предписаний закона) и дела (уголовно-процессуальной деятельности) составляет суть уголовно-процессуальных отношений, упорядочивать которые призвана процессуальная форма. Еще в период действия советского уголовно-процессуального закона учеными (Добровольская Т.Н., Элькинд П.С., 1976) указывалось на недопустимость смешения этих правовых категорий (внешней формы и внутреннего содержания – уголовно-процессуальной деятельности).

Следовательно, если содержанием уголовного процесса являются уголовно-процессуальная деятельность (принятие предусмотренных законом решений и совершение предусмотренных им действий) и возникающие в связи с этим уголовно-процессуальные отношения, то порядок этой деятельности и есть уголовно-процессуальная форма.

Кроме этого, вызывают возражения суждения некоторых ученых относительно сущностных свойств уголовно-процессуальной формы. В частности, несмотря на согласие с выводом С.Б. Россинского о том, что процессуальная форма обладает такими свойствами, как единство, всеобщность и обязательность [10, с. 141], необходимо сделать уточнение в отношении свойств всеобщности и обязательности.

Действительно, единство общепризнанно является сущностным свойством процессуальной формы, чего нельзя сказать о всеобщности и обязательности. Эти свойства отражают суть не только для процессуальной формы, но и для любого законодательного предписания, и процессуальная форма обладает этими свойствами не потому, что она форма, а потому что, как и любое нормативное предписание, будучи отраженным в законе, становится всеобщей и общеобязательной «моделью» поведения. Отличие фактических утверждений (суждений науки) от правовых норм, по мнению М.Н. Марченко, обусловлено логикой норм – любая норма закона обладает относящимся ко всем особого рода долженствованием (распространяется на всех и обязательна для всех), носит «предоставительно-обязывающий характер» [11, с. 593-594].

В связи с этим указание на то, что свойства всеобщности и обязательности являются «важнейшими юридическими свойствами уголовно-процессуальной формы» [10, с. 141], в ее определении представляется излишним, поскольку уголовно-процессуальная форма обладает этими свойствами в силу закрепленности в уголовно-процессуальном законе. При таком подходе можно отождествить процессуальную форму с законом вообще. По этой причине представляется несостоятельным высказанный С.Б. Россинским упрек в адрес исследователей о том, что никто из них не включает в содержание процессуальной формы признаки всеобщности и обязательности, являющиеся для нее «основными и видообразующими» [10, с. 141].

Между тем видообразующим называют такой признак, который отличает вид, принадлежащий определенному роду, от всех иных видов этого рода. Например, таким видовым отличием для понятия «действие» будет признак «процессуальное», образующее новый вид. В свою очередь, для процессуальных действий следующими видообразующими будут являться признаки «следственные» или «судебные». Таким образом, добавление видообразующего признака ограничивает понятие, чего нельзя сказать о признаках «всеобщность» и «обязательность», которые относятся как к процессуальной форме, так и ко всем без исключения предписаниям закона, и не только уголовно-процессуального.

В связи с этим указанные С.Б. Россинским свойства процессуальной формы являются не ее сущностным содержанием, а отражают то значение, которое она имеет для соблюдения принципа законности при производстве по уголовному делу, или «ценность процессуальной формы». Последняя, по мнению П.А. Лупинской, заключается в создании «детально урегулированного, устойчивого, юридически определенного, строго обязательного, стабильного правового порядка производства по уголовному делу, отвечающего назначению судопроизводства и его принципам» [12, с. 60].

Следует также отметить, что А.П. Гуськова, справедливо наделяя уголовно-процессуальную форму таким свойством, как публичность, ошибочно, на наш взгляд, полагает, что это свойство находит выражение в ее государственно-властном характере [13, с. 12], поскольку последний является содержанием иного свойства уголовно-процессуальной формы – ее строгой обязательности (императивности). Публичность же выражается в открытости для понимания хода и результата уголовно-процессуальных действий, в доступности наблюдению и контролю процедуры принятия всех без исключения уголовно-процессуальных решений. В этом, на наш взгляд, находит

выражение смысл существования уголовно-процессуальной формы.

Таким образом, обращение к имеющимся в науке определениям понятия процессуальной формы показало, что они содержат разнохарактерные признаки, не всегда соответствующие ее сущности.

Как представляется, для раскрытия содержания понятия «процессуальная форма» необходимо прежде всего исходить из общефилософского значения самой категории «форма», являющейся одной из основных категорий гносеологии. Согласно справочным источникам под формой понимается структура, внутреннее строение чего-либо, а также порядок протекания процесса, который является определенным и определяющим [14, с. 489]. В свою очередь, порядок – последовательность в деле вообще, заранее обдуманный ход и действия, целесообразное единство многообразного, ясно определенная и четкая организация какой-либо сферы действительности [14, с. 356].

Обратим внимание на используемое в дефиниции словосочетание «заранее обдуманный», свидетельствующее о том, что в социальной сфере деятельности мыслительная деятельность предшествует самому действию – даже в обыденной жизни прежде, чем что-то сделать, мы прикидываем это в уме. Если же речь идет об уголовном судопроизводстве, то планирование и оценка предстоящей деятельности должны производиться, в первую очередь, на предмет соответствия цели деятельности и тому порядку, который предусмотрен для него уголовно-процессуальным законом.

Многие авторы, кроме этого, считают необходимым отражение в определении процессуальной формы указания не только на порядок (совокупность предусмотренных законом условий) производства процессуальных действий, но и на их последовательность. На наш взгляд, в этом нет необходимости, поскольку, как отмечалось выше, само понятие «порядок» уже содержательно предполагает «последовательность в деле вообще». Исходя из требований не только логичности, но и лаконичности дефиниций, определяющее понятие должно содержать только существенные признаки определяемого понятия, необходимые и достаточные для раскрытия его содержания.

Уголовно-процессуальная форма, прежде всего, – это способ внешней связи элементов уголовно-процессуальной деятельности. Рассматривая указанную категорию, М.С. Строгович отмечал, что это «всегда форма совершения предусмотренных законом действий и принятия предусмотренных этим законом решений» [15, с. 52]. Тем не менее, как представляется, не должно вызвать возражений суждение о том, что основными элементами любой сознательной деятельности являются, во-первых, принятие решений и, во-вторых, реализация этих решений в конкретной деятельности. Именно в такой последовательности – каждому конкретному действию (совокупности действий) предшествует принятие соответствующего решения.

Как справедливо отмечается в связи с этим в научной литературе, «по своей социальной природе правоприменительная деятельность, направленная на реализацию юридических норм для решения юридического дела, представляет собой разновидность “управленческого решения”, поэтому в данном случае, как и для любого управленческого процесса, главным, определяющим звеном правоприменительной деятельности является принятие решения» (Алексеев С.С., 1973). При этом ни одно решение в уголовном судопроизводстве не может быть вынесено вне того порядка, который предусмотрен для него законом, без учета законодательно установленных оснований и условий его принятия. Точно так же осуществление обусловленных принятым решением процессуальных действий возможно исключительно в тех формах деятельности, которые предусмотрены для них в законе. В частности, осуществление уголовно-процессуального доказывания, предполагающего собирание доказательств и познание на их основе обстоятельств прошлого преступного события, возможно лишь в предусмотренных законом формах – посредством проведения предусмотренных законом следственных действий (осмотра места происшествия, допроса, обыска и т.д.). Полученные вне этих форм сведения не будут иметь никакого доказательственного значения. Разрешение уголовного дела также невозмож-

но вне предусмотренной законом формы (процедуры) – судебного следствия.

Уголовно-процессуальный закон, по мнению П.А. Лупинской, представляет собой «программу принятия решения. Именно закон, определяя цель деятельности и устанавливая средства ее достижения, одновременно предписывает и строго определенные правила самой деятельности. Другими словами, именно закон "организует" уголовно-процессуальную деятельность, поэтому, – как отмечает указанный автор, – успешность регулирования и организации уголовно-процессуальной деятельности определяется тем, насколько точно по существу и по форме составлена ее "программа"» [16, с. 43].

Исходя из этого уголовно-процессуальная форма, на наш взгляд, представляет собой установленный уголовно-процессуальным законом порядок (совокупность условий и процедур), в соответствии с которым осуществляется принятие уголовно-процессуальных решений и реализуются уголовно-процессуальные действия, а также определяется их взаимообусловленность. При этом важно уточнить, что перечисление элементов уголовно-процессуальной формы именно в таком порядке не означает их временной последовательности, поскольку нередко принятию решения в уголовном судопроизводстве предшествует уголовно-процессуальная деятельность, например, по собиранию, проверке и оценке сведений, на которых основывается процессуальное решение, но призвано указать на определяющее значение первого из них. В этом находит выражение взаимообусловленность указанных элементов (порядка принятия уголовно-процессуальных решений и порядка уголовно-процессуальных действий) процессуальной формы.

Следует подчеркнуть, что только при таком подходе к определению понятия «уголовно-процессуальная форма» можно вести речь о ее дифференциации. На этот важный аспект уже обращала внимание Е.В. Мищенко [5, с. 142]. Тем не менее уважаемым автором данная категория раскрывается только через порядок уголовно-процессуальной деятельности, без упоминания о ее определяющем элементе – порядке принятия уголовно-процессуальных решений. Необходимость ограничения содержания процессуальной формы установленными законом порядком принятия уголовно-процессуальных решений и порядком совершения процессуальных действий подтверждается и тем, что эти элементы, и только они, могут быть дифференцированы.

На необходимость соблюдения и сохранения единой процессуальной формы при производстве по каждому уголовному делу обращалось внимание многими учеными. В частности, последовательным сторонником такой позиции являлся М.С. Строгович, категорически отрицавший необходимость введения любого рода упрощений в уголовный процесс. Вместе с тем указанный автор поддерживал дифференциацию в сторону усложнения процессуальной формы, таким образом, все-таки признавая ее возможность, но исключительно с целью усиления уголовно-процессуальных гарантий [15, с. 53].

С точки зрения сторонников противоположной позиции, наличие в уголовном процессе упрощенных производств объективно необходимо в целях скорейшего расследования и рассмотрения по существу уголовных дел по преступлениям небольшой и средней тяжести. Заметим, что наличие подобного рода ускоренных производств ориентировано не только на экономию уголовно-процессуальных ресурсов, но и на получение другого не менее важного юридически значимого результата – а именно на максимально быстрое восстановление нарушенных прав потерпевших от преступлений, которые при общем порядке судопроизводства нередко годами ожидают результатов судебных решений.

Е.В. Мищенко в результате обобщения имеющихся в уголовно-процессуальной науке оснований дифференциации процессуальной формы приходит к выводу о том, что основными из них являются следующие:

1) степень тяжести общественно опасного деяния и предусмотренного за его совершение вида санкций;

2) степень сложности расследования и разрешения уголовного дела;

3) статус лица, совершившего преступление [17, с. 250].

Из этого следует, что дифференциация процессуальной формы обусловлена, в первую очередь, спецификой уголовного дела, и каждая дифференцированная форма производства по уголовному делу предполагает принятие особых, присущих только ей процессуальных решений и связанных с ними (обусловленных этими решениями) процессуальных действий. Ни стадийность процесса, ни требования уголовно-процессуальных принципов не могут быть изменены или исключены в зависимости от категории уголовного дела. Тем более не может быть подвергнута дифференциации цель уголовно-процессуальной деятельности.

В связи с этим Д.П. Великий, подчеркивая необходимость понимания уголовно-процессуальной формы, исходя из единых принципов, единого уголовно-процессуального законодательства и единой судебной системы в целом, признавая определенную правоту и сторонников, и противников ее дифференциации, настаивает на том, что дифференциацию уголовно-процессуальной формы следует воспринимать исключительно как предусмотренную законом возможность «решать единые задачи различными способами» [18, с. 9].

Таким образом, содержание понятия «уголовно-процессуальная форма», на наш взгляд, должно раскрываться посредством двух основных элементов: 1) установленный уголовно-процессуальным законом порядок (совокупность условий и процедур) принятия уголовно-процессуальных решений и 2) установленный уголовно-процессуальным законом порядок совершения уголовно-процессуальных действий, которые в процессе уголовно-процессуальной деятельности являются взаимосвязанными и взаимообусловленными. При этом оформление хода и результата совершаемых уголовно-процессуальных действий и принимаемых уголовно-процессуальных решений охватывается понятием «установленный законом порядок». Из этого следует, что каждая дифференцированная процессуальная форма характеризуется наличием присущих только ей особенностей принимаемых по уголовному делу решений и особенностей уголовно-процессуальных действий. Соответствием деятельности участников уголовного судопроизводства уголовно-процессуальной форме обеспечивается не только ее законность (на это указывается всеми исследователями), но и обоснованность при производстве по каждому уголовному делу.

Список литературы

1. Поляков М.П. О ценности обрядовой стороны уголовного судопроизводства // Государство и право. 1999. N 9. С. 87-92.

2. Якуб М.Л. Процессуальная форма в советском уголовном процессе. М.: Юрид. лит., 1981. 144 с.

3. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М., 1989. 638 с.

4. Корнакова С.В. Логические основы уголовно-процессуального доказывания: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Иркутск, 2008. 23 с.

5. Мищенко Е.В. О сущности и свойствах уголовно-процессуальной формы // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. N 3 (152). С. 140-144.

6. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учебник для вузов / под ред. Э.К. Кутуева. СПб.: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2019. 583 с.

7. Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М.: Велби: Проспект, 2006. 192 с.

8. Брестер А.А. Начало уголовного процесса и его влияние на уголовно-процессуальную форму // Уголовная юстиция. 2013. N 2 (2). С. 27-30.

9. Рустамов Х.У. Уголовный процесс. Формы: учеб. пособие. М.: Закон и право, 1998. 303 с.

10. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма: понятие и тенденции развития // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. N 3. С. 140-144.

11. Марченко М.Н. Проблемы теории государства и права. М.: Проспект, 2015. 757 с.

12. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская; 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2013. 1008 с.

13. Гуськова А.П. К вопросу о процессуальной форме уголовного судопроизводства в России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. N 83. С. 11-17.

14. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2007. 576 с.

15. Строгович М.С. О единой форме уголовного судопроизводства и пределах ее дифференциации // Социалистическая законность. 1974. N 9. С. 50-53.

16. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. М.: Юрид. лит., 1976. 166 с.

17. Мищенко Е.В. Основания (критерии) дифференциации процессуальной формы по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и применения принудительных мер медицинского характера // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2011. N 1 (29). С. 249-252.

18. Великий Д.П. Единство и дифференциация уголовно-процессуальной формы: история, современность, перспективы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. 31 с.

References

1. Polyakov M.P. On the value of the ritual side of criminal justice. State and Law, 1999, no. 9, pp. 87-92. (In Russ.).

2. Yakub M.L. Procedural form in the Soviet criminal process. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1981. 144 p. (In Russ.).

3. The course of the Soviet criminal process. The General part. Moscow, 1989. 638 p. (In Russ.).

4. Kornakova S.V. Logical bases of criminal-procedural proof. Autoabstract Cand. Diss. Irkutsk, 2008. 23 p. (In Russ.).

5. Mishchenko E.V. On the nature and properties of the criminal procedure form. Bulletin of the Orenburg State University, 2013, no. 3 (152), pp. 140-144. (In Russ.).

6. Criminal procedure law (Criminal process). St. Petersburg: Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019. 583 p. (In Russ.).

7. Mikhailovskaya I.B. Table book of the judge on proving in criminal proceedings. Moscow, Velbi, Prospekt Publ., 2006. 192 p. (In Russ.).

8. Brester A.A. The beginning of the criminal process and its influence on the criminal procedure form, 2013, no. 2 (2), pp. 27-30. (In Russ.).

9. Rustamov Kh.U. Criminal process. Forms. Moscow, Zakon i parvo Publ., 1998. 303 p. (In Russ.).

10. Rossinsky S.B. Criminal procedure form: concept and development trends. Bulletin of the Orenburg State University, 2006, no. 3, pp. 140-144. (In Russ.).

11. Marchenko M.N. Problems of the theory of state and law. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 757 p. (In Russ.).

12. Criminal procedure law of the Russian Federation. Moscow, NORMA, INFRA-M Publ., 2013. 1008 p. (In Russ.).

13. Gus'kova A.P. On the question of the procedural form of criminal justice in Russia. Bulletin of the Orenburg State University, 2008, no. 83, pp. 11-17. (In Russ.).

14. Philosophical Encyclopedic Dictionary. Moscow, INFRA-M Publ., 2007. 576 p. (In Russ.).

15. Strogovich M.S. On the unified form of criminal justice and the limits of its differentiation. Socialist legality, 1974, no. 9, pp. 50-53. (In Russ.).

16. Lupinskaya P.A. Decisions in criminal proceedings. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1976. 166 p. (In Russ.).

17. Mishchenko E.V. Bases (criteria) of differentiation of the procedural form in criminal cases concerning minors and application of compulsory measures of medical character. Bulletin of the Orenburg State Agrarian University, 2011, no. 1 (29), pp. 249-252. (In Russ.).

18. Velikiy D.P. Unity and differentiation of the criminal procedure form: history, modernity, prospects. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2001. 31 p. (In Russ.).

ШУМАКОВ С.А.,
shumak07031971@mail.ru
Кафедра уголовного права;
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия,
350002, г. Краснодар,
ул. Леваневского, 187/1

SHUMAKOV S.A.,
shumak07031971@mail.ru
Chair of criminal law;
North Caucasian Branch
of the Russian State University of Justice,
Levanevsky St. 187/1,
Krasnodar, 350002,
Russian Federation

ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ВОЗМЕЩЕНИЕМ УЩЕРБА И ДЕНЕЖНЫМ ВОЗМЕЩЕНИЕМ

Аннотация. В статье рассматриваются основания освобождения от уголовной ответственности, связанные с возмещением ущерба. Установлено, что в российском уголовном праве возмещение причиненного преступлением вреда не является самодостаточным основанием освобождения от уголовной ответственности. Потенциальное освобождение от уголовной ответственности в таких случаях допускается при сопутствующем денежном возмещении. Раскрыты особенности освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба, а также ввиду назначения судебного штрафа. Определены схожие аспекты данных оснований освобождения от уголовной ответственности. Выделены критерии разграничения статей 76.1 и 76.2 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: уголовная ответственность; преступление; освобождение от ответственности; возмещение вреда; возмещение ущерба; судебный штраф.

Для цитирования: Шумаков С.А. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба и денежным возмещением // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 1 (55). С. 90-96.

EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY DUE TO THE COMPENSATION FOR DAMAGE AND MONETARY COMPENSATION

Annotation. The grounds for exemption from criminal liability determined by the compensation for damage are examined in the article. It is established that according to the Russian criminal law, compensation for harm caused by the crime is not a sufficient ground for exemption from criminal liability. Potential exemption from criminal liability in such cases is allowed only if a monetary compensation is also provided. The peculiarities of exemption from criminal liability due to the compensation for damage, as well as because of imposing a fine by the court, are revealed. Similar aspects of these grounds for exemption from criminal liability are identified. The criteria for distinguishing Articles 76.1 and 76.2 of the Criminal Code of the Russian Federation are substantiated.

Keywords: criminal liability; crime; exemption from liability; compensation for harm; compensation for damage; court fine.

For citation: Shumakov S.A. Exemption from criminal liability due to the compensation for damage and monetary compensation // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 1 (55). P. 90-96.

Система норм, устанавливающих основания освобождения от уголовной ответственности, имевшая довольно стройный и устоявшийся характер, на современном этапе подверглась значительным преобразованиям. И прежде всего необходимо отметить увеличение количества оснований для освобождения от уголовной ответственности. В последние годы в главу 11 УК РФ были включены статьи, предусматривающие такие основания освобождения от уголовной ответственности, как возмещение ущерба и назначение судебного штрафа.

Рассмотрим норму уголовного закона об освобождении от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба. Данная норма, изначально появившаяся как специальное основание освобождения от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности, была трансформирована в более

широкую по своему содержанию норму*. В настоящее время она предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности за совершение преступлений не только в сфере экономической деятельности, но и иных уголовно наказуемых деяний.

В отличие от деятельного раскаяния и примирения с потерпевшим факт возмещения ущерба выступает в качестве императивного основания для освобождения лица от уголовной ответственности при соблюдении требуемых условий. Как справедливо подчеркивает Г.Б. Магомедов, норма об освобождении от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба не ограничивается лишь указанием на преступления небольшой и средней тяжести. Статья 76.1 УК РФ применима и к тяжким преступлениям [1, с. 92].

На наш взгляд, объяснением тому служит иной подход законодателя. Если условием применения норм, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием и в связи с примирением с потерпевшим, является отнесение преступления к определенной категории, то в ст. 76.1 УК РФ используется избирательный подход. В этой уголовно-правовой норме содержится исчерпывающий перечень общественно опасных деяний, возмещение ущерба по которым в императивном порядке влечет освобождение от уголовной ответственности. В большинстве своем это нормы о преступлениях в сфере экономической деятельности. Их дополняют нормы, запрещающие общественно опасные деяния, связанные с интеллектуальными правами (ст.ст. 146 и 147 УК РФ), а также ряд составов преступлений против собственности. Как представляется, все перечисленные нормы объединяет определенная экономическая составляющая, они так или иначе связаны с предпринимательством, коммерческой деятельностью, со стремлением извлечения выгоды.

Универсальный признак любого основания освобождения от уголовной ответственности, за исключением освобождения от уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности, — совершение преступления впервые.

В юридической литературе высказывается немало критических замечаний относительно ст. 76.1 УК РФ. Например, А.М. Балафендиев обращает внимание на технико-юридические погрешности системного плана. Автор отмечает, что данное уголовно-правовое предписание является специальной нормой по отношению к ст. 75 УК РФ и одновременно общей нормой по отношению к специальным основаниям освобождения от уголовной ответственности, регламентированным примечаниями к статьям главы 22 УК РФ [2, с. 147-148]. Исследователь отвергает взаимосвязь этих законодательных положений с нормами об освобождении от уголовной ответственности по причине примирения с потерпевшим. В связи с этим он даже предлагает перенести данную норму «ближе» к ст. 75 УК РФ [2, с. 149].

Как представляется, вопрос о месте ст. 76.1 УК РФ в структуре уголовного закона и ее соотношении с другими предписаниями об освобождении от уголовной ответственности является немаловажным. Правильное определение этих моментов выступает предпосылкой для точного применения анализируемых законодательных положений.

Высказанная точка зрения о том, что освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба является специальной нормой по отношению к ст. 75 УК РФ, представляется небезукоризненной. Анализируемое уголовно-правовое предписание не содержит каких-либо требований именно о деятельном раскаянии, и единственное, что их объединяет, — это факт возмещения ущерба. При этом, как известно, возмещение вреда выступает также в качестве условия освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим. Таким образом, нет каких-либо оснований для вывода о специальном характере ст. 76.1 УК РФ по отношению к ст. 75 УК РФ. Причем это в равной степени распространяется и на соотношение изучаемого положения уголовного закона со ст. 76 УК РФ.

---

* О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 27 дек. 2018 г. N 533-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru

Имеются основания утверждать, что ст. 76.1 УК РФ обладает относительно самостоятельной правовой природой и в отдельных случаях может наблюдаться перекрестная конкуренция этой нормы с другими основаниями освобождения от уголовной ответственности. В этом ракурсе представляет интерес разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации, согласно которому «в случаях выполнения лицом, совершившим преступление, не всех или не в полном объеме действий, предусмотренных статьей 76.1 УК РФ, его ходатайство о прекращении уголовного преследования по основаниям, предусмотренным статьями 75, 76 или 76.2 УК РФ, может быть удовлетворено судом при условии выполнения содержащихся в указанных нормах требований»*.

Тем самым указывается на возможность применения ст. 75 или 76 УК РФ взамен ст. 76.1 УК РФ. При этом, по нашему мнению, приоритет одной нормы над другой определяется конкретными обстоятельствами дела. Например, ст. 76.1 УК РФ содержит исчерпывающий перечень преступлений, при совершении которых возможно ее применение, тогда как ст.ст. 75 и 76 применимы к совершившим любые преступления небольшой и средней тяжести.

Решение вопроса о соотношении ст. 76.1 УК РФ с нормами, предусмотренными некоторыми примечаниями, регламентирующими специальные основания освобождения от уголовной ответственности, находится несколько в иной плоскости. Конечно же, речь идет о примечаниях к статьям Особенной части УК РФ, поименованным в ст. 76.1 УК РФ.

А.М. Балафендиев и В.И. Гладких указывают на несогласованность положений ст. 76.1 УК РФ с примечаниями ряда статей о преступлениях в сфере экономической деятельности, в частности о преступлениях, связанных с уклонением от уплаты налогов. Как известно, в ст. 76.1 УК РФ указывается на возмещение ущерба, например, в ч. 1 этой статьи — на возмещение ущерба от налоговых преступлений. В свою очередь, примечания к соответствующим статьям Особенной части о налоговых преступлениях содержат требования о возмещении недоимки, пеней и штрафов. Авторы вступают в полемику по вопросу о включении в данном случае в понятие ущерба не только реального ущерба, но и штрафов, пеней, предусмотренных налоговым законодательством [2, с. 152; 3, с. 17]. По утверждению В.В. Власенко, даже с позиции налогового права штрафы и пени признаются возмещением сверх ущерба, то есть санкциями за совершенное правонарушение [4, с. 118].

Однако в современных условиях понимание возмещения ущерба в смысле ст. 76.1 УК РФ закреплено на законодательном уровне в ст. 28.1 УПК РФ и включает не только недоимку, но и пени, а также штрафы. В уголовно-правовой науке подход, согласно которому элементы материально-правового характера раскрываются в процессуальном законодательстве, конечно же, подвергается обоснованной критике [4, с. 115]. Тем не менее такая законодательная регламентация призвана исключить возможные разночтения в понимании возмещения ущерба от налоговых преступлений. Кроме того, в Постановлении Пленума ВС РФ от 15 ноября 2016 г. N 48 прямо указано на то, что взаимосвязанные положения ч. 1 ст. 76.1 УК РФ и норм об ответственности за соответствующие налоговые преступления предписывают понимать под возмещением ущерба уплату, в том числе пеней и штрафов.

Вполне очевидно, что в данных условиях не исключается целесообразность закрепления обозначенного понимания непосредственно в уголовном законодательстве. Хотя, с другой стороны, наличие такого положения вносило бы определенное рассогласование в сложившееся теоретическое представление о возмещении ущерба. Дело в том, что вопрос о пенях и штрафах при налоговых преступлениях очень тесно соприкасается с гражданско-правовыми последствиями неисполнения обязательств, в том числе состоящими во

---

* О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 нояб. 2016 г. N 48: ред. от 11 июня 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. N 1; 2020. N 8. (Далее — Постановление Пленума ВС РФ от 15 ноября 2016 г. N 48).

взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами. Такой вред, равно как и убытки, упущенная выгода, традиционно не рассматривается в рамках уголовно-правовых отношений. Получается, что для налоговых преступлений сделано своего рода исключение, предполагающее необходимость большего возмещения в сравнении с фактически неуплаченными налогами и сборами. На наш взгляд, какое-либо правовое обоснование для подобных исключений отсутствует. Указанные изъятия из общих правил лишь подрывают формирование устойчивых представлений об уголовно-правовой сущности преступного вреда и правилах его возмещения.

Причем указание в ч. 1 ст. 76.1 УК РФ на возмещение ущерба от соответствующих налоговых преступлений, а в примечаниях к таким статьям Особенной части и в уголовно-процессуальном законодательстве — на уплату недоимки, пеней и штрафов создает впечатление маскировки такого расширенного понимания возмещения ущерба.

Имеются основания полагать, что данное рассогласование следует устранить. Путями решения обозначенной проблемы может быть либо расширение понимания ущерба применительно к другим преступлениям, либо его ограничение относительно налоговых преступлений. Оценивая данные пути, без сомнения, можно утверждать, что второй вариант в большей степени соответствует сложившимся уголовно-правовым представлениям о преступном вреде как на теоретическом, так и на практическом уровне.

При рассмотрении возмещения ущерба как основания для освобождения от уголовной ответственности непременно возникает вопрос о субъекте такого возмещения. Ведь в уголовно-правовой науке дискутируется проблема юридического значения факта возмещения вреда иными лицами за причинителя. С одной стороны, восстановление прав потерпевшего от преступления происходит независимо от источника возмещения причиненного ущерба. Но, с другой стороны, неучастие в этом процессе причинителя как бы выводит его из соответствующих правоотношений. По сути, на виновного в таком случае может не оказываться уголовно-правовое воздействие.

Высшей судебной инстанцией дано разъяснение о том, что возмещение ущерба по налоговым преступлениям может быть произведено не только виновным, но и другими лицами по его просьбе либо с его согласия*. Думается, что таким образом предпринята попытка принятия взвешенного и, так сказать, усредненного решения. Пленум Верховного Суда РФ не отрицает возможности компенсации ущерба сторонними лицами, но подчеркивает значимость соответствующего волеизъявления причинителя вреда — он должен просить об этом или как минимум быть согласным на возмещение преступного ущерба другими лицами. На наш взгляд, такое правоприменительное решение является оптимальным и в наибольшей степени учитывающим интересы сторон уголовных правоотношений.

В то же время данный шаг в сторону потенциального расширения понимания возмещения вреда небеспочвенен. Дело в том, что все другие основания освобождения от уголовной ответственности (исключение — ст. 78 УК РФ) требуют, помимо возмещения вреда, дополнительной полезной постпреступной активности в виде деятельного раскаяния или примирения с потерпевшим. Основание, установленное ч. 1 ст. 76.1 УК РФ, вероятно, выступает в виде наиболее лояльного и поэтому исключительного снисходительного отношения государства к лицу, совершившему преступление. Частью 2 ст. 76.1 УК РФ предусмотрены более строгие условия для освобождения от уголовной ответственности. Здесь, наряду с собственно возмещением ущерба (как это следует из наименования статьи), уже требуются дополнительные выплаты — денежное возмещение. Причем это возмещение составляет двукратную сумму от ущерба, дохода, убытков или размера деяния, имевших место в конкретном преступлении.

---

* Постановление Пленума ВС РФ от 15 ноября 2016 г. N 48; О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 нояб. 2019 г. N 48 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2020. N 1.

По мнению ряда авторов, кратное возмещение ущерба, предусмотренное ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, имеет неясную юридическую природу. Такое денежное возмещение не является уголовным, административным штрафом и даже мерой гражданско-правового воздействия (например, в смысле ст. 395 ГК РФ) [2, с. 154; 5, с. 121, 123]. Как пишет А.В. Кузнецов, денежное возмещение в данном случае можно рассматривать в качестве своего рода сделки, мирового соглашения или штрафа [6, с. 67]. Ю.В. Голик называет анализируемое основание освобождения от уголовной ответственности откупом от правосудия [7, с. 12].

Имеются основания утверждать, что данные нормы уголовного закона вполне могут быть зачатками нового уголовно-правового института, занимающего промежуточное положение между возмещением ущерба, причиненного преступлением, и уголовным наказанием. Очевидно, что указанное денежное возмещение имеет характер уголовно-правового воздействия. Причем это воздействие отличается, с одной стороны, добровольным его принятием виновным, а с другой — мощным стимулирующим влиянием, поскольку его «плодом» является полное освобождение лица от уголовной ответственности. По нашему мнению, такое соглашение обладает признаками сделки с правосудием. И эта сделка, как представляется, имеет взаимовыгодный характер. Конечно же, такие положения вызывают нарекания, связанные с возможной финансовой недоступностью данной сделки для любых лиц, виновных в совершении преступлений, перечисленных в ч. 2 ст. 76.1 УК РФ. Но принимая во внимание специфику этих преступлений, которые так или иначе связаны с коммерцией и выгодой, можно признать подобные сделки основанными на принципах разумности.

В юридической литературе обсуждается проблема обоснованности наличия одних уголовно-правовых норм о преступлениях в сфере экономической деятельности в ч. 1 ст. 76.1 УК РФ, а других — в части второй этой статьи [4, с. 154-155]. Однако следует отметить, что возмещение ущерба согласно ч. 1 ст. 76.1 УК РФ подразумевает компенсацию не только непосредственно причиненного преступлением вреда, но и пеней, и штрафов, в определенной степени уравнивает строгость соответствующих критериев освобождения от уголовной ответственности. В обоих случаях возмещения ущерба, причиненного преступлением, в чистом виде недостаточно для освобождения лица от уголовной ответственности. Полагаем, что данное обстоятельство во многом уравнивает основание освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба с основаниями, обусловленными деятельным раскаянием и примирением с потерпевшим.

Закономерным является и вопрос о причинах включения конкретных преступлений в перечень, регламентированный ч. 2 ст. 76.1 УК РФ. Попытки анализировать данный список общественно опасных деяний и выявить какие-либо критерии их отбора приводят специалистов лишь к выводу об отсутствии закономерностей и полностью произвольном характере преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 76.1 УК РФ [8, с. 85]. Однако такая произвольность все же является относительной, поскольку все эти деяния, как правило, связаны с извлечением прибыли или иной выгоды.

В теории уголовного права задаются вопросом об итоговом уровне денежного возмещения в порядке ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, который может превышать размер наказания в виде штрафа. Разница в подобных случаях может усматриваться лишь в отсутствии правового последствия в виде судимости [9, с. 115]. Считаем, что подобные погрешности со временем и при необходимости могут быть скорректированы. Как видно, изначальный пятикратный размер денежного возмещения был снижен до двукратного размера. В связи с этим не исключены и дальнейшие корректировки, обусловленные потребностью нахождения оптимального баланса разумности.

Норма, размещенная в ч. 3 ст. 76.1 УК РФ, очевидно, носит временный характер. Прослеживается лишь косвенная ее взаимосвязь с институтом возмещения ущерба, которая проявляется в освобождении отдельных категорий лиц от прямой обязанности возмещения причиненного преступлением вреда. Полагаем, что в данном случае возмещение вреда в определенной и очень опосредованной степе-

ни все же подразумевается. Объясняется это стимулированием легализации теневых активов, итогом которого может выступить инвестиционный экономический компонент.

Немаловажный аспект затрагивается в Постановлении Пленума ВС РФ от 15 ноября 2016 г. N 48 применительно к совершению преступления в соучастии. В частности, указывается, что в случаях совершения в соучастии преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 76.1 УК РФ, освобождение от уголовной ответственности допускается в ситуации полного погашения обязательств одним из соучастников преступления.

Сопоставляя данную правоприменительную рекомендацию с разъяснением о возможности возмещения третьим лицом вреда, причиненного преступлением, необходимо отметить следующее. Ввиду того, что возмещение ущерба в контексте ст. 76.1 УК РФ подразумевает возможность осуществления соответствующей компенсации третьим лицом, но по просьбе или с согласия виновного, это указание должно быть экстраполировано и на случаи совершения преступления в соучастии. В связи с этим применение ст. 76.1 УК РФ к случаям совершения преступления в соучастии является допустимым при наличии полного возмещения ущерба, в том числе в результате произведения выплат одним лицом, но по просьбе или с согласия других соучастников преступления.

Современный отечественный уголовный закон предусматривает еще одно основание освобождения от уголовной ответственности вследствие возмещения ущерба и осуществления денежного возмещения — это судебный штраф. В отличие от денежного возмещения, упоминаемого в ст. 76.1 УК РФ, норма о судебном штрафе, предусмотренная ст. 76.2 УК РФ, является более конкретной. Как пишет А.Г. Полуэктов, данный вид освобождения от уголовной ответственности является достаточно проработанным. В нем сконцентрированы некоторые признаки уголовного наказания, поскольку виновного принуждают произвести уплату денежного штрафа в доход государства. Одновременно освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа вбирает в себя отдельные характеристики других оснований освобождения от уголовной ответственности — возмещение ущерба и иное заглаживание вреда [10, с. 57]. Подобные правовые последствия, по сути, наблюдаются и в ситуации освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба. Компенсационное значение для государства там определяется необходимостью уплаты пеней и штрафов в соответствии с ч. 1 ст. 76.1 УК РФ, а в соответствии с ч. 2 данной статьи еще и денежного возмещения в федеральный бюджет.

Разница в двух указанных случаях освобождения от уголовной ответственности состоит в ограничении возможности применения ст. 76.2 УК РФ только к совершившим преступления небольшой или средней тяжести, а также в ее диспозитивном характере. Кроме того, если в ст. 76.1 УК РФ формулировка о денежном возмещении воспринимается как сопутствующий, второстепенный фактор, то в ст. 76.2 УК РФ она выходит на первый план — это судебный штраф. При этом законодательно определено, что судебный штраф не является наказанием, а выступает в роли иной меры уголовно-правового характера.

Сопоставляя «выгодность» для лица, совершившего преступление, двух рассмотренных оснований освобождения от уголовной ответственности, следует обратить внимание на то, что размеры денежного возмещения в порядке ст. 76.1 УК РФ строго определены суммой дохода, вреда и т.п., а согласно ч. 2 ст. 76.1 УК РФ еще и кратны им. В свою очередь, при назначении судебного штрафа учитывается имущественное положение виновного лица и прямо ограничены только верхние пределы судебного штрафа.

Анализ материалов судебной практики показывает, что применение судебного штрафа, как правило, сопровождается выяснением мнения потерпевшего о полноте возмещения причиненного ему вреда, а также об ином его заглаживании [11, с. 5]. Представляется, что этот момент подлежит обязательному учету и при решении вопроса о применении ст. 76.1 УК РФ.

Важной особенностью освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа является возможность его применения к лицам, совер-

шившим преступления без материальных последствий, неоконченные общественно опасные деяния [10, с. 102].

Таким образом, в последние годы наблюдается расширение значения возмещения ущерба в разрезе оснований освобождения лица от уголовной ответственности. Вместе с тем само по себе возмещение вреда не является самодостаточным основанием для потенциального освобождения лица от уголовной ответственности. Даже применение норм, установленных ст.ст. 76.1 и 76.2 УК РФ, помимо возмещения ущерба, причиненного преступлением, требует сопутствующего денежного возмещения в пользу государства.

Список литературы

1. Магомедов Г.Б. Преступления небольшой и средней тяжести: освобождение от уголовной ответственности и наказания: дис. … канд. юрид. наук. М., 2015. 172 с.

2. Балафендиев А.М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с позитивным посткриминальным поведением: социально-правовые предпосылки, сущность и систематизация видов: дис. … канд. юрид. наук. Казань, 2016. 255 с.

3. Гладких В.И. Парадоксы современного законотворчества: критические заметки на полях Уголовного кодекса // Российский следователь. 2012. N 11. С. 15-18.

4. Власенко В.В. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности: дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. 238 с.

5. Соловьев О.Г., Князьков А.А. Освобождение от уголовной ответственности по делам об экономических преступлениях: технико-юридические аспекты законодательной и правоприменительной практики. Рязань: Концепция, 2014. 211 с.

6. Кузнецов А.В. Общие и специальные основания освобождения от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности: проблемы теории и практики: дис. … канд. юрид. наук. Владивосток, 2017. 202 с.

7. Голик Ю.В. Нельзя откупаться от правосудия: (реплика) // Уголовное право. 2011. N 3. С. 12-13.

8. Хачатрян А.К. Освобождение от уголовной ответственности за преступления в сфере экономической деятельности: дис. … канд. юрид. наук. М., 2014. 168 с.

9. Кузнецов А.В. Освобождение от уголовной ответственности по ч. 2 ст. 76.1 УК РФ // Право и государство: теория и практика. 2016. N 7 (139). С. 113-122.

10. Полуэктов А.Г. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа: теоретический и прикладной аспекты: дис. … канд. юрид. наук. М., 2018. 210 с.

11. Павлов А.В. Основания, условия и порядок возбуждения перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела (уголовного преследования) в отношении подозреваемого (обвиняемого) и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (комментарий) // Законодательство и практика. 2016. N 2 (37). С. 4-6.

References

1. Magomedov G.B. Crimes of small and medium gravity: exemption from criminal liability and punishment. Cand. Diss. Moscow, 2015. 172 p. (In Russ.).

2. Balafendiev A.M. Exemption from criminal liability in connection with positive post-criminal behavior: socio-legal prerequisites, essence and systematization of types. Cand. Diss. Kazan, 2016. 255 p. (In Russ.).

3. Gladkikh V.I. Paradoxes of modern lawmaking: critical notes on the margins of the Criminal Code, 2012, no. 11, pp. 15-18. (In Russ.).

4. Vlasenko V.V. Exemption from criminal liability in cases of crimes in the sphere of economic activity. Cand. Diss. Moscow, 2014. 238 p. (In Russ.).

5. Solovyov O.G., Knyazkov A.A. Liberation from criminal responsibility in cases of economic crimes: technical and legal aspects of legislative and law enforcement practice. Ryazan, Kontseptsiya Publ., 2014. 211 p. (In Russ.).

6. Kuznetsov A.V. General and special grounds for exemption from criminal liability in cases of crimes in the sphere of economic activity: problems of theory and practice. Cand. Diss. Vladivostok, 2017. 202 p. (In Russ.).

7. Golik Yu.V. It is impossible to buy off justice: (replica). Criminal law, 2011, no. 3, pp. 12-13. (In Russ.).

8. Khachatryan A.K. Exemption from criminal liability for crimes in the sphere of economic activity. Cand. Diss. Moscow, 2014. 168 p. (In Russ.).

9. Kuznetsov A.V. Liberation from criminal liability under Part 2 of Article 76.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. Law and the State: theory and practice, 2016, no. 7 (139), pp. 113-122. (In Russ.).

10. Poluektov A.G. Exemption from criminal liability with the appointment of a court fine: theoretical and applied aspects. Cand. Diss. Moscow, 2018. 210 p. (In Russ.).

11. Pavlov A.V. The grounds, conditions and procedure for initiating a petition before the court for the termination of a criminal case (criminal prosecution) against a suspect (accused) and the appointment of a measure of a criminal legal nature in the form of a court fine (comments). Legislation and Practice, 2016, no. 2 (37), pp. 4-6. (In Russ.).

Раздел 8. Обзоры, рецензии, критика

МАЙОРОВ В.И.,
доктор юридических наук,
профессор,
1955715@rambler.ru
Кафедра административной деятельности
органов внутренних дел;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

MAYOROV V.I.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
1955715@rambler.ru
Chair of administrative activities
of the internal affairs bodies;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen,
625049, Russian Federation

ИВАНОВА С.И.,
кандидат юридических наук, доцент,
ivanova-svetaa@mail.ru
Кафедра административной деятельности
органов внутренних дел;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

IVANOVA S.I.,
Candidate of Legal Sciences,
associate professor,
ivanova-svetaa@mail.ru
Chair of administrative activities
of the internal affairs bodies;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75, Tyumen,
625049, Russian Federation

ОТЗЫВ НА ДИССЕРТАЦИЮ О.В. КОВАЛЬЧУК «ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫМ ПРАВОНАРУШЕНИЯМ В СФЕРЕ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ: АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)»*

Аннотация. Обеспечение безопасности участников дорожного движения отнесено к задачам государственной важности. Административно-деликтное законодательство в сфере безопасности дорожного движения постоянно подвергается изменениям, направленным на восполнение пробелов в правовом регулировании административной ответственности за нарушение правил дорожного движения, ее усиление и систематизацию. В то же время, как справедливо отмечается в диссертации О.В. Ковальчук, необходимо кардинальным образом менять ситуацию в данной сфере, сделав приоритетными профилактику и предупреждение административных правонарушений. В отзыве отмечается, что диссертантом на основе анализа эмпирических данных определены социально-правовые факторы, влияющие на деликтность в исследуемой сфере, обоснована целесообразность принятия конкретных организационно-правовых мер, направленных на профилактику и предупреждение соответствующих правонарушений. Наличие в работе дискуссионных моментов подтверждает то, что соискателем изучались действительно проблемные вопросы.

Ключевые слова: административное правонарушение; дорожное движение; административная ответственность; Госавтоинспекция; предупреждение правонарушений, деликтность.

Для цитирования: Майоров В.И., Иванова С.И. Отзыв на диссертацию О.В. Ковальчук «Противодействие административным правонарушениям в сфере дорожного движения: административно-деликтологический аспект (по материалам Дальневосточного федерального округа)» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 1 (55). С. 97-101.

* Ковальчук О.В. Противодействие административным правонарушениям в сфере дорожного движения: административно-деликтологический аспект (по материалам Дальневосточного федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Омск, 2020. 244 с.

REVIEW OF O.V. KOVALCHUK'S THESIS "COUNTERING ADMINISTRATIVE OFFENCES IN THE FIELD OF ROAD TRAFFIC: ADMINISTRATIVE AND TORT ASPECT (BASED ON THE MATERIALS OF THE FAR EAST FEDERAL DISTRICT)"

Annotation. Ensuring the safety of road users is classified as a matter of national importance. Administrative and tort legislation in the field of road traffic safety is constantly undergoing changes aimed at filling in the gaps concerning the legal regulation of administrative responsibility for traffic violations, its strengthening and systematization. At the same time, as rightly noted in the dissertation written by O.V. Kovalchuk, it is necessary to radically change the current situation in this area, making preventive measures and prevention of administrative offences in the field of road traffic a priority. The reviewers note that the applicant, basing on the analysis of empirical data, has identified social and legal factors that affect delinquency in the analyzed area and has substantiated the advisability of taking specific organizational and legal measures aimed at preventing offences in the field under study. The discussion points contained in the thesis confirm that the applicant has studied really problematic issues.

Keywords: administrative offence; road traffic; administrative responsibility; State traffic safety inspectorate; prevention of offences, delinquency.

For citation: Mayorov V.I., Ivanova S.I. Review of O.V. Kovalchuk's thesis "Countering administrative offences in the field of road traffic: administrative and tort aspect (based on the materials of the Far East Federal District)" // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 1 (55). P. 97-101.

Административные правонарушения в сфере дорожного движения занимают особое место по своему негативному влиянию, массовости, опасности для общества. Законодательство, регламентирующее различные вопросы сферы дорожного движения, претерпело за последнее время самые значительные изменения. Проблема безопасности на дорогах остается сложной, следовательно, требуются новые способы сокращения административной деликтности в сфере дорожного движения. Решение проблемы может быть эффективным только при наличии глубоко разработанной научно-теоретической основы исследуемой сферы. В связи с этим обозначенная О.В. Ковальчук тема является своевременной и значимой как для юридической науки, так и для практики.

Избранная тема соответствует научной специальности 12.00.14 – Административное право; административный процесс.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в сфере дорожного движения. В качестве предмета исследования были определены: нормы российского законодательства, теоретико-правовые источники, разъясняющие понятие административного правонарушения в сфере дорожного движения, механизм его совершения, правовые, научные основы профилактики и предупреждения административных правонарушений в сфере дорожного движения, соответствующая деятельность государственных и общественных институтов, материалы правоприменительной деятельности сотрудников Госавтоинспекции, статистические данные, результаты социологических исследований.

Аргументируя актуальность и практическую значимость темы диссертационного исследования, Ольга Владимировна определила в качестве его цели разработку научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательства Российской Федерации, обоснование административно-правовых и социальных мер по противодействию административным правонарушениям в сфере дорожного движения. Для достижения цели диссертант сформулировал ряд задач, результатом решения которых являются выносимые на защиту положения и практические рекомендации по совершенствованию способов сокращения административной деликтности в исследуемой сфере, деятельности государственных органов, обеспечивающих профилактику и предупреждение правонарушений в сфере дорожного движения, что, несомненно, характеризует представленное исследование как имеющее существенное значение для административно-правовой науки.

В основу диссертации положен диалектический метод познания социально-правовых явлений и процессов. Решая поставленные в диссертации задачи, автор использовал широкий круг методов

научного познания, с помощью которых удалось грамотно толковать нормы права, регулирующие вопросы сферы дорожного движения.

Достоверность полученных результатов, выводов и рекомендаций, сформулированных в диссертации, подтверждают также использование соискателем статистических данных, грамотная интерпретация проведенных им опросов сотрудников Госавтоинспекции, участников дорожного движения, изучение свыше 350 дел об административных правонарушениях, возбужденных должностными лицами управлений ГИБДД УМВД России субъектов Дальневосточного федерального округа по статьям главы 12 КоАП РФ в 2013-2018 годах. Внушительной является также теоретическая и нормативная база исследования.

Об основательности проведенного исследования свидетельствует и список из тринадцати опубликованных работ, в которых изложены основные теоретические положения и выводы диссертационного исследования. Восемь из этих работ размещены в научных журналах и изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки Российской Федерации для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по юридическим специальностям. Достаточной является апробация результатов на международных и всероссийских научно-практических конференциях.

Избранная автором тема соответствует основным направлениям обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации, определенным приказом МВД России от 1 апреля 2016 г. N 155 «Об осуществлении научной (научно-исследовательской) деятельности в органах внутренних дел Российской Федерации», а именно: МВД России в обеспечении национальной безопасности; профилактика преступлений и иных правонарушений; административно-юрисдикционная деятельность; теоретические проблемы административно-правовых дисциплин.

Научная новизна исследования проявляется в том, что автору при изучении состояния, структуры и динамики административной деликтности в сфере дорожного движения за период с 2013 по 2018 год удалось выявить потенциально опасные показатели и степень их влияния на дорожно-транспортные происшествия, а кроме того, определить социально-правовые факторы, влияющие на деликтность в исследуемой сфере, предложить конкретные практико-ориентированные меры по ослаблению наиболее выраженных из них, выработать организационно-правовые меры по совершенствованию деятельности государственных органов, обеспечивающих профилактику и предупреждение правонарушений в сфере дорожного движения, а также социальные меры по противодействию административным правонарушениям в указанной сфере.

Диссертант исследовал содержание понятия и сущности административного правонарушения в данной сфере, а также его признаки, сформулировал определение понятия административного правонарушения в сфере дорожного движения. Несомненной заслугой О.В. Ковальчук является то, что она не только выявляет пробелы в законодательстве, а также факторы, негативно влияющие на состояние безопасности дорожного движения, но и вносит конкретные предложения, предлагает пути решения проблем в данной сфере.

Оригинальность работе О.В. Ковальчук добавляет и то, что проведенное исследование опирается на труды специалистов как в области административного права, так и смежных областей знаний – уголовного права, криминологии, социологии. Автор наглядно подтверждает свои выводы статистическими данными, представленными в таблицах и диаграммах.

Научные положения, выводы и рекомендации, изложенные в диссертации, носят авторский характер и базируются на объемном научном, нормативном и практическом материале, который подвергнут критическому осмыслению.

Достижение цели автором осуществлялось поэтапно, каждый параграф завершается соответствующими выводами, полученными в ходе исследования, позволяющими выйти на комплексный результат, содержащий научную новизну.

Структура работы является логически последовательной и состоит из введения, трех глав, включающих в себя шесть параграфов, заключения, списка использованных источников и приложений.

Глава первая «Общая характеристика административных правонарушений в сфере дорожного движения» состоит из двух параграфов. В первом параграфе «Сущность административного правонарушения в сфере дорожного движения» исследуются правовая природа и содержание административного правонарушения в сфере дорожного движения, его признаки: деяние, общественная опасность, противоправность, виновность, административная наказуемость. Автор уделяет особое внимание общественной опасности, отмечая, что административное правонарушение в сфере дорожного движения общественно опасно, для него характерно перерастание случайности в закономерность, приводящее к тяжелым последствиям (с. 30). Во втором параграфе «Становление и развитие правового регулирования охраны общественных отношений в сфере дорожного движения» рассматривается ретроспекция правового регулирования охраны общественных отношений в сфере дорожного движения в России, выделена его периодизация и соответствующие особенности (с. 63-67).

Глава вторая «Административно-деликтологическая характеристика административных правонарушений в сфере дорожного движения» также состоит из двух параграфов, в первом из них («Состояние, структура и динамика административной деликтности в сфере дорожного движения») анализируются состояние, структура и динамика административных правонарушений в сфере дорожного движения, выявленных территориальными органами МВД России, а во втором – «Факторы, влияющие на совершение административных правонарушений в сфере дорожного движения» – проводится комплексное исследование причин и условий, способствующих совершению данных административных правонарушений.

Глава третья «Субъекты социально-правового противодействия административным правонарушениям в сфере дорожного движения» состоит из двух параграфов. В первом параграфе «Совершенствование деятельности государственных органов, обеспечивающих противодействие административным правонарушениям в сфере дорожного движения» проводится комплексное исследование особенностей административно-правового обеспечения профилактики и предупреждения административных правонарушений в сфере дорожного движения, а в параграфе под названием «Социальные меры противодействия административным правонарушениям в сфере дорожного движения» определяются и рассматриваются основные направления совершенствования профилактики и предупреждения административных правонарушений в сфере дорожного движения, имеющие социальный характер.

Заключение отражает выводы, которые были получены в ходе всего исследования. Анализ их последовательности показал соответствие поставленным во введении задачам.

Таким образом, диссертационная работа является комплексным самостоятельным исследованием, основные научные положения, выводы, предложения, рекомендации которого достаточно логичны и аргументированы. Их можно считать значимыми для правоприменительной практики и имеющими научную новизну.

Отмечая достоинства работы и важность затронутых проблем, следует обратить внимание на некоторые моменты, требующие дополнительного обсуждения:

1. Спорным является предложение автора об исключении из обязанностей Госавтоинспекции выдачи заключений соискателям на осуществление образовательной деятельности о соответствии учебно-материальной базы и оставление в качестве обязанности только согласования программ подготовки (переподготовки) водителей (с. 14-15 диссертации, с. 12, 26 автореферата диссертации). На наш взгляд, данные направления являются взаимосвязанными. Реализация данного предложения может привести к значительному сужению контрольных функций Госавтоинспекции в обеспечении безопасности дорожного движения и утрате влияния на качество подготовки (переподготовки) водителей.

2. Требуется дополнительная аргументация положения N 4, выносимого

на защиту, в отношении вывода автора: «Противодействие административным правонарушениям в сфере дорожного движения неуклонно ведет к сокращению числа погибших в дорожно-транспортных происшествиях».

Высказанные замечания не снижают научной и практической значимости работы, диссертация Ковальчук Ольги Владимировны «Противодействие административным правонарушениям в сфере дорожного движения: административно-деликтологический аспект (по материалам Дальневосточного федерального округа)» представляет собой законченную научно-исследовательскую работу, в которой решена важная правоприменительная задача.

В целом изучение диссертации О.В. Ковальчук позволяет сделать вывод о том, что предложения автора, выносимые на защиту, могли бы восполнить пробелы российского законодательства в сфере безопасности дорожного движения и способствовать повышению эффективности профилактики административных правонарушений в сфере дорожного движения. Наличие же дискуссионных моментов означает, что соискатель действительно затронул проблемные вопросы в исследуемой области.

Полученные результаты, несомненно, имеют большое теоретическое значение и могут использоваться в научно-исследовательской деятельности, а также в деятельности государственных органов, обеспечивающих профилактику и предупреждение правонарушений в сфере дорожного движения, в деятельности должностных лиц, уполномоченных рассматривать исследуемые административные правонарушения, органов и лиц, обладающих правом законодательной инициативы, при разработке законопроектов, программ, стратегий, направленных на повышение эффективности мер противодействия административным правонарушениям в сфере дорожного движения, совершенствования норм Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Материалы исследования могут использоваться в образовательном процессе при преподавании дисциплин «Административное право», «Административная деятельность полиции», «Деликтология», а также при проведении занятий в системе профессиональной служебной подготовки сотрудников органов внутренних дел.

Таким образом, диссертация «Противодействие административным правонарушениям в сфере дорожного движения: административно-деликтологический аспект (по материалам Дальневосточного федерального округа)», представленная к защите на соискание ученой степени кандидата юридических наук, выполнена на достойном теоретико-прикладном уровне, сформулированные в ней выводы, предложения и рекомендации обладают научной новизной и соответствуют критериям, установленным абз. 2 п. 9, п. 10, п. 11 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. N 842*.

---

* О порядке присуждения ученых степеней: постановление Правительства Российской Федерации от 24 сент. 2013 г. N 842: ред. от 1 окт. 2018 г. // Официальный интернет-портал правовой информации: URL: http://www.pravo.gov.ru

ЧЕРНОВА С.С.,
кандидат юридических наук,
chernovaswetlana@mail.ru
Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел;
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
625049, г. Тюмень, ул. Амурская, 75

CHERNOVA S.S.,
Candidate of Legal Sciences,
chernovaswetlana@mail.ru
Research and editorial and publishing
department;
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Amurskaya St. 75,
Tyumen, 625049,
Russian Federation

АНАЛИЗ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛА «ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА»

Аннотация. В статье представлен анализ журнала «Юридическая наука и правоохранительная практика» как научного периодического издания. Выделена миссия журнала, раскрыты цели издания, приведены основные рубрики, перечислены материалы, представляющие интерес для журнала. Рассмотрены критерии рецензирования статей, направляемых в издание на рассмотрение. Оценен состав редакционной коллегии журнала. С учетом представленных на платформе научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU признаков, позволяющих отнести журнал к значимым изданиям, а также методики оценки качества научного журнала, используемой Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, проанализированы характеристики журнала «Юридическая наука и правоохранительная практика», сделан обоснованный вывод, позволяющий отнести журнал к значимым, качественным научным изданиям.

Ключевые слова: научно-практический журнал; рецензирование; редакционная коллегия; значимое научное издание; показатели качества журнала.

Для цитирования: Чернова С.С. Анализ научно-практического журнала «Юридическая наука и правоохранительная практика» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 1 (55). С. 102-114.

ANALYSIS OF SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL "LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE"

Annotation. The analysis of the journal "Legal Science and Law Enforcement Practice" as a scientific periodical is presented in the article. The mission of the journal is stated, the aims and scope of the publication are described, the main sections are listed, the focus and scope of the manuscripts the journal welcomes are presented. The criteria for reviewing the scientific papers submitted to the journal are considered. The composition of the journal's editorial board is characterized. Taking into account the criteria presented on the platform of the scientific electronic library eLIBRARY.RU, allowing to classify a journal as a significant publication, as well as the methods for assessing the quality of a scientific journal used by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, the characteristics of the journal "Legal Science and Law Enforcement Practice" are analyzed. A reasonable conclusion, allowing to classify the journal as a significant, high quality scientific publication, is made.

Keywords: scientific and practical journal; peer review; editorial board; significant scientific publication; journal quality indicators.

For citation: Chernova S.S. Analysis of scientific and practical journal "Legal Science and Law Enforcement Practice" // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 1 (55). P. 102-114.

Научно-практический журнал «Юридическая наука и правоохранительная практика» является средством массовой информации, учрежден в 2006 году и ежеквартально издается Тюменским институтом повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации* (далее — ТИПК МВД России).

С 2010 года журнал включен в Перечень российских рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (12:00:00 — юридические науки) и в базу данных «Российский индекс научного цитирования» (далее — РИНЦ) научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU. Все статьи размещаются в научной электронной библиотеке в полнотекстовом виде. С содержанием журнала можно ознакомиться на сайте ТИПК МВД России в сети Интернет, где имеется архив номеров с 2006 года.

Кроме того, он рассылается в ведущие публичные библиотеки Российской Федерации, образовательные организации системы МВД России, иностранные образовательные организации, осуществляющие подготовку кадров для правоохранительных органов**.

Научно-практический журнал «Юридическая наука и правоохранительная практика» ежегодно включается в объединенный каталог «Пресса России» и распространяется по подписке, что отвечает требованию Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (далее — ВАК Минобрнауки России) об информационной открытости***.

В соответствии с опубликованными в 2020 году интегральными показателями научных журналов в системе Science Index журнал «Юридическая наука и правоохранительная практика» занимает 18 место из 345 в рейтинге за 2019 год по тематике «Государство и право. Юридические науки» (2018 год — 28 место). В общем рейтинге журнал «Юридическая наука и правоохранительная практика» занимает 250 место из 4137 российских журналов****.

В 2017 году журнал успешно прошел перерегистрацию в ВАК Минобрнауки России; в 2020 году — перерегистрацию в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций и проверку Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Тюменской области, Ханты-Мансийскому автономному округу — Югре и Ямало-Ненецкому автономному округу (ПИ N ФС77-79556 от 7 декабря 2020 г.).

Журнал «Юридическая наука и правоохранительная практика» предназначен для всестороннего научного освещения правоохранительной реальности России

---

* Положение об издаваемом Тюменским институтом повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации международном рецензируемом журнале открытого доступа «Юридическая наука и правоохранительная практика»: утв. приказом ТИПК МВД России от 18 янв. 2014 г. N 877. Документ официально опубликован не был. (Далее — Положение о журнале).

** Академия МВД Республики Беларусь, Могилевский институт МВД Республики Беларусь, Алматинская академия МВД Республики Казахстан имени Макана Есбулатова, Академия МВД Республики Таджикистан, Карагандинская академия МВД Республики Казахстан имени Баримбека Бейсенова.

*** Об утверждении правил формирования перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, и требований к рецензируемым научным изданиям для включения в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 12 дек. 2016 г. N 1586: ред. от 15 февр. 2018 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru

**** Интегральные показатели научных журналов в системе Science Index (РИНЦ) за 2019 г. // Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU: официальный сайт. URL: http://elibrary.ru/titles_compare.asp

и зарубежных государств. «Миссия издания – создание творческой дискуссионной площадки для обоснования и критического осмысления научных идей, сферой приложения которых является правоохранительная практика»*.

Указанное выше определяет основные цели журнала:

1. Опубликование и распространение итогов научно-исследовательской деятельности, отечественного и зарубежного положительного опыта в сфере правоохранительной практики;

2. Отражение основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени кандидата и доктора наук, обеспечение условий эффективной подготовки научно-педагогических кадров;

3. Развитие научного обеспечения высшего и дополнительного профессионального образования и подготовки кадров для правоохранительных органов;

4. Обеспечение развития научных школ и направлений, открытой научной полемики, экспертизы предлагаемых научных решений в области юридической науки и правоохранительной практики**.

Публикуемые в журнале «Юридическая наука и правоохранительная практика» научные материалы структурируются по основным рубрикам:

– методология правоохранительной деятельности;
– охрана и защита прав человека;
– административная деликтология;
– уголовный закон;
– криминологическая наука;
– пенитенциарная система;
– правоохранительная политика;
– уголовно-процессуальное обозрение;
– совершенствование правоохранительной практики;
– экспертно-криминалистическое обеспечение правоохранительной деятельности;
– компаративистика и зарубежный опыт;
– проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей.

Кроме того, с учетом поступающих для опубликования научных материалов по решению редакционной коллегии журнала в издании могут быть введены временные или разовые рубрики.

Например, в N 4 (50) за 2019 год включена рубрика «Спецтема: Проблемы наказуемости противоправных деликтов», в N 4 (54) за 2020 год включена рубрика «Обзоры рецензии, критика» и «Спецтема: Юбилеи, памятные даты».

В каждом номере журнала публикуется в среднем 20 статей, а за год выходит около 88 статей*** (см. табл. 1, рис. 1), что отвечает признакам авторитетного научного издания, по мнению представителей научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, указавших в 2017 году в качестве одной из характеристик «мусорных журналов» большой объем издания****.

Таблица 1

Распределение количества статей по номерам журнала в 2011–2020 гг.

Год	Среднее количество статей в номере	Количество статей в год
2011	17	68
2012	18	70
2013	18	73
2014	26	104
2015	28	112
2016	30	119
2017	29	115
2018	22	90
2019	18	72
2020	14	57

* Положение о журнале.

** Там же.

*** Анализируемый период – с 2011 по 2020 год включительно.

**** Исключение журналов из РИНЦ, ретракция статей и открытые рецензии: вопросы и ответы // Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU: официальный сайт. URL: http://elibrary.ru

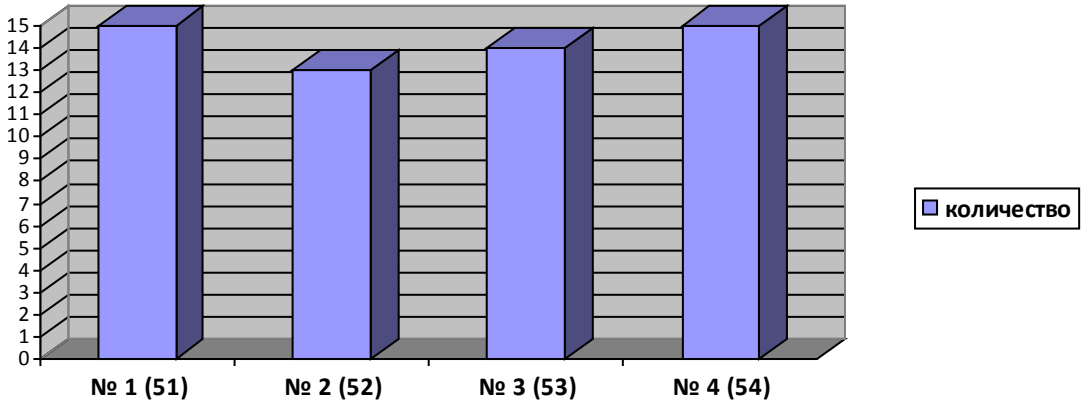

Рис. 1. Распределение количества статей по номерам журнала «Юридическая наука и правоохранительная практика» в 2020 году

Аналогичной позиции придерживаются авторы, критикующие журналы, в которых в течение года публикуется по несколько тысяч статей [1, с. 160, 162].

Помимо количества статей, публикуемых в каждом номере журнала, А.В. Загребельный выделяет еще несколько связанных с ним характеристик, подлежащих исследованию при анализе качества журнала:

«1) разнообразие контингента авторов с точки зрения географии;

2) доля статей "внешних" авторов;

3) количество статей специалистов высших научных квалификаций в общей массе публикаций» [2, с. 2].

Анализируя «географию» авторов, отметим, что журнал «Юридическая наука и правоохранительная практика» характеризуется международным составом авторов. Так, за 15 лет существования журнала в нем опубликованы научные статьи, поступившие из Казахстана, Белоруссии, Кыргызстана, Чехии, Германии и т.д.

Например, в N 4 (50) за 2019 год опубликована статья «Особенности уголовной ответственности за убийство в США и Республике Узбекистан: сравнительный анализ», автором которой является сотрудник Ташкентского государственного юридического университета (Республика Узбекистан) Х.М. Абзалова; в N 1 (43) за 2018 год опубликована статья «Стратегическое управление человеческими ресурсами органов внутренних дел», подготовленная сотрудником Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь Ю.Л. Сиваковым; в N 4 (38) за 2016 год опубликована статья «Безопасность и компьютерная преступность в Германии», подготовленная О.А. Зигмунт, сотрудником Хафен Сити университета Гамгурга (Федеративная Республика Германия).

Кроме того, в журнале публикуются научные материалы, подготовленные авторами из разных регионов Российской Федерации (см. табл. 2).

Таблица 2

«География» авторов статей в журнале в 2016–2020 гг.

Год	Номер	«География» авторов
2020	1 (51)	Москва, Нижний Новгород, Рязань, Красноярск, Омск, Тюмень, Екатеринбург, Челябинск, Ростов-на-Дону
	2 (52)	Саратов, Москва, Нижний Новгород, Омск, Рязань, Тюмень, Барнаул, Курган
	3 (53)	Тольятти, Москва, Тюмень, Иркутск, Екатеринбург, Волгоград
	4 (54)	Саратов, Челябинск, Тюмень, Хабаровск, Рязань, Санкт-Петербург, Казань, Москва, Омск, Ханты-Мансийск

продолжение таблицы 2

2019	1 (47)	Тюмень, Иркутск, Троицк, Москва, Челябинск, Омск, Нижний Новгород, Красноярск, Екатеринбург
	2 (48)	Красноярск, Екатеринбург, Тольятти, Хабаровск, Омск, Иркутск, Тюмень, Курск, Симферополь, Саратов, Ростов-на-Дону
	3 (49)	Тольятти, Омск, Барнаул, Рязань, Заозерск, Иркутск, Черкесск, Ханты-Мансийск
	4 (50)	Тольятти, Хабаровск, Тюмень, Рязань, Челябинск, Сургут, Москва, Екатеринбург, Волгоград, Ташкент (Республика Узбекистан)
2018	1 (43)	Екатеринбург, Владимир, Челябинск, Курган, Москва, Омск, Нижневартовск, Иркутск, Уфа, Волгоград, Ханты-Мансийск, Хабаровск, Минск (Республика Беларусь)
	2 (44)	Саратов, Красноярск, Челябинск, Симферополь, Тюмень, Москва, Нижневартовск, Самара, Тольятти, Иркутск, Казань, Коломна, Нижний Новгород
	3 (45)	Саратов, Санкт-Петербург, Омск, Белгород, Екатеринбург, Барнаул, Москва, Тольятти, Челябинск, Хабаровск, Стерлитамак, Владимир, Иркутск, Тверь, Новокузнецк, Ростов-на-Дону
	4 (46)	Москва, Нижний Новгород, Тольятти, Тюмень, Волгоград, Симферополь, Ханты-Мансийск, Челябинск, Хабаровск, Москва, Краснодар
2017	1 (39)	Омск, Челябинск, Москва, Симферополь, Красноярск, Краснодар, Тюмень, Салехард, Казань, Хабаровск, Санкт Петербург, Волгоград, Владивосток, Орск, Иваново, Минск (Республика Беларусь)
	2 (40)	Тольятти, Тюмень, Екатеринбург, Москва, Челябинск, Новосибирск, Курган, Нальчик, Саратов, Рязань, Новоалтайск, Иркутск, Омск, Минск (Республика Беларусь)
	3 (41)	Москва, Тольятти, Тюмень, Иркутск, Екатеринбург, Челябинск, Волгоград, Брянск, Симферополь
	4 (42)	Ханты-Мансийск, Тюмень, Владивосток, Омск, Екатеринбург, Красноярск, Троицк, Барнаул, Салехард, Черкесск, Казань, Москва, Челябинск, Волгоград
2016	1 (35)	Екатеринбург, Иркутск, Нижний Новгород, Тюмень, Иркутск, Нижневартовск, Ханты-Мансийск, Москва, Новосибирск, Ставрополь, Саратов, Омск, Волгоград, Краснодар, Душанбе (Республика Таджикистан), Астана (Республика Казахстан)
	2 (36)	Тольятти, Москва, Саратов, Симферополь, Санкт-Петербург, Казань, Новосибирск, Курган, Тюмень, Омск, Нальчик, Киров, Хабаровск, Волгоград, Екатеринбург, Барнаул, Челябинск, Нижневартовск, Уфа, Чебоксары, Ростов-на-Дону, Алматы (Республика Казахстан)
	3 (37)	Тольятти, Иркутск, Белгород, Екатеринбург, Тюмень, Челябинск, Новокузнецк, Саратов, Волгоград, Ставрополь, Москва, Хабаровск, Красноярск, Омск, Шымкент (Республика Казахстан), Душанбе (Республика Таджикистан)
	4 (38)	Иркутск, Тюмень, Москва, Челябинск, Красноярск, Екатеринбург, Омск, Нижний Новгород, Санкт-Петербург, Рязань, Владивосток, Вологда, Самара, Орел, Волгоград, Гамбург (Федеративная Республика Германия)

В вышедших в свет выпусках журнала опубликованы материалы, подготовленные авторами, работающими в научно-исследовательских, образовательных организациях (в том числе в ТИПК МВД России), органах государственной власти и управления и т.д. (см. табл. 3, рис. 2, 3).

Таблица 3

Распределение количества статей в зависимости от места работы авторов в 2016–2020 гг.

Год	Общее количество статей (в номере)				Количество статей сотрудников и работников ТИПК МВД России (в номере)				Количество статей «внешних» авторов (в номере)			
	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
2020	15	13	14	15	3,3	2	7	3	11,7	11	7	12
2019	20	17	15	20	6,5	6	5	8,5	13,5	11	10	11,5
2018	21	24	23	22	3	6,5	4,5	7	18	17,5	18,5	15
2017	29	29	29	28	4	8	9,5	7	25	21	19,5	21
2016	30	30	30	29	4	3,5	2,8	4,5	26	26,5	27,2	24,5

Рис. 2. Распределение количества статей в N 4 (54) журнала «Юридическая наука и правоохранительная практика» за 2020 год в зависимости от места работы авторов*

Рис. 3. Распределение количества статей в N 1 (1) за 2006 год журнала «Юридическая наука и правоохранительная практика» в зависимости от места работы авторов*

* Опубликовано 15 статей, из них: 3 статьи подготовлены сотрудниками и работниками ТИПК МВД России, 12 статей – «внешними» авторами.

* Опубликовано 17 статей, из них: 12,5 статей подготовлены сотрудниками и работниками ТИПК МВД России, 4,5 статей – «внешними» авторами.

Среди авторов журнала «Юридическая наука и правоохранительная практика» известные ученые, в том числе члены-корреспонденты и академики Национальной академии наук Беларуси (НАН), Российской академии естественных наук (РАЕН), заслуженные деятели науки Российской Федерации, заслуженные юристы Российской Федерации, квалифицированные служащие правоохранительных органов (судьи Конституционного Суда Российской Федерации, федеральные и мировые судьи, работники прокуратуры, сотрудники органов внутренних дел).

Вместе с тем внимание уделяется и работам молодых исследователей. Для них в журнале отведена отдельная рубрика – «Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей» (см. рис. 4).

Рис. 4. Распределение количества статей, подготовленных специалистами разного уровня квалификации, в N 4 (54) за 2020 год*

* Всего подготовлено 15 статей 17-ю авторами.

Анализируя журнал «Юридическая наука и правоохранительная практика», целесообразно рассмотреть применительно к нему и другие признаки значимых (качественных) изданий, выделенные eLIBRARY.RU, Л.Р. Байдавлетовой [1, с. 162], А.А. Муравьевым [3, с. 16, 32], а именно:

1) объективное качественное рецензирование;

2) средние сроки опубликования статей;

3) тенденция к более узкой специализации;

4) небольшой объем издания;

5) бесплатность публикаций;

6) полное отсутствие рекламы с приглашением опубликоваться;

7) отсутствие заочных псевдоконференций и коллективных монографий;

8) авторитетность состава редколлегии и ее соответствие тематике журнала*.

Так, журнал «Юридическая наука и правоохранительная практика» является рецензируемым изданием. Согласно Положению о журнале все публикуемые материалы проходят научную экспертизу.

Л.Р. Байдавлетова отмечает, что качество выпускаемых научных журналов напрямую зависит от основательного рецензирования [1, с. 161].

По мнению С.А. Романовой, «...рецензирование способствует сохранению репутации журнала» [4, с. 139].

И.Д. Котляров, анализируя методику оценки качества научного журнала, пишет, что факт публикации в журнале, предусматривающем обязательное рецензирование, «означает то, что содержание и выводы статьи не вызвали серьезных возражений у рецензентов, являющихся, как

* Признаки «мусорных журналов», выделенные eLIBRARY.RU:
– формальное некачественное рецензирование либо его полное отсутствие;
– большой объем издания;
– мультидисциплинарность;
– платность публикаций;
– назойливая реклама с приглашением опубликоваться;
– заочные псевдоконференции и коллективные монографии;
– неавторитетность состава редколлегии и ее несоответствие тематике журнала;
– короткие сроки опубликования статей.

правило, учеными, успешно работающими в той же или близкой отрасли науки, что и сам автор» [5, с. 5].

Вместе с тем мнения издателей по «кандидатуре рецензента» расходятся.

Так, В.В. Чистяков* и Е.В. Ястребов** рекомендуют научному руководителю писать рецензию по кандидатской диссертации, научному консультанту — по докторской диссертации или обратиться «к ведущему специалисту по данной тематике либо получить выписку из решения ученого совета» [6, с. 13]. В то же время они отмечают, что наблюдают случаи положительного рецензирования научным руководителем некачественной статьи соискателя (например, «содержится много ошибок»). Решая сложившуюся проблему, В.В. Чистяков и Е.В. Ястребов указывают, что все статьи, кроме внешнего рецензирования, проходят внутреннее рецензирование «силами редколлегии», а также наряду со статьей в их журналах печатаются рецензии [6, с. 13].

Л.Р. Байдавлетова***, анализируя журнал «Вестник Уфимского юридического института МВД России», подчеркивает, что статьи проходят рецензирование членами редакционной коллегии журнала [1, с. 161].

Более верным представляется подход, закрепленный Положением о журнале: «в качестве рецензента привлекается специалист, в том числе член редакционной коллегии, профессиональная компетентность которого позволяет оценить представленный материал». Рецензенту не сообщаются сведения об авторах рецензируемого материала, авторам — сведения о рецензенте («двойное слепое» рецензирование). Такие сведения могут быть предоставлены по просьбе названных лиц после проведения экспертной оценки и представления рецензии в редакционную коллегию». Член редакционной коллегии может быть привлечен к дополнительному рецензированию научного материала, при этом его профессиональная компетентность должна позволять оценить представленный на рецензирование материал.

В настоящее время в состав редакционной коллегии журнала «Юридическая наука и правоохранительная практика» входят 23 человека, имеющих ученые степени и звания (18 докторов наук, 3 кандидата наук; 17 профессоров, 4 доцента; 1 заслуженный работник высшей школы Российской Федерации; 5 заслуженных деятелей науки Российской Федерации; 1 лауреат государственной премии Российской Федерации).

В соответствии с Положением о журнале предметом оценки рецензента являются:

1) актуальность, степень научной проработанности проблемы и новизна исследования;

2) логическая стройность и грамотность изложения рассматриваемых вопросов;

3) научно-теоретический уровень материала (методология исследования, постановка проблем, анализ научных взглядов, обоснованность и аргументированность выводов и предложений, их значимость, степень самостоятельности автора в раскрытии рассматриваемых вопросов и иное);

4) наличие в материале необходимого инструментария (ссылки на законодательство, акты официального толкования права, материалы правоприменительной практики, научную литературу и иные данные);

5) ошибки, неточности, недостаточно аргументированные или спорные положения, замечания по отдельным вопросам или в целом по материалу с указанием страниц рецензируемого научного материала;

6) иные элементы по усмотрению рецензента.

В.В. Чистяков и Е.В. Ястребов указывают, что важным элементом рецензии является вывод о том, что статья «не содержит сведений, не разрешенных для опубликования в открытой печати, и не содержит научных материалов, принадлежащих другим авторам» [6, с. 13].

Подчеркивая существенное внимание, уделяемое редакционной коллегией журнала «Юридическая наука и правоохранительная практика» вопросам оригинальности научного материала, представ-

* Чистяков В.В. — заместитель главного редактора журнала «Бизнес в законе».

** Ястребов Е.В. — главный редактор журнала «Бизнес в законе».

*** Байдавлетова Л.Р. — старший редактор редакционно-издательского отдела Уфимского юридического института МВД России.

ленного для опубликования, все же позволим себе не согласиться с суждениями указанных авторов. По данному вопросу мы придерживаемся позиции, закрепленной» в Положении о редакционно-издательской деятельности ТИПК МВД России*, а также в других локальных нормативных актах ТИПК МВД России, в соответствии с которыми рукопись на оригинальность с использованием специализированного программного обеспечения проверяется самим автором (авторами)**.

Аналогичную позицию приводит в своей работе Л.Р. Байдавлетова, указывая, что «авторы предъявляют справку о проверке рукописи на оригинальность, утвержденную начальником кафедры» [1, с. 161, 162].

С.А. Романова, исследуя вопросы рецензирования статей в научном журнале, выделяет следующие критерии, на которые рецензент должен обратить внимание:

«1) глубина проработки проблемы, широта рассмотренных источников и литературы;

2) качество текста (логичное и понятное изложение своих мыслей; отсутствие словоблудия);

3) методы и результаты исследования и т.д.» [4, с. 140-142].

О.Я. Муха предлагает 26 критериев оценки статьи (18 — требования к содержанию, 8 — требования к оформлению), однако отмечает, что объем их применения относится «к усмотрению конкретной редакции» [7].

На основе рецензирования редакционная коллегия принимает решение: об опубликовании научного материала; о доработке научного материала***; об отклонении научного материала.

Таким образом, все статьи, поступающие в редакцию журнала «Юридическая наука и правоохранительная практика», проходят объективное качественное рецензирование.

Анализируя вопросы рецензирования статей в научном журнале, С.А. Романова выделяет ряд проблемных моментов, влекущих принятие решения о доработке научного материала или о его отклонении:

«1) слабая проработанность теоретического материала;

2) незначительная практическая значимость исследования;

3) отсутствие правовой регламентации по рассматриваемому вопросу и т.д.» [4, с. 142].

В качестве одного из путей решения основных проблем исследователь указывает на необходимость обучения потенциальных авторов академическому письму [4, с. 141].

Поддерживая точку зрения С.А. Романовой, отметим, что вопросы обучения потенциальных авторов ТИПК МВД России академическому письму неоднократно становились предметом обсуждения на оперативном совещании при начальнике ТИПК МВД России. В их продолжение научно-исследовательским и редакционно-издательским отделом Тюменского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2020 году было организовано обучение четырнадцати сотрудников института по курсу «Академическое русское письмо» на интернет-ресурсе «Открытое образование»****.

Так, в N 4 (54) за 2020 год опубликована статья «Использование дактилоскопических карт, полученных посредством комплекса "живой сканер" и АДИС "Папилон" при производстве дактилоскопической экспертизы», подготовленная сотрудником ТИПК МВД России Н.Л. Эйхвальд, которая в 2020 году прошла обучение по курсу «Академическое русское письмо».

Редакционная коллегия журнала «Юридическая наука и правоохранительная практика» ориентирует авторов на опубликование эффективных научных решений, направленных:

---

* Положение о редакционно-издательской деятельности ТИПК МВД России: утв. приказом ТИПК МВД России от 25 янв. 2016 г. N 42. Документ официально опубликован не был.

** Указанный подход не препятствует проведению рецензентом или коллективом редакции повторной проверки статьи на предмет неправомерных заимствований.

*** По мнению коллектива редакции журнала «Российский внешнеэкономический вестник», улучшение качества статьи является одной из задач рецензента, наряду с экспертной оценкой ее качества. См.: Правила рецензирования статей // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. N 2. С. 5.

**** В 2021 году планируется продолжить работу в указанном направлении.

«1) на формирование долгосрочной концептуальной основы правоохранительной политики;

2) совершенствование законодательного регулирования правоохранительной деятельности и правоохранительной службы;

3) создание действенных технологий предупреждения, выявления, раскрытия и расследования преступлений, иных правонарушений;

4) выявление и изобличение дефектной правоохранительной практики;

5) охрану и защиту прав человека и гражданина;

6) снижение уровня криминализации общества, коррупции, произвола и противоправного бездействия должностных лиц;

7) восстановление доверия общества к правоохранительной системе;

8) системное, взаимосвязанное, скоординированное развитие правоохранительных органов (уточнение их компетенции, ликвидацию несвойственных им полномочий, устранение дублирования в функциях).

Редакционная коллегия не публикует публицистические, популярные и учебные тексты, рекламу и иные непрофильные материалы»*.

Подобный подход позволяет говорить об узкой специализации журнала (статьи по юриспруденции), что соответствует позиции научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU, указавшей в качестве характеристик «мусорных журналов» мультидисциплинарность и наличие назойливой рекламы с приглашением опубликоваться**.

Таким образом, научно-практический журнал «Юридическая наука и правоохранительная практика» обладает признаками, выделенными научной электронной библиотекой eLIBRARY.RU, Л.Р. Байдавлетовой [1, с. 162], А.А. Муравьевым [3, с. 16, 32] (см. табл. 4):

Таблица 4

Наличие признаков авторитетного научного издания у журнала «Юридическая наука и правоохранительная практика»

Признаки авторитетного научного издания	**Журнал «Юридическая наука и правоохранительная практика»**
объективное качественное рецензирование	+
средние сроки опубликования статей	+***
небольшой объем издания	+
тенденция к более узкой специализации	+
бесплатность публикаций	+
полное отсутствие рекламы с приглашением опубликоваться	+
отсутствие заочных псевдоконференций и коллективных монографий	+
авторитетность состава редколлегии и ее соответствие тематике журнала	+

На наш взгляд, интерес представляет оценка индекса научного журнала, предложенная И.Д. Котляровым, поскольку в ее основу положена методика оценки качества журналов, используемая ВАК Минобрнауки России [5, с. 11-15] (см. табл. 5).

* Положение о журнале.

** Научная электронная библиотека eLIBRARY.RU: официальный сайт. URL: http://elibrary.ru

*** Срок опубликования статей – 2-6 месяцев.

Таблица 5

Соответствие журнала «Юридическая наука и правоохранительная практика» критериям оценки ВАК Минобрнауки России, И.Д. Котлярова

Критерии оценки качества журналов, используемые ВАК Минобрнауки России*	**Критерии оценки индекса научного журнала, предложенные И.Д. Котляровым****	**Журнал «Юридическая наука и правоохранительная практика»**
наличие института рецензирования	журнал запрашивает внешнюю рецензию по определенной форме	все публикуемые в журнале научные статьи подлежат рецензированию
строгая периодичность (не менее 8 выпусков за 2 года)	у издания есть график публикации, который жестко соблюдается	издается ежеквартально
регулярное предоставление информации в РИНЦ	издание представлено в РИНЦ (в международных базах научного цитирования)	включен в базу данных РИНЦ, все статьи в РИНЦ размещаются в полнотекстовом виде
наличие официального сайта или страницы на сайте	все материалы размещены в свободном доступе на сайте журнала	журнал имеет официальный сайт в сети Интернет (http://naukatipk.ru)
доставка обязательного экземпляра в Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС)		обязательный экземпляр издания направляется в Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС) в печатной и электронной форме
представительный состав редакционной коллегии	в состав редакционной коллегии входят ученые из стран дальнего зарубежья, СНГ, российские ученые	в состав редакционной коллегии журнала «Юридическая наука и правоохранительная практика» входят 23 человека, имеющих научные степени и звания (18 докторов наук, 3 кандидата наук; 17 профессоров, 4 доцента; 1 заслуженный работник высшей школы Российской Федерации; 5 заслуженных деятелей науки Российской Федерации; 1 лауреат государственной премии Российской Федерации); 2 – ученые из стран дальнего зарубежья; 1 – ученый из СНГ

* Об утверждении правил формирования перечня рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, и требований к рецензируемым научным изданиям для включения в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 2 дек. 2016 г. N 1586.

** В таблице приведены критерии, соответствующие наивысшим балльным показателям.

продолжение таблицы 5

наличие аннотации, ключевых слов, списка литературы (на русском и английском языках)	есть аннотация, ключевые слова и библиографический список на русском и английском языках	обязательно наличие аннотации, ключевых слов, списка литературы (на русском и английском языках)
наличие ISSN		издание зарегистрировано в Международном центре ISSN (1998-6963)
наличие подписного индекса распространения по договору подписки	журнал включен в подписные каталоги (поступает в продажу)	ежегодно включается в объединенный каталог «Пресса России» и распространяется по подписке
направление копии рецензий или мотивированного отказа автору в случае отклонения статьи	организация взаимодействия с автором (направление копии рецензий или мотивированного отказа автору в случае отклонения статьи)	принятое решение по электронной почте доводится до сведения автора
	обязательное указание сведений об авторе и контактной информации для переписки	указываются сведения об авторе и контактная информация для переписки
	подтверждение факта публикации (автор бесплатно получает авторский экземпляр)	авторские экземпляры направляются в бумажной и (или) электронной форме по согласованию
должно быть зарегистрировано как средство массовой информации		зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (ПИ N ФС77-79556 от 7 декабря 2020 г.)
	статья публикуется бесплатно или с выплатой автору гонорара	отсутствие взимания платы за опубликование научного материала

С учетом проанализированных признаков, методик оценки научного журнала можно сделать вывод, что научно-практический журнал «Юридическая наука и правоохранительная практика» относится к значимым (авторитетным, качественным) научным изданиям.

Список литературы

1. Байдавлетова Л.Р. Анализ журнала «Вестник Уфимского юридического института МВД России» как научного периодического издания // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2017. N 4. С. 159-162.

2. Загребельный А.В. Вопросы повышения качества научного журнала (научный сетевой журнал) // Вопросы территориального развития. 2014. N 7 (17). С. 1-8.

3. Муравьев А.А. К вопросу о классификации российских журналов по экономике и смежным дисциплинам // Научные доклады. 2012. N 14 (R)–2012. 60 с.

4. Романова С.А. Основные критерии рецензирования статей в научном журнале // Академическая мысль. 2019. N 1 (6). С. 139-144.

5. Котляров И.Д. Принципы оценки качества научных журналов // Образование и наука. 2010. N 8 (76). С. 4-18.

6. Чистяков В.В., Ястребов Е.В. Еще раз о критериях к публикуемым статьям // Бизнес в законе. 2008. N 3. С. 12-14.

7. Муха О.Я. Институт научного рецензирования в плюрализме современной науки: потребность или фикция? // Вестник ПСТГУ. Сер. 1: Богословие. Философия. 2013. Вып. 4 (48). С. 73-86.

References

1. Baydavletova L.R. Analysis of the journal "Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia" as a scientific periodical. Bulletin of the Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017, no. 4, pp. 159-162. (In Russ.).

2. Zagrebel'niy A.V. Questions of improving the quality of a scientific journal (scientific network journal). Questions of territorial development, 2014, no. 7 (17), pp. 1-8. (In Russ.).

3. Murav'ev A.A. On the question of the classification of Russian journals in economics and related disciplines. Scientific reports, 2012, no. 14 (R)–2012. 60 p. (In Russ.).

4. Romanova S.A. The main criteria for reviewing articles in a scientific journal. Academic thought, 2019, no. 1 (6), pp. 139-144. (In Russ.).

5. Kotlyarov I.D. Principles for assessing the quality of scientific journals. Education and Science, 2010, no. 8 (76), pp. 4-18. (In Russ.).

6. Chistyakov V.V., Yastrebov E.V. Once again about the criteria for published articles. Business in law, 2008, no. 3, pp. 12-14. (In Russ.).

7. Muha O.Ya. The Institute for Scientific Review in the Pluralism of Contemporary Science: Need or Fiction? Bulletin of PSTGU. Series 1: Theology. Philosophy, 2013, issue 4 (48), pp. 73-86. (In Russ.).

Раздел 9. Спецтема: Противодействие преступности в новых геополитических реалиях

ГАВРИЛОВ Б.Я.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
profgavrilov@yandex.ru
Кафедра управления органами
расследования преступлений;
Академия управления Министерства
внутренних дел Российской Федерации,
125993, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8

GAVRILOV B.Ya.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
profgavrilov@yandex.ru
Chair of criminal investigation agencies
management;
Academy of Management of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation,
Z. and A. Kosmodemyanskih St. 8,
Moscow, 125993,
Russian Federation

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И МЕРЫ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ

Аннотация. Основу статьи составили материалы доклада, подготовленного для участия в международной научно-практической конференции «Противодействие преступности в новых геополитических реалиях: методология, политика, практика», проходившей в Тюменском институте повышения квалификации сотрудников МВД России 27 ноября 2020 г. Автором анализируются проблемы современного досудебного производства, неразрешенность которых привела к значительному снижению эффективности деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, судебного разбирательства по уголовным делам. Рассматриваются процессуальные институты возбуждения уголовного дела, разумного срока уголовного судопроизводства, предъявления обвинения, дознания в сокращенной форме и ряд других, вносятся предложения по их реорганизации. Одновременно отмечается, что этому в значительной мере препятствует забюрократизированность и заформализованность в целом уголовного судопроизводства. Оцениваются и иные предложения по совершенствованию досудебного расследования.

Ключевые слова: органы дознания; прокурор; суд; уголовное дело; процессуальные сроки; предъявление обвинения; заключение под стражу; протокольная форма расследования.

Для цитирования: Гаврилов Б.Я. Уголовно-процессуальное законодательство: современное состояние и меры по совершенствованию // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 1 (55). С. 115-124.

CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION: CURRENT STATE AND MEASURES FOR IMPROVEMENT

Annotation. The article is based on the materials of the report prepared for the participation in international scientific and practical conference "Countering crime in the new geopolitical realities: methodology, policy, practice", held at the Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation on November 27, 2020. The problems of modern pretrial proceedings are analyzed in the article. These unresolved issues have led to a significant decrease in the effectiveness of the activities aimed at crimes detection and investigation, as well as of criminal proceedings. The procedural institutions for initiating a criminal case, a reasonable period of criminal proceedings, bringing charges, protocol form of pretrial preparation for summary-court material, and a number of other issues are considered in the article, and proposals for their reorganization are made. At the same time, it is noted that this is largely hindered by the bureaucracy and formalization of criminal proceedings in general. Other proposals for improving the pretrial investigation are also estimated.

Keywords: inquiry bodies; prosecutor; court; criminal case; procedural terms; indictment; detention; investigation protocol form.

For citation: Gavrilov B.Ya. Criminal procedure legislation: current state and measures for improvement // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 1 (55). P. 115-124.

Введение. Современное состояние досудебного производства автором статьи рассматривается как с точки зрения практика, более 30 лет посвятившего службе в органах внутренних дел*, так и с позиции ученого-процессуалиста, а также как представителя Следственного комитета при МВД России (в настоящее время – Следственный департамент) в рабочей группе при Комитете по законодательству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по подготовке проекта Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ, Кодекс) ко второму и третьему чтениям и проводившемуся в течение двух лет после его принятия мониторингу, по результатам которого в уголовно-процессуальном законе появился ряд новых процессуальных институтов. В целом за время действия УПК РФ было принято около 260 федеральных законов, внесших в него изменения, в связи с этим Кодекс сегодня подвергается серьезной критике.

Однако наши оппоненты, рассуждая о низком качестве уголовно-процессуального закона, не учитывают, что многие изменения были обусловлены необходимостью реализации решений Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского Суда по правам человека (ЕСПЧ) в части обеспечения прав и законных интересов участников уголовного процесса. Кроме того, следует указать, что некоторые из этих изменений не носили системный характер и даже противоречили ряду основополагающих институтов принятого УПК РФ, в силу этого фактически не оказывали и не могли оказать реального влияния на обеспечение безопасности личности, государства и в целом российского общества. Снижению эффективности работы органов предварительного расследования способствовали и отдельные контрреформы, последовавшие после принятия УПК РФ [1; 2].

В то же время следует учитывать, что принятие большинства федеральных законов обусловливалось реалиями правоприменительной практики. Еще одна важная причина негативной практики внесения в Кодекс значительного числа изменений объясняется компромиссными решениями законодателя при подготовке и принятии УПК РФ, и автор настоящей статьи имел возможность наблюдать это непосредственно [3]. Более того, при подготовке УПК РФ отказались от включения в его проект ряда наших конкретных предложений (в части дифференциации процессуальных полномочий между прокурором и руководителем следственного органа, изменения процессуальных правил начала расследования, введения в досудебное производство такого участника уголовного процесса, как начальник подразделения дознания, с полномочиями начальника следственного отдела по УПК РФ (в редакции 2001 года), и других, реализованных в последующие годы [4, с. 75].

Основная часть. В изложенных выше условиях принятия уголовно-процессуального закона, в котором воплотились основные положения Концепции судебной реформы в Российской Федерации 1991 года и Конституции Российской Федерации 1993 года, и реализации его положений в правоприменительной деятельности дальнейшее реформирование уголовно-процессуального законодательства требует создания концепции. Речь об этом идет на протяжении последнего десятилетия, в том числе в стенах Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, где эти вопросы неоднократно рассматривались, однако своего разрешения до настоящего времени не получили [5; 6].

Первоочередной задачей совершенствования уголовно-процессуального законодательства представляется «слом» таких атрибутов современного уголовного процесса, как заформализованность и забюрократизированность его досудебных стадий, и прежде всего возбуждения уголовного дела и предварительного расследования [3, с. 98]. Более того, высказывается точка зрения об отказе от существующего сегодня предварительного следствия [7, с. 4].

Вместе с тем, как отмечено выше, значительное количество внесенных в УПК РФ поправок было обусловлено их востребованностью со стороны практикующих юри-

* До 2007 года автор статьи занимал должность заместителя начальника Следственного комитета при МВД России.

стов и, соответственно, по нашему мнению, они носили весьма своевременный характер.

К наиболее значимым изменениям, реально востребованным практиками и научным сообществом, следует отнести:

– вывод Федеральным законом от 5 июня 2007 г. N 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"»* (далее – Федеральный закон N 87-ФЗ) из состава органов прокуратуры следователей с последующим созданием самостоятельного Следственного комитета Российской Федерации**. Однако в силу ряда обстоятельств дальнейшая реформа по созданию единого следственного аппарата была приостановлена;

– передачу Федеральным законом N 87-ФЗ от прокурора руководителю следственного органа полномочий по процессуальному руководству предварительным следствием с сохранением за прокурором в полном объеме надзорных полномочий, исключение из УПК РФ процессуального правила о необходимости согласования с прокурором постановления следователя, дознавателя, органа дознания о возбуждении дела, а также положения о возбуждении прокурором уголовного дела, на чем многие ученые и практики, в том числе автор настоящей статьи, настаивали на протяжении нескольких лет до реформы предварительного следствия 2007 года [3, с. 99];

– включение Федеральным законом от 6 июня 2007 г. N 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»*** в число участников уголовного процесса начальника подразделения дознания, а Федеральным законом от 30 декабря 2015 г. N 440-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя»**** – и начальника органа дознания (на этом мы также настаивали с момента принятия Кодекса);

– значительное увеличение Федеральным законом от 4 марта 2013 г. N 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (далее – Федеральный закон N 23-ФЗ)***** перечня следственных и иных процессуальных действий (более 10), которые следователи, дознаватели и иные должностные лица органов дознания сегодня вправе осуществлять при проведении проверки заявления, сообщения о совершенном или готовящемся преступлении;

– реализацию требований ЕСПЧ по делу «Бурдов против Российской Федерации» и «Бурдов-2 против Российской Федерации» о необходимости установления в УПК РФ разумного срока уголовного судопроизводства. С этой целью был принят Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. N 69-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона "О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок"»****** (далее – Федеральный закон N 69-ФЗ), а впоследствии во введенную им в УПК РФ статью 6.1 четырьмя федеральными законами внесены изменения в связи с необходимостью выполнения постановлений Конституционного Суда Российской Федерации в части уточнения начала исчисления разумного срока уголовного судопроизводства;

– введение в УПК РФ ряда новых процессуальных институтов, включая досудебное соглашение о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ), сокращенную форму дознания (глава 32.1 УПК РФ), и другие новеллы [3, с. 100].

Как отмечено выше, отдельные нормы УПК РФ на момент его принятия со-

---

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. N 24. Ст. 2830.

** См.: О Следственном комитете Российской Федерации: федер. закон от 28 дек. 2010 г. N 403-ФЗ // Там же. 2011. N 1. Ст. 15.

*** Там же. 2007. N 24. Ст. 2833.

**** Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru

***** Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. N 9. Ст. 875.

****** Там же. 2010. N 18. Ст. 2145.

держали переходные положения как результат компромисса между депутатами Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, с одной стороны, и отдельными правоохранительными органами – с другой. Например, в соответствии с переходными законами от 18 декабря 2001 г.* и от 29 декабря 2001 г.** за прокурором до 1 января 2004 г. сохранялось как право санкционирования следственных действий и процессуальных решений, ограничивающих конституционные права граждан, так и право на продление срока содержания обвиняемых под стражей. Последнее послужило основанием для принятия Конституционным Судом Российской Федерации в рамках действия УПК РСФСР постановления от 14 марта 2002 г. N 6-П***, в котором это положение уголовно-процессуального закона признано не соответствующим Конституции Российской Федерации. В связи с этим еще до момента вступления УПК РФ в действие в него были внесены изменения**** [3, с. 101].

Рассуждая и научно обосновывая необходимость реформирования досудебного производства, не представляется возможным согласиться с предложениями ряда ученых-процессуалистов о фактическом отказе от предварительного следствия [7], хотя такая возможность не отвергается в будущем. Однако в современных условиях развития российского уголовного судопроизводства реализация данного предложения практически неосуществима, поскольку судебная система не обладает реальной возможностью возложения на себя функции предварительного расследования преступлений, а непосредственно органами предварительного расследования системы МВД России в 2019 году расследовалось 2790 тыс. уголовных дел, или более 90 % от общего количества расследованных всеми правоохранительными органами уголовных дел.

С учетом изложенного необходима выработка концепции совершенствования досудебного производства, положения которой должны включать в себя следующие основные предложения:

– исключение из УПК РФ статьи 162 о сроках предварительного следствия в силу противоречия ее правового содержания введенной Федеральным законом N 69-ФЗ в УПК РФ норме-принципу (ст. 6.1 УПК РФ) о разумном сроке уголовного судопроизводства, который, согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. N 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок»*****, не должен превышать четырех лет. Однако ст. 162 УПК РФ прямо не предусматривает ограничение срока предварительного следствия, являясь непосредственной причиной нарушений как органами предварительного расследования, так и судами разумного срока уголовного судопроизводства;

– увеличение по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях первоначального (2 месяца) срока содержания обвиняемого под стражей, в который сегодня входит от 10 до 30 суток (вместо 5 суток по УПК РФ в редакции 2001 года) для утверждения прокурором обвинительного заключения или принятия иного процессуального решения (ч. 1 и ч. 1.1 ст. 221 УПК РФ) и еще 14 суток для принятия судом (судьей) соответствующего решения в порядке ч. 1 ст. 227 УПК РФ. По законода-

* О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федер. закон от 18 дек. 2001 г. N 177-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. N 52 (ч. I). Ст. 4924.

** О внесении изменения в статью 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР: федер. закон от 29 дек. 2001 г. N 183-ФЗ // Там же. 2001. N 53 (ч. I). Ст. 5019.

*** По делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С.С. Маленкина, Р.Н. Мартынова и С.В. Пустовалова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 марта 2002 г. N 6-П // Там же. 2002. N 12. Ст. 1178.

**** См.: О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 мая 2002 г. N 58-ФЗ // Там же. 2002. N 22. Ст. 2027.

***** Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тельству европейских государств этот срок составляет от 120 до 180 суток. Например, в соответствии с УПК Итальянской Республики первоначальный срок содержания под стражей составляет 6 месяцев, при этом возможно его сокращение судом по обращению стороны защиты или прокурора;

– исключение из УПК РФ института предъявления обвинения, нормы которого на протяжении многих десятилетий обеспечивали обвиняемому право на защиту с привлечением адвоката. Сегодня с учетом положений Федерального закона N 23-ФЗ это стало возможным уже на этапе проверки сообщения о преступлении в отношении конкретного (фактически заподозренного в совершении преступления) лица. Аргументом в пользу реформирования данного института является и то обстоятельство, что, во-первых, по действующему УПК РФ фактически нет различий в правовом положении подозреваемого (ст. 46) и обвиняемого (ст. 47), во-вторых, в суд за годы действия УПК РФ без «классического» предъявления обвинения направлено более 5 млн уголовных дел, расследованных в форме дознания;

– возвращение в досудебное производство протокольной формы расследования, так как, согласно оценке и ученых, и практиков – сотрудников органов внутренних дел, введенное Федеральным законом N 23-ФЗ дознание в сокращенной форме (глава 32.1 УПК РФ) практически ничем не отличается от дознания в общей форме. Сущность предлагаемой нами протокольный формы состоит в том, что, во-первых, расследование осуществляется в отношении конкретного лица в случае признания им факта преступления и если дознавателю не требуется проведение всех процессуальных действий, во-вторых, вынесение постановления о возбуждении уголовного дела закон не предусматривает и одновременно ограничивает производство следственных действий допросом подозреваемого, а также потерпевшего или свидетеля, задержавшего, например, лицо при совершении кражи; производство судебной экспертизы допускается лишь в случаях, предусмотренных ст. 196 УПК РФ; закон должен предусматривать задержание подозреваемого лица в порядке ст.ст. 91 и 92 УПК РФ, с учетом этого необходимо установить срок расследования – 48 часов с последующим направлением уголовного дела прокурору [3, с. 101];

– незамедлительное возвращение в УПК РФ норм, предусматривающих возможность «заочного» заключения под стражу по судебному решению на основании соответствующего ходатайства следователя, дознавателя скрывшегося от органов расследования и объявленного в федеральный розыск подозреваемого, обвиняемого. Данное предложение обусловлено тем, что количество скрывшихся от органов расследования ежегодно составляет около 100 тыс. человек, часть из них продолжает преступную деятельность. Разработанный нами еще в 2005 году и согласованный с правоохранительными органами и Верховным Судом Российской Федерации проект Федерального закона предусматривает положение о том, что при задержании находящегося в федеральном розыске такого лица вне места производства предварительного расследования оно в течение 48 часов доставляется в суд по месту задержания, там устанавливается его личность и проверяется, не отменено ли решение суда о заключении его под стражу. После этапирования к месту расследования данное лицо доставляется в суд и в судебном заседании решается вопрос об оставлении меры пресечения в виде содержания под стражей или изменении ее на более мягкую [2, с. 25].

Среди других проблем, непосредственно влияющих на современное состояние досудебного производства и требующих реформирования уголовно-процессуального законодательства, необходимо выделить следующие проблемы:

– недопустимость возврата норм УПК РФ к дореформенному состоянию предварительного следствия и подтверждение обоснованности состоявшейся с принятием Федерального закона N 87-ФЗ указанной реформы [2, с. 24], о чем, в частности, свидетельствуют приведенные ниже статистические данные о результатах следственной работы, позволяющие сделать вывод:

а) о более высоком уровне процессуального контроля и прокурорского надзора за состоянием законности при расследовании уголовных дел (статистиче-

ские данные о результатах следственной работы до и после принятия Федерально-го закона N 87-ФЗ приведены в табл. 1).

Таблица 1

Сведения о количестве оправданных судами граждан, в том числе содержавшихся под стражей*

Год	Количество оправданных судом лиц, в том числе на 1000 обвиняемых, по направленным в суд делам, из них незаконно, необоснованно содержавшихся под стражей			
	по делам, подследственным следователям органов внутренних дел	из них содержалось под стражей	по делам, подследственным следователям прокуратуры и СК России	из них содержалось под стражей
2006	1372 / 2,0	524	1885 / 18,0	954
2013	509 / 1,3	250	654 / 5,8	411
2019	412 / 1,3	142	629 / 5,6	303

* Статистические данные о результатах работы органов предварительного следствия: Следственный департамент МВД России. М., 2020.

б) повышении эффективности надзорной деятельности прокурора за качеством расследования, обеспечившей многократное сокращение количества уголовных дел, возвращенных судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ [3, с. 101] (см. табл. 2).

Таблица 2

Сведения о количестве уголовных дел, возвращенных прокурором следователям для дополнительного расследования и судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ**

Год	Количество уголовных дел, возвращенных прокурором для дополнительного расследования				Количество уголовных дел, возвращенных судом для доследования и судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ	
	следователям органов внутренних дел	удельный вес (%)	следователям прокуратуры и СК России	удельный вес (%)	всем органам расследования	в том числе следователям / удельный вес (%)
1999	21 249	2,7	1102	1,4	41 340	34 209 / 4,0
2006	18 373	3,3	1286	0,8	35 930	–
2019	18 543	6,3	3374	3,6	6466	4417 / 1,0

** Статистические данные о результатах работы органов предварительного следствия: Следственный департамент МВД России. М., 2020.

– наличие достаточных оснований для реформирования стадии возбуждения уголовного дела, поскольку наличие в УПК РФ перешедших из УПК РСФСР 1960 года процессуальных правил о необходимости вынесения постановления о возбуждении уголовного дела обусловило снижение практически в два раза на протяжении последних 15-ти лет возбужденных уголовных дел при росте от 1,1 млн до 2,3 млн* за указанный период количества процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела при незначительном изменении количества зарегистрированных заявлений, сообщений о преступлениях. При этом в указанный период ежегодно от 20 до 30 % «отказных» материалов прокурорами признавались незаконными и необоснованными и отменялись, на что автором ранее неоднократно обращалось внимание научной общественности и практикующих юристов [3, с. 101] (см. табл. 3).

* Статистические данные о результатах рассмотрения заявлений и сообщений о преступлениях. Отчет формы 4Е: ГИАЦ МВД России. М., 2020.

Таблица 3

Сведения о количестве зарегистрированных сообщений о преступлениях и принятых по ним процессуальных решениях**

	2006	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Всего зарегистрировано сообщений о преступлениях (млн)	10,7	11,7	11,8	12,2	11,6	10,3	9,8	9,9	9,3
Возбуждено уголовных дел (млн)	3,3	1,78	1,73	1,89	1,85	1,78	1,65	1,7	1,7
Удельный вес уголовных дел к числу сообщений о преступлениях (%)	30,8	15,2	14,6	15,5	15,9	16,8	16,8	17,1	18,4
Количество (без повторных) «отказных» материалов (млн)	4,5	6,7	6,7	6,8	6,8	6,3	6,0	6,0	5,54

** Статистические данные о количестве зарегистрированных сообщений о преступлениях: ГИАЦ МВД России. М., 2021.

Изложенное выше и приведенные статистические данные наглядно свидетельствуют о назревшей необходимости исключения из УПК РФ статей 146 и 148. Это нашло свое отражение в п. 4.5 Дорожной карты дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации, предлагающем пересмотреть процессуальные правила начала производства по уголовному делу. Данное предложение призвано нейтрализовать решение Конституционного Суда Российской Федерации*** и изменить позицию Верховного Суда Российской Федерации

*** Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 июля 2006 г. N 343-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[8, с. 20] об обязательном возбуждении уголовного дела при выявлении следователем совершения нового преступления лицом, в отношении которого ранее уже было возбуждено уголовное дело, или в случае установления дополнительно в ходе расследования дела соучастника преступления, которые, по нашему мнению, противоречат многолетней судебно-следственной практике по данному вопросу и остающимся неизменными на протяжении 60-ти лет процессуальным правилам возбуждения уголовного дела, а также правовой процедуре возбуждения дела в соответствии с ч. 1 ст. 448 УПК РФ, не содержащей требований, указанных в приведенных выше решениях судебных инстанций.

Одной из проблем современного уголовного судопроизводства следует назвать требования в части возвращения прокурору полномочий по возбуждению уголовного дела. Генеральный прокурор Российской Федерации И.В. Краснов высказался против этого, а также заявил, что решение о выделении следствия из прокуратуры было правильным и сегодня у прокуратуры достаточно полномочий, чтобы осуществлять надзор за следствием [9].

Для усиления надзора на этой стадии уголовного процесса целесообразно изменить редакцию п. 4 ч. 1 ст. 140 УПК РФ, установив, что «по постановлению прокурора о направлении материалов в орган расследования для решения вопроса об уголовном преследовании следователь, дознаватель незамедлительно (в течение 24 часов) возбуждает уголовное дело, за исключением случаев, препятствующих началу его производства». Такие случаи предусмотрены ч. 1 ст. 24 УПК РФ (пп. 3, 5, 6) и ч. 1 ст. 27 УПК РФ (пп. 3-6).

На состоявшемся 19 ноября 2020 г. в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации круглом столе профессор А.И. Александров высказался о возвращении прокурору полномочий по согласованию обращений следователей в суд о заключении подозреваемых, обвиняемых под стражу, поскольку передача этой функции руководителю следственного органа якобы повлекла рост нарушений законности [10]. По нашему мнению, о необоснованности этих требований можно судить на основании приведенных ниже статистических данных о значительном сокращении количества заключенных под стражу граждан. При этом следует понимать, что одной из причин существенного уменьшения количества лиц, в отношении которых применена мера пресечения в виде заключения под стражу, является политика государства по гуманизации уголовного судопроизводства в целом. Одновременно приведенные ниже статистические показатели наглядно свидетельствуют о повышении уровня требовательности руководителей следственных органов к избранию указанной меры пресечения (табл. 4).

Таблица 4

Сведения о количестве подозреваемых, обвиняемых, заключенных под стражу по ходатайствам следователей, дознавателей (2005–2008, 2016–2019 гг.)*

Год	Количество подозреваемых, обвиняемых, заключенных под стражу на основании ходатайств			
	следователей прокуратуры	следователей при прокуратуре	следователей СК России	следователей органов внутренних дел
2005	52 026	–	–	141 174
2006	47 232	–	–	139 021
2007	–	39 586	–	128 709
2008	–	36 112	–	122 671
2016	–	–	23 613	75 422
2018	–	–	20 075	66 056
2019	–	–	19 409	60 118

* Отчет о результатах следственной работы: Следственный департамент МВД России. М., 2020.

Кроме того, в качестве одного из аргументов в пользу возвращения прокурору полномочий по процессуальному руководству следователями представители научной общественности выдвигают тезис о том, что следователи и органов внутренних дел, и Следственного комитета Российской Федерации нередко игнорируют заявленные в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ требования прокуроров об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных в ходе предварительного следствия.

Однако, по данным Генпрокуратуры России, в 2017-2019 гг. прокурорами в порядке п. 3 ч. 2 ст. 37 УПК РФ направлено следователям Следственного комитета Российской Федерации от 42 тыс. до 46 тыс. требований, из них было удовлетворено 97-98 %. За этот же период прокурорами было выявлено от 105 тыс. до 125 тыс. нарушений федерального законодательства по уголовным делам, расследованным следователями органов внутренних дел, удовлетворено 99 % требований прокуроров об устранении данных нарушений. Органами дознания в системе МВД России удовлетворено более 99 % таких требований*.

Высказанные нами предложения относительно совершенствования современного досудебного производства поддерживаются в российском научном сообществе и среди практикующих юристов. Сегодня стоит задача по разработке такой доктрины досудебного производства, которая будет реально отражать произошедшие в социально-политической, экономической и правовой жизни Российского государства изменения. Решению данной задачи в значительной мере препятствует устоявшийся в нашем сознании стереотип незыблемости названных выше процессуальных институтов.

Заключение

1. Меры по совершенствованию конкретных уголовно-процессуальных институтов разработаны на основе анализа эффективности современного досудебного производства и учитывают предложения практикующих юристов.

2. Для реализации изложенных в настоящей статье предложений по совершенствованию УПК РФ необходимо разработать концепцию, в содержание которой могут быть включены предложения по реформированию институтов возбуждения уголовного дела, процессуальных сроков расследования, предъявления обвинения, производства дознания в сокращенной форме и совершенствованию ряда других положений УПК РФ, направленных на обеспечение положений статьи 6 Кодекса о назначении уголовного судопроизводства.

3. Изложенные в статье критические замечания относительно регламентации процессуальной деятельности в современном досудебном производстве и предложения по совершенствованию УПК РФ в основном поддерживаются российскими учеными и сотрудниками правоохранительных органов. Дело за российским законодателем.

* Сведения о состоянии законности в деятельности органов предварительного расследования: отчет по форме 555: Генеральная прокуратура Российской Федерации. М., 2020.

Список литературы

1. Божьев В.П. «Тихая революция» Конституционного Суда Российской Федерации в уголовном процессе Российской Федерации // Избранные труды. М.: Юрайт, 2010. С. 393-399.

2. Гаврилов Б.Я. Идеология формирования современного досудебного производства // Труды Академии управления МВД России. 2018. N 1. С. 22-28.

3. Гаврилов Б.Я. Отвечает ли современное досудебное производство реалиям борьбы с преступностью? // Академическая мысль. 2019. N 3 (8). С. 98-102.

4. Божьев В.П., Гаврилов Б.Я. Соответствует ли отказ в возбуждении уголовного дела идеологии современной уголовно-правовой политики России // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. N 2 (78). С. 74-78.

5. Стенограмма парламентских слушаний «Совершенствование законодательства в сфере уголовно-правовой политики» (18.11.2013) // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: официальный сайт. URL: http://council.gov.ru (дата обращения: 20 дек. 2020 г.).

6. В Совете Федерации состоялись парламентские слушания по вопросам развития уголовного законодательства // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: официальный сайт. URL: http://council.gov.ru (дата обращения: 20 дек. 2020 г.).

7. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / А.С. Александров [и др.]. М.: Юрлитинформ, 2015. 304 с.

8. Кожокарь В.В. Возбуждение уголовного дела: правовая позиция Конституционного Суда и Верховного Суда РФ // Труды Академии управления МВД России. 2015. N 1. С. 20-22.

9. Генпрокурор Игорь Краснов о том, как, надзирая за законностью, помогать гражданам // Коммерсантъ. 2020. 10 сент. URL: https://www.kommersant.ru (дата обращения: 20 дек. 2020 г.).

10. Материалы круглого стола в Совете Федерации по вопросу о роли прокурора и адвоката в уголовном судопроизводстве (19.11.2020) // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации: официальный сайт. URL: http://council.gov.ru (дата обращения: 20 дек. 2020 г.).

References

1. Bozh'ev V.P. "Quiet revolution" of the Constitutional Court of the Russian Federation in the criminal process of the Russian Federation. Selected works. Moscow, Yurayt Publ., 2010. Pp. 393-399. (In Russ.).

2. Gavrilov B.Ya. Ideology of the formation of modern pre-trial proceedings. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018, no. 1, pp. 22-28. (In Russ.).

3. Gavrilov B.Ya. Does modern pre-trial production meet the realities of fighting crime? Academic thought, 2019, no. 3 (8), pp. 98-102. (In Russ.).

4. Bozh'ev V.P., Gavrilov B.Ya. Does the refusal to initiate a criminal case correspond to the ideology of modern criminal law policy in Russia. Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018, no. 2 (78), pp. 74-78. (In Russ.).

5. Transcript of parliamentary hearings "Improving legislation in the field of criminal law policy" (18.11.2013). Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation: official website. Available at: http://council.gov.ru (Accessed December 20, 2020). (In Russ.).

6. The Federation Council held parliamentary hearings on the development of criminal legislation. Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation: official website. Available at: http://council.gov.ru (Accessed December 20, 2020). (In Russ.).

7. Aleksandrov A.S. [i dr.]. The doctrinal model of the criminal procedural evidence law of the Russian Federation and a commentary on it. Moscow, Yurlitinform Publ., 2015. 304 p. (In Russ.).

8. Kozhokar' V.V. Initiation of a criminal case: the legal position of the Constitutional Court and the Supreme Court of the Russian Federation. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015, no. 1, pp. 20-22. (In Russ.).

9. Prosecutor General Igor Krasnov on how, overseeing the rule of law, to help citizens. Kommersant. 2020. 10 September. Available at: https://www.kommersant.ru (Accessed December 20, 2020). (In Russ.).

10. Materials of the round table in the Federation Council on the role of the prosecutor and lawyer in criminal proceedings (11/19/2020). Available at: http://council.gov.ru (Accessed December 20, 2020). (In Russ.).

АНОХИН Ю.В.,
доктор юридических наук, профессор,
anohinuv@buimvd.ru
Барнаульский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49

ANOKHIN Yu.V.,
Doctor of Legal Sciences, professor,
anohinuv@buimvd.ru
Barnaul Law Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Chkalov St. 49, Barnaul, 656038,
Russian Federation

КИСЕЛЁВА М.А.,
кандидат юридических наук,
maxmaralek@mail.ru
Кафедра криминалистики;
Барнаульский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации,
656038, г. Барнаул, ул. Чкалова, 49

KISELEVA M.A.,
Candidate of Legal Sciences,
maxmaralek@mail.ru
Chair of criminalistics;
Barnaul Law Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation,
Chkalov St. 49, Barnaul, 656038,
Russian Federation

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НЕЗАКОННЫХ ПОИСКА И (ИЛИ) ИЗЪЯТИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ МЕСТ ЗАЛЕГАНИЯ

Аннотация. В статье обосновывается необходимость комплексного изучения преступлений, связанных с поиском и (или) изъятием археологических предметов из мест залегания, для построения методики их расследования. С этой целью авторами определяется значимость рассмотрения криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных статьей 243.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. На основе анализа правоприменительной практики определены и раскрыты наиболее важные элементы криминалистической характеристики исследуемых преступлений, а именно: способ, обстановка совершения преступления, механизм следообразования, предмет преступного посягательства, личность преступника. Особо отмечается, что местом совершения рассматриваемых преступлений является археологический объект, на котором в установленном законом порядке определено наличие культурного слоя.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика; археологический предмет; археологический объект; культурный слой; незаконный поиск; незаконное изъятие.

Для цитирования: Анохин Ю.В., Киселёва М.А. Криминалистическая характеристика незаконных поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2021. N 1 (55). С. 125-131.

CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF ILLEGAL SEARCH AND (OR) SEIZURE OF ARCHAEOLOGICAL OBJECTS FROM THE CULTURAL LAYERS OF ARCHAEOLOGICAL SITES

Annotation. The article substantiates the need for a comprehensive study of the crimes related to the search and (or) seizure of archaeological objects from the cultural layers of archaeological sites. Such research is necessary to develop a methodology for investigating these crimes. For this purpose, the authors of the article determine the importance of analyzing the criminalistic characteristics of the crimes provided by Article 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. Basing on the analysis of law enforcement practice, the most significant elements of the criminalistic characteristics of the considered crimes are identified and described, namely: the method and the circumstances of committing the crime, the mechanism of trace formation, the subject of criminal encroachment, the identity of the criminal. It is particularly noted that the place where such crimes are committed is an archaeological site that contains the cultural layer and this fact is determined according to the procedure established by law.

Keywords: criminalistic characteristics; archaeological object; archaeological site; cultural layer; illegal search; illegal seizure.

For citation: Anokhin Yu.V., Kiseleva M.A. Criminalistic characteristics of illegal search and (or) seizure of archaeological objects from the cultural layers of archaeological sites // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2021. No. 1 (55). P. 125-131.

Под охраной Министерства культуры Российской Федерации находятся десятки тысяч археологических памятников. Порядок осуществления поиска и изъятия археологических предметов на данных участках устанавливается в соответствии с требованиями Федерального закона от 25 июня 2002 г. N 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»* (далее — Федеральный закон N 73-ФЗ).

Допустимость производства поиска и изъятия указанных предметов определяется исключительно научными целями, реализуемыми на основании соответствующего разрешения (открытого листа). Незаконное завладение археологическими предметами с целью личного материального обогащения или коллекционирования относится к преступлениям, направленным против общественной нравственности.

Добыча предметов древности как естественных ресурсов в последнее время привела к закреплению за ними статуса «товаров», сбыт которых приносит значительную прибыль. Большое количество преступных деяний, связанных с изъятием предметов древности на археологических объектах, обусловливает высокую доходность от торговли ими. К настоящему времени «индустрия» нелегальных раскопок в Российской Федерации приобрела масштабное значение и начала развиваться как часть мировой сети криминального антикварного бизнеса.

Данные обстоятельства обусловили необходимость введения в 2013 году в Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ) нового состава преступления, предусматривающего ответственность за незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания**.

Согласно данным судебной статистики в 2019 году по ст. 243.2 УК РФ к уголовной ответственности было привлечено 8 лиц, в 2018 — 6, в 2017 — 1***. Полагаем, что приведенные показатели не отражают реальное состояние преступности в рассматриваемой сфере, свидетельствуют о высокой латентности данных преступных деяний, которые совершаются профессиональными преступниками. При этом следует констатировать, что до настоящего времени комплексное криминалистическое изучение проблем расследования преступлений, связанных с поиском и (или) изъятием археологических предметов из мест залегания, не проводилось, а значит, есть основания полагать, что у правоохранительных органов имеются существенные трудности при выявлении, раскрытии и расследовании данных преступлений.

Отмеченное обстоятельство обусловливает необходимость разработки соответствующих методических рекомендаций по расследованию преступлений, предусмотренных ст. 243.2 УК РФ.

Начальной ступенью для построения методики расследования преступлений является их криминалистическая характеристика, владение данными которой позволит выявить наиболее значимые признаки и особенности преступлений, в том числе незаконных поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания. Это будет способствовать своевременному осуществлению деятельности по выдвижению и проверке обоснованных версий относительно расследуемого со-

* Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации: федер. закон от 25 июня 2002 г. N 73-ФЗ: ред. от 29 дек. 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 26. Ст. 2519; Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru

** О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пресечения незаконной деятельности в области археологии: федер. закон от 23 июля 2013 г. N 245-ФЗ: ред. от 28 дек. 2017 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru

*** Данные судебной статистики РФ // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: http://www.cdep.ru

бытия преступления и определению наиболее целесообразного пути его расследования.

Структуре и содержанию криминалистической характеристики в разное время уделяли особое внимание виднейшие ученые-криминалисты, такие как Р.С. Белкин, И.А. Возгрин, К.В. Гавло, Л.Я. Драпкин, С.П. Митричев, В.А. Образцов, И.Ф. Пантелеев, В.Г. Танасевич, А.Г. Филиппов, Н.П. Яблоков, и другие.

Исследование показывает, что к наиболее значимым элементам криминалистической характеристики преступлений, предусмотренных ст. 243.2 УК РФ, относятся: способ, обстановка совершения преступления, механизм следообразования, данные о предмете преступного посягательства, сведения о типичной личности преступника.

Способ совершения преступления включает в себя действия по его подготовке, совершению и сокрытию [1, с. 140]. Способ совершения рассматриваемых преступлений заключается в проведении земляных поисковых работ, направленных на обнажение культурного слоя с целью поиска и изъятия археологических предметов. К таким действиям относятся вспашка, глубокое рыхление, выкапывание лункообразных углублений или шурфов на участке.

Как правило, при осуществлении раскопок преступниками используются различные специальные технические средства и современные поисковые приборы. Например, для поиска металлических объектов применяются металлоискатели (металлодетекторы, пинпоинтеры), позволяющие определять наличие архитектурных предметов в местах их залегания. При осуществлении копания, расчистки почвы нередко применяются ручные инструменты для работы с грунтом – портативные лопаты, топоры, грабли и т.д.

При совершении преступлений, предусмотренных ст. 243.2 УК РФ, преступники нередко бывают оснащены биноклями, позволяющими выявлять приближающиеся автомашины правоохранительных органов, приборами ночного видения для производства поиска и изъятия археологических предметов в ночное время, коротковолновыми радиостанциями, планшетами для связи. Кроме того, в настоящее время с развитием цифровых технологий преступники при совершении рассматриваемых преступлений умело пользуются GPS-навигаторами. Данные устройства обеспечивают точность определения координат, в них без труда устанавливается и сохраняется карта маршрута движения, имеются функции отслеживания маршрута.

Подготовка к совершению рассматриваемых преступлений заключается в приискании участков местности, на территории которых содержится культурный слой. С этой целью преступники приобретают и изучают специальную историческую литературу, археологические карты, а также создают различные закрытые страницы на форумах сети Интернет для инициирования активного общения с людьми, имеющими историческое образование и обладающими познаниями в области археологии. В действия по подготовке входит приобретение необходимых технических средств поиска, а также подыскание средств передвижения к обозначенному месту залегания, в отдельных случаях – их специальное оборудование для проезда в труднодоступные удаленные места.

Примером использования определенного способа подготовки и совершения преступления, предусмотренного ст. 243.2 УК РФ, могут служить материалы уголовного дела, согласно которым в г. Икряное гражданином Ф. в ходе подготовки к совершению преступления была приобретена и изучена специальная литература о многовековой истории объекта. Точно зная, что на данной территории имеются археологические предметы, Ф. приобрел металлоискатель марки «HFCOIL», применяя который, определил участок местности предположительного залегания археологических предметов, время возникновения которых превышает сто лет. При использовании лопаты гражданин Ф. осуществил копание, повлекшее повреждение культурного слоя объекта*.

Как показывает анализ материалов уголовных дел о преступлениях, предус-

* Приговор Икрянинского районного суда Астраханской области N 1-228/2019 от 29 дек. 2019 г. по делу N 1-228/2019 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: сайт. URL: http://sudact.ru

мотренных ст. 243.2 УК РФ, данные преступления нередко совершаются в то время года, когда поверхность земли достаточно прогрета, что позволяет без особых трудностей работать с грунтом.

Место происшествия по рассматриваемой категории преступлений должно отвечать необходимым требованиям, чтобы быть признанным археологическим объектом. Например, определенное место залегания признается объектом архитектурного наследия — памятником архитектуры и ставится под обязательную государственную охрану объектов культурного наследия федерального значения в соответствии с заключением территориального органа Министерства культуры Российской Федерации, выданным на основании научного отчета о выполнении археологических полевых работ [2, с. 112]. Принятый советом отчет передается на постоянное хранение в научно-отраслевой архив Института археологии Российской академии наук. Кроме того, данный объект должен быть включен в Единый государственный реестр объектов культурного наследия народов Российской Федерации, а также в перечень выявления объектов культурного наследия, расположенных на территории определенного субъекта Российской Федерации. Границы территории данного объекта определяются историческим паспортом.

В соответствии с документальными материалами на земельном участке археологического наследия должно быть установлено наличие культурного слоя. Уголовный закон определяет культурный слой как слой в земле, содержащий следы существования человека, время возникновения которых превышает 100 лет, включая археологические предметы (примечание 1 к ст. 243.2 УК РФ). Таким образом, речь идет о наслоениях грунта вокруг объекта, образовавшихся до 20-х годов XX века. Культурный слой имеет глубину залегания, мощность (толщину и насыщенность археологическими предметами). Мощность может быть различная — от 20 см до 1,5 м, однако даже в самом тонком месте для его археологического значения очень важна его непрерывность и неповрежденность. В ходе археологических раскопок производится полное вскрытие изучаемых участков. Выполняются тонкие срезы для установления видимости мелких прослоек почвы, которые позволяют изучить историю возникновения сооружений на данном участке.

В результате противоправных действий в культурном слое создаются локальные повреждения, которые впоследствии в ходе раскопок могут быть неправильно истолкованы в качестве столбовых ям, относящихся к сооружениям, являющимся особо ценными в информативном плане. В связи с этим недопустимо не только полное разрушение культурного слоя, но и даже незначительное его повреждение. Для определения ущерба, нанесенного почве вследствие несанкционированных раскопок, глубина выкопанной ямы имеет принципиальное значение.

Учитывая вышеизложенное, при осмотре места происшествия должны быть зафиксированы: верхний горизонт культурного слоя, который распахивался, неповрежденный нижний горизонт. Кроме того, необходима фиксация объектов археологического наследия, которые заглублены в материк.

Предметами преступного посягательства являются извлеченные из земли археологические предметы, имеющие историческую, научную, художественную и культурную ценность. Федеральным законом N 73-ФЗ к археологическим предметам отнесены движимые вещи, основным или одним из основных источников информации о которых вне зависимости от обстоятельств их обнаружения являются археологические раскопки или находки.

Это могут быть предметы из черного, цветного металла, глиняные изделия средневековья, нумизматические материалы, накладки, различные предметы, связанные с бытом, хозяйственной деятельностью, ремесленным производством, торговыми отношениями древности. Таковыми археологическими предметами являются: древние монеты, украшения (бронзовые, медные подвески, крестики, перстни), фрагменты глиняной посуды, керамические изделия, наконечники стрел, железные ножи, гвозди и т.д.

Данные предметы отражают разные периоды времени, однако они должны быть извлечены именно из культурно-

го слоя. О датировке каждого предмета можно судить на основании указанного года производства. Кроме того, предметы должны иметь характерные признаки нахождения в земле (остатки грунта, наличие коррозии). Изъятие или перемещение этих предметов из культурного слоя приводит к неточностям датировки.

Например, в г. Харабали гражданин М., используя металлоискатель и лопату, осуществил незаконные поиск и изъятие археологических предметов, время возникновения которых составляло более 100 лет, на определенном участке местности. Вследствие незаконных действий гражданином М. были обнаружены 4 фрагмента керамических изделий XIV века и одна монета из медного сплава XIV века, принадлежащие к материальной культуре Золотой Орды. Следствием установлено повреждение преступными действиями целостности культурного слоя Золотой Орды XIV века и причинение вреда истории и культуре Российской Федерации*.

Данный пример демонстрирует обязательность установления органами предварительного расследования не только давности возникновения археологических предметов в культурном слое, но и принадлежность данных предметов к определенным обычаям, культуре, народу.

При совершении преступлений, предусмотренных ст. 243.2 УК РФ, могут быть оставлены как материальные, так и идеальные следы.

Материальными следами являются следы воздействия внешних факторов на культурный слой земли. Поверхность земли рядом с выкопанными ямами, а также поверхность травяного покрова должны указывать на то, что ямы сделаны недавно. Кроме того, следы в виде многочисленных разрытий, вкопок, лунок, которые оставляют обычно любители металлопоиска на поверхности земли при извлечении металлических предметов из культурного слоя, не заросших травой, заваленных, закиданных или заполненных водой, свежие следы выкопанной почвы на поверхности, изъятые технические средства поиска указывают на связь с избираемым способом совершения преступного деяния.

Важным обстоятельством следовой картины является наличие характерных окислов на извлеченных из культурного слоя археологических предметах. При длительном нахождении в земле и при взаимодействии с продуктами коррозии на предметах часто образуется твердая и хрупкая корка. Ее наличие указывает на продолжительное пребывание этих вещей в агрессивной почве.

Важными следами, сохранность которых необходимо должным образом обеспечить в ходе осмотра места происшествия, являются следы транспортного средства — протекторов шин, отображенных на поверхности почвы на территории археологических памятников.

Особую роль приобретают электронно-цифровые следы, также характерные для преступлений, предусмотренных ст. 243.2 УК РФ. Такими следами могут быть данные, содержащиеся в сотовом телефоне, компьютере или планшете «черного копателя», указывающие на его причастность к совершенному преступному деянию. Ими являются:

— электронные карты объектов археологического наследия, позволяющие определять места, содержащие культурный слой и ценные археологические предметы;

— файлы с электронными книгами об историческом наследии, позволяющими идентифицировать археологические предметы;

— фотографии обнаруженных предметов;

— текстовые, а также голосовые сообщения, передаваемые с помощью мобильных приложений, указывающие на ведение предварительных переговоров между соучастниками о выборе места, времени, способе совершения преступления;

— данные, содержащиеся на форумах, в социальных сетях, где обсуждаются различные археологические предметы, а также места их залегания на поверхности земли, в земле или под водой, что прямым образом будет указывать на заинтересованность определенных лиц в отыскании археологических объектов.

* Приговор Харабалинского районного суда Астраханской области от 30 июля 2019 г. по делу N 1-125/2019 // Харабалинский районный суд Астраханской области: официальный сайт. URL: http://harabalinsky.ast.sudrf.ru

Идеальными следами при совершении преступлений, предусмотренных ст. 243.2 УК РФ, являются сведения, полученные от участников совершения преступления, членов преступной группы (подозреваемых, обвиняемых); сведения, запечатленные в памяти свидетелей-очевидцев преступления, которые имели возможность наблюдать за ходом осуществления преступниками раскопок; сведения, запечатленные в памяти иных лиц (друзья, случайные знакомые, родственники), подтверждающие факты ведения раскопок древних предметов с целью заработка или коллекционирования.

Наглядным примером важности собирания совокупности следов преступной деятельности даже при отрицании виновными своей причастности к совершению преступления является расследование уголовного дела в г. Чистополе. Важные сведения о незаконной деятельности подозреваемых по поиску археологических предметов были получены от случайных знакомых, которым они предлагали вступить в преступный сговор для совершения преступлений. Автомобили подозреваемых были специально оборудованы для проезда по труднодоступной местности, а при осмотре археологического объекта обнаружены следы протекторов шин автомобилей, принадлежащих подозреваемым. Кроме того, в ходе производства следственных действий у подозреваемых были изъяты многочисленные археологические предметы с признаками окисла и коррозии, бумажные карты археологических объектов, различные металлоискатели.

В изъятых сотовых телефонах имелись файлы, свидетельствующие о подготовке к совершению незаконного поиска и (или) изъятию археологических предметов. Совокупность следов преступной деятельности, своевременно обнаруженных и изъятых, позволила органам предварительного расследования сформировать необходимую доказательственную базу виновности каждого из соучастников группы, и это способствовало вынесению в отношении их обвинительного приговора*.

* Приговор Чистопольского городского суда Республики Татарстан от 17 дек. 2015 г. Дело N 1-136/2015 // Чистопольский городской суд Республики Татарстан: официальный сайт. URL: https://chistopolsky--tat.sudrf.ru

Особой задачей органов предварительного расследования является полное и всестороннее изучение личности лица, совершившего преступление. «От уровня научного познания личности преступника во многом зависит успех в борьбе с преступностью, в т.ч. криминалистическими методами и средствами» [3, с. 13]. В связи с этим изучение типичной личности преступника, совершающего незаконный поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания, приобретает особое значение, поскольку ориентировано на целостное криминалистическое познание его личностных особенностей.

Анализ материалов уголовных дел рассматриваемой категории показал, что наиболее типичный возраст лиц, совершающих исследуемые преступления, — 30 лет и более (43 % случаев). Реже — в 36 % случаев преступниками являлись лица в возрасте от 25 до 30 лет. Значительно меньше преступников более молодого возраста (14 % — 20-25 лет; 7 % — 16-19 лет). При этом более молодые преступники нередко входили в состав преступных групп, совершавших преступления, предусмотренные ст. 234.2 УК РФ.

Как правило, незаконные поиск и (или) изъятие археологических предметов из мест залегания совершают лица мужского пола (97 %), без постоянного источника дохода, имеющие случайные заработки, в том числе от осуществления незаконных поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания (53 %), либо занимающиеся индивидуальным предпринимательством (29 %). В большинстве случаев данные лица имеют среднее или среднее специальное образование (67 %), состоят в браке, имеют на иждивении несовершеннолетних детей.

Исследование показало, что в совершении 57 % преступлений, квалифицированных по ст. 243.2 УК РФ, принимали участие несколько лиц, среди которых были организаторы (как правило, это лица, обладающие знаниями в области археологии) и исполнители (лица, фактически осуществляющие раскопки).

Мотивом совершения преступлений, предусмотренных ст. 243.2 УК РФ, чаще всего является личное материальное обогащение, реже коллекционирование. Не-

законно обнаруженные археологические предметы подвергаются продаже, как правило, на местном так называемом черном рынке, коллекционерам, а также за рубеж.

Подводя итог, отметим, что для деятельности правоохранительных органов по расследованию незаконного поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания особое значение имеет знание содержания названных элементов криминалистической характеристики указанного преступления. Они составляют единую систему сведений, находящихся в корреляционных связях между собой.

Важно уточнить, что местом происшествия по рассматриваемой категории преступлений является археологический объект, на котором в установленном законом порядке определено наличие культурного слоя. Способом совершения исследуемых преступлений является проведение на данном участке земляных поисковых работ, как правило, с использованием специальных технических средств, направленных на обнажение культурного слоя с целью поиска и изъятия археологических предметов. Для рассматриваемых преступлений характерно оставление как материальных, так и идеальных следов. Обнаруженные на месте следы преступления могут свидетельствовать об определенном способе его совершения, в то время как данные о способе позволяют обоснованно выдвигать частные версии относительно личности преступника.

Список литературы

1. Холодняк И.В. Криминалистическая характеристика кражи природного газа из газопровода // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. N 2 (48). С. 139-145.

2. Халиков И.А. Об основных правовых понятиях, используемых в диспозиции ст. 243.2 УК РФ // Вестник Самарского юридического института. 2019. N 1 (32). С. 109-114.

3. Антонян Ю.М. Изучение личности преступника. М., 1982. 80 с.

References

1. Kholodnyak I.V. Criminalistic characteristics of the theft of natural gas from a gas pipeline. Legal Science and Law Enforcement Practice, 2019, no. 2 (48), pp. 139-145. (In Russ.).

2. Khalikov I.A. On the main legal concepts used in the disposition of Article 243.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. Bulletin of the Samara Law Institute, 2019, no. 1 (32), pp. 109-114. (In Russ.).

3. Antonyan Yu.M. Studying the personality of the criminal. Moscow, 1982. 80 p. (In Russ.).

ДЛЯ ЗАМЕТОК